

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

**2021 год Том 14 Выпуск 5
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5**

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова, Е. Н. Азарова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.10.2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновскова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2021 год Том 14 Выпуск 5

Содержание

Contents

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Воденко К. В., Иванченко О. С., Тихоновскова М. П., Лабадзе О. Е. Роль ресурса исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодёжи Юга России.....6	Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Tikhonovskova M. P., Labadze O. E. The Role of the Historical Memory Resource in the Formation of Civic Identity and Ensuring the Cultural Security of the Youth of the South of Russia.....6
Берсиров Т. Б. Операционализация понятия эффективности государственного управления высшим образованием.....21	Bersirov T. B. Operationalization of the Concept of Efficiency of State Management of Higher Education.....21
Искендерова Я. Ю., Левченко И. А., Сережникова Т. Л. Доверие в правовом сознании российской молодежи.....27	Iskenderova Y. Yu., Levchenko I. A., Serezhnikova T. L. Trust in the Legal Consciousness of Russian Youth.....27
Кузнецов М. А. Модель социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа.....35	Kuzhelev M. A. The Model of Social Exclusion in the Lifestyle of Rural Youth of the Southern Federal District.....35
Скорик А. П. Поселенческий уклад как социальный институт (на примере исторического региона Кубани).....44	Skorik A. P. Settlement Layout as a Social Institute (on the Example of the Historical Region of Kuban).....44

Слизский Е. А. Специфика представленности диаспор в социальной структуре современных государств.....53	Slizskiy E. A. The Specificity of the Representation of Diasporas in the Social Structure of Modern States.....53
Черевкова А. И. Факторы формирования туристских практик старшего поколения (по материалам экспертных интервью).....61	Cherevkova A. I. Formation Factors of the Older Generation' Tourist Practices (Based on the Materials of Expert Interviews).....61

Экономика и управление

Economics and Managment

Баранова И. В. Механизм институциональных изменений в деятельности холдинговых структур агропромышленного комплекса России.....70	Baranova I. V. The Mechanism of Institutional Change in the Activities of the Holding Structures of the Agricultural Complex of Russia.....70
Вегнер-Козлова Е. О. Перспективы развития промышленного региона в контексте целей устойчивого развития.....77	Wegner-Kozlova E. O. Prospects for the Development of the Industrial Region in the Context of the Sustainable Development Goals.....77
Гязов А. Т., Усонов М. М., Тагаев Х. К., Кадыров Ш. И. Искусственный интеллект и его место в развитии малого бизнеса.....86	Giyazov A. T., Usonov M. M., Tagaev Kh. K., Kadyrov Sh. I. Artificial Intelligence and Its Place in the Development of Small Business.....86
Зацаринная Е. И., Семенова А. Н. Анализ ошибок, возникающих при формировании начальной максимальной цены договора.....98	Zatsarinnaya E. I., Semenova A. N. Analysis of Errors Arising in the Formation of the Initial Maximum Price of the Contract.....98
Кузнецов В. П., Андрияшина Н. С., Бакулина Н. А. Экономическая составляющая разработки бизнес-плана предприятия машиностроения: теория, методология, практика.....106	Kuznetsov V. P., Andryashina N. S., Bakulina N. A. The Economic Component of the Development of a Business Plan of a Machine-building Enterprise: Theory, Methodology, Practice.....106
Левченко Н. А., Иващенко С. А., Романенко Е. В. Социально-экономические права и их роль в обеспечении защищенности человека.....113	Levchenko N. A., Ivashchenko S. A., Romanenko E. V. Socio-Economic Rights and Their Role in Ensuring Human Security.....113
Маркеева Г. А. Значение и перспективы аутсорсинга для развития предпринимательской деятельности.....121	Markeeva G. A. The Importance and Prospects of Outsourcing for the Development of Entrepreneurial Activity.....121

Моисеева Е. М. Методологические проблемы количественных оценок и прогнозов климатической миграции.....128	Moiseeva E. M. Methodological Problems of Quantitative Estimates and Forecasts of Climate Migration.....128
Рожков Е. В. Совершенствование механизмов и нормативной базы по созданию цифровой платформы управления муниципальным имуществом.....142	Rozhkov E. V. Improvement of Mechanisms and Regulatory Framework for the Creation of a Digital Platform for Municipal Property Management.....142
Рудская И. Б., Шукшина Н. Н., Миргород А. Г. Оптимизация финансовой политики сельскохозяйственной организации.....148	Rudskaya I. B., Shukshina N. N., Mirgorod A. G. Optimizing the Financial Policy of Agricultural Organization.....148
Хубаев Г. Н. Как оценить и минимизировать затраты времени и финансовых ресурсов на процессы обучения граждан: методы и инструменты.....156	Khubaev G. N. How to Evaluate and Minimize the Time and Financial Resources Spent on Citizen Education Processes: Methods and Tools.....156
<hr/>	
Научная жизнь	Scientific life
<hr/>	
Дятлов А. В., Ковалев В. В., Воденко К. В. Самостоятельное присуждение ученых степеней: проблемы и перспективы.....171	Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Vodenko K. V. Independent Awarding of Academic Degrees: Problems and Prospects.....1714

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-6-20

РОЛЬ РЕСУРСА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЁЖИ ЮГА РОССИИ

Константин Викторович Воденко^{1✉}, Ольга Сергеевна Иванченко²,
Мария Петровна Тихоновскова³, Олеся Евгеньевна Лабадзе⁴

^{1, 2, 3, 4}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹vodenkok@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

²olga.ivanchenko1509@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0173-1804, AuthorID РИНЦ: 698786

³tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID РИНЦ: 1096051

⁴efimowa.olesya@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8584-3477, AuthorID РИНЦ: 778690

Аннотация. *Цель работы* — определить роль и значение исторической памяти в формировании национальной идентичности молодежи полиэтнического региона. *Рабочей гипотезой* данного исследования выступает предположение о том, что историческая память является инструментом консолидации, потенциал которой малоэффективно используется в формировании национальной идентичности молодежи полиэтнического региона в рамках реализуемой государственной политики.

Методология исследования. В статье представлены результаты социологического опроса, проведенного в феврале 2021 г. в Южном федеральном округе среди молодежи в возрасте 15–35 лет.

Результаты исследования. Исследование выявило, что историческая память как основа конструирования национальной идентичности не имеет эмоциональных маркеров в сознании молодежи и формируется политической повесткой, что снижает консолидирующий потенциал исторической памяти в формировании национальной идентичности. Отмечается несформированность интеграторов национальной идентичности, которые имеют четкую дифференциацию по двум критериям: «общая государственность» (формальное значение) и «историческое прошлое» (культурно-ценностное основание). Результаты опроса свидетельствуют о возрастной дифференциации установок в дихотомии «консолидация-дезинтеграция» молодого поколения.

Перспективы исследования. Исследование подчеркивает необходимость выработки исторической политики государства в рамках реализуемой культурной и образовательной политики.

Ключевые слова: культурная безопасность, историческая память, историческая политика государства, гражданская идентичность, полиэтничный регион, молодежь, консолидация

Для цитирования: Воденко К. В., Иванченко О. С., Тихоновскова М. П., Лабадзе О. Е. Роль ресурса исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодёжи Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Original article

THE ROLE OF THE HISTORICAL MEMORY RESOURCE IN THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY AND ENSURING THE CULTURAL SECURITY OF THE YOUTH OF THE SOUTH OF RUSSIA

*Konstantin Viktorovich Vodenko¹✉, Olga Sergeevna Ivanchenko²,
Maria Petrovna Tikhonovskova³, Olesya Evgenievna Labadze⁴*

^{1, 2, 3, 4}*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*vodennok@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

²*olga.ivanchenko1509@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-0173-1804, AuthorID RSCI: 698786

³*tikhonovskova.maria@yandex.ru*, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID RSCI: 1096051

⁴*efimowa.olesya@yandex.ru*, ORCID: 0000-0001-8584-3477, AuthorID RSCI: 778690

Abstract. The purpose of the study. The goal of the work is to determine the role and importance of historical memory in the formation of the national identity of the youth of the polyethnic region. The working hypothesis of this study suggests that historical memory acts as a consolidation tool, the potential of which is ineffectively used in the formation of the national identity of the youth of the polyethnic region in the framework of the state policy implemented.

The methodological basis. The article presents the results of a sociological survey conducted by February 2021 in the Southern Federal District among young people aged 15–35 years.

Research result. The study revealed that historical memory as a basis for the design of national identity does not have emotional markers in the consciousness of young people and is formed by the political agenda, which reduces the consolidation potential of historical memory in the formation of national identity. There is a non-deformation of the integrators of national identity, which have a clear differentiation on the two criteria of «general statehood» (formal importance) and «historical past» (cultural and value basis). The survey results indicate age differentiation of installations in the dichotomy «Consolidation-Disintegration» of the younger generation.

The prospect of the study. The study emphasizes the need to develop historical policies of the state, within the framework of the cultural and educational policy implemented.

Keywords: cultural security, historical memory, historical policy of the state, civil identity, polyethnic region, youth, consolidation

For citation: Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Tikhonovskova M. P., Labadze O. E. The role of the historical memory resource in the formation of civic identity and ensuring the cultural secu-

ity of the youth of the South of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 6–20. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>.

Acknowledgments: *The article was prepared within the framework of grant by the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — Doctors of Sciences (MD-1493.2020.6) on the topic «The Resource of Historical Memory in the System of Institutional Parameters of Social-Investment Development and Ensuring the Cultural Security of the Region».*

Введение. В условиях новых вызовов, связанных с угрозами геополитического, экономического и социокультурного характера, перед российским обществом остро стоит вопрос обеспечения культурной безопасности общества и прежде всего молодежи. Одним из направлений в решении данной задачи является формирование гражданской идентичности среди молодежи, способной консолидировать полиэтнический российский социум и мобилизовать усилия общества для предотвращения деструктивных процессов и выхода страны из глубокого социально-экономического и духовно-нравственного кризисов. Преодоление этих кризисов необходимо для дальнейшего развития общества, причем решение социально-экономических проблем тесно связано с духовно-нравственным состоянием молодежи. Суть духовно-нравственного кризиса проявляется в «утрате российским населением общественных идеалов и ценностей, которые обеспечивают видение целей общественного развития и будущего общества в целом» [7, с. 8]. В такой ситуации остро стоит вопрос о формировании гражданской идентичности и мерах обеспечения культурной безопасности общества как важной составляющей национальной безопасности страны.

В научной литературе не сложилось единого подхода в понимании культурной безопасности. Зарубежные авторы определяют культурную безопасность как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что долж-

но быть исключено» [30, с. 47]. В этом плане культурная безопасность направлена на сохранение культурной самобытности народов, на защиту от тенденции унификации культур.

В российском научном дискурсе сложилось несколько подходов, расставляющих свои акценты в определении понятия «культурная безопасность». Политико-правовой подход рассматривает культурную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства и его территорий от внешних и внутренних угроз в вопросах культурного развития» [23, с. 184] и составной элемент системы национальной безопасности. С точки зрения культурологического подхода культурная безопасность отражает исключительно «социокультурные возможности общества, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы) и создание благоприятных условий для культурной жизни общества» [18, с. 216], т.е. культурная безопасность распространяется только на область культуры, ее духовно-нравственную составляющую и художественное творчество. В фокусе социологического подхода культурная безопасность охватывает не только культурную сферу, но и все пространство социальных взаимодействий, что обеспечивает нормальное взаимодействие всех социальных институтов [24]. Наиболее конструктивным в ракурсе данного исследования для понимания специфики культурной безопасности следует назвать комплексно-философский подход, в рамках которого культурная безопасность — это не только совокупность мер, направленных на минимизацию рисков и угроз в сфере культуры, но и система внутренней саморегуляции и стабилизации общества, ориентированная на развитие культурного самосо-

знания государства и сохранение культурной идентичности народа. То есть культурная безопасность есть одновременно и защита культуры от угроз, и условие для ее гармоничного развития.

Состояние социокультурной ситуации в российском обществе оценивается как кризисное, что актуализирует вопрос о формировании гражданской идентичности и мерах обеспечения культурной безопасности общества как важной составляющей национальной безопасности страны, поэтому обеспечение культурной безопасности выступает важнейшей задачей государственного управления, связанной с защитой культурного кода нации. Последнее возможно только на основе сохранения исторической памяти народа, в которой сконцентрированы все его знания, представления и эмоции о социально значимых исторических событиях, объединяющих людей в конкретную социокультурную общность. Понимание этого заставляет обратить внимание на ресурс исторической памяти в формировании гражданской идентичности и управлении культурной безопасностью российского общества.

Серьезные риски культурной безопасности государства представляют радикальные религиозные идеи, распространяющиеся геополитическими акторами с целью дестабилизации ситуации в поликультурных регионах страны. Наиболее уязвимым регионом выступает Юг России, который в силу своей поликонфессиональности и полиэтничности носит потенциально конфликтный характер. Исторически Юг России является средоточием и смешением самых различных этнических, национальных, цивилизационных моделей социального развития. В связи с этим регион представляет собой сложный узел проблем, обусловленных этническими и конфессиональными противоречиями. Очевидно, что риски культурной безопасности региона обусловлены не только деятельностью геополитических акторов, но и такими факторами, как социокультурная и социально-экономическая неоднородность российского Юга, поэтому обращение к ресурсам исторической памяти может способствовать возрождению национального единства российского полиэтничного социума. Аккумулируя в себе знания, идеи, верования, ис-

торическая память формирует культурные архетипы народа, которые определяют специфику его мировоззрения и ментальности. В этом плане «историческая память образует ядро этнической, культурной и гражданской самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию индивидуального и массового поведения» [5, с. 47]. Исследователи правомерно обращают внимание, что «обеспечение единства и согласия в социуме определено самой нашей общей историей, отшлифовано веками, стало всенародной традицией, важнейшей ценностью нашего бытия и императивом времени» [9, с. 155]. Исторический экскурс дает основания утверждать, что Россию спасала сплоченность людей, которая перед лицом общей угрозы позволяла преодолеть сословно-классовые и этно-религиозные различия, отстаивать свою независимость и обеспечить дальнейшее развитие страны. Важнейшим фактором сохранения целостности российского государства являлось народное единство, которое в полной мере продемонстрировало свою мощь в 1612 г., 1812 г., 1941–1945 гг.

Методологическая и эмпирическая база исследования. Отдельные аспекты исторической памяти уже были предметом научных исследований. В научной литературе получили освещение проблемы теоретического формирования исторической памяти в современном российском обществе [5; 10; 12], вопросы, связанные с изучением роли исторической памяти в формировании коллективной идентичности [3; 13; 19; 27], ее потенциал в сохранении культурных традиций народов и обеспечении преемственности исторического опыта поколений [25], возможности политики памяти в конструировании социальной реальности [17]. Отдельные аспекты политического управления исторической памятью рассматривались в контексте проблем культурной и исторической политики государства [1; 2; 6; 14; 15]. Особое внимание в научном дискурсе уделяется роли исторической памяти в формировании гражданской идентичности и патриотизма [8; 30], анализу состояния исторического сознания молодежи [11], проблемам безопасности в полиэтничном социуме [16; 20; 21]. Несмотря на то, что в современном научном

знании проблеме исторической памяти уделяется достаточное внимание, в социальном знании отсутствует комплексный подход, позволяющий выявить ресурс исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодежи полиэтнического региона.

Методологической основой данного исследования является конструктивистский подход, позволяющий рассматривать историческую память как социальную конструкцию, формирующую коллективные представления о прошлом и воспроизводящую преемственность социальной жизни. С позиции данного подхода историческая память есть совокупность образов прошлого, определяющая мировосприятие людей и их понимание вектора развития общества. В этом аспекте историческая память выступает модератором общественного сознания. Подобные возможности исторической памяти выводят на изучение проблемы управления ею.

Применение деятельностного подхода позволяет рассматривать управление исторической памятью как организацию деятельности, направленную на консолидацию социума посредством формирования у индивидов представлений об общем прошлом. Это дает основание заключить, что консолидация общества представляет не стихийный, а вполне управляемый процесс.

Одной из разновидностей коллективной идентичности выступает гражданская идентичность, для исследования которой наиболее концептуальным представляется конструктивистско-инструменталистский подход. В рамках последнего национальная идентичность позиционируется как способ социального конструирования «воображаемых» политических общностей, в основе которого следующие компоненты: когнитивный (знания о культурно-исторической специфике нации), аффективный (эмоциональное отношение к своей культурно-политической общности), поведенческий (принятие и соблюдение моральных и правовых норм данного общества).

Эмпирическую базу исследования составило авторское социологическое исследова-

ние, проведенное на территории Южного федерального округа, который является не только культурно неоднородным регионом, но обладает ключевым стратегическим и геополитическим значением для национальной безопасности государства. Полиэтнический характер южного региона и присутствие трагических сюжетов в истории ряда народов, населяющих регион, делают его потенциально конфликтогенным [29]. Поликультурность, отражаясь в различных ценностных системах, оказывает серьезное влияние на модели социального поведения, как в повседневных практиках, так и в политических ориентациях молодежи. В такой ситуации становление общероссийской идентичности, опирающейся на общие для всего населения страны гражданские ценности, представляется весьма затруднительным.

Опрос проводился во всех субъектах Южного федерального округа методом анкетирования по квотно-стратифицированной выборке в 1100 респондентов при доверительном интервале 95% и предельной ошибке в выборке (Δ) $\geq 3\%$. Квотный признак (1) — административно-территориальные субъекты Южного федерального округа; (2) признак — возраст — в соответствии с данными официальной статистики объект исследования (молодежь ЮФО) была разбита на возрастные когорты: 15–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет, 30–35 лет. Для контроля надежности данных и предупреждения смещения выборки нами был введен дополнительный квотный признак — пол. На основании данных официальной статистики были сформированы данные о численности каждой страты в генеральной совокупности¹. Численность респондентов в каждой страте рассчитывалась путем определения доли, которую составляет общий объем выборки в объеме генеральной совокупности.

Ресурс исторической памяти в формировании гражданской идентичности молодежи Юга России. Результаты опроса показали, что понятие «историческая память» дифференцировано для респондентов по возрастным когортам. Так, для возрастной

¹ Федеральная служба государственной статистики (Численность и состав населения (витрины)) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

когорты 30–35 лет доминирует суждение, что «историческая память — это предмет борьбы политических сил» (37,6%), в то время как для возрастной когорты 15–19 лет «историческая память — это основа духовной и культурная преемственность поколений» (31,2%) (табл. 1). Интерпретация понятия «историческая память» в понимании молодежи (общее по массиву) имеет нейтральное, эмоционально немаркеруемое значение и трактуется как символическая точка соединения прошлого, настоящего и будущего. Трактовка «исторической памяти» в возрастной группе 30–35 лет имеет эмоциональную окраску и определяется как предмет борьбы политических сил. Такая интерпретация является следствием непоследовательности российской власти в отношении политики памяти и ее применения в рамках долгосрочных социокультурных проектов.

Как отмечает О.Ю. Малинова, сегодня «коллективное прошлое, скорее, является

объектом ситуативного “использования”, нежели предметом целенаправленного “конструирования”, очевидно, что политики, выступающие от имени российского государства, предпочитают не касаться “трудного прошлого” и стремятся, насколько это возможно, избегать определенности в оценках исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе» [17, с. 198]. В особенности это справедливо в отношении оценок таких трагических событий советской истории, как массовые репрессии, этнические депортации, неподготовленность страны к войне и т.п. Если избегать объективных оценок прошлого, то можно попасть в «ловушку актуальности», когда репрезентируются только те события истории, которые отвечают потребностям настоящего политического момента. Именно поэтому В. А. Ачкасов акцентирует внимание на том, что «государственные интересы, артикулируемые политической элитой, порой

Таблица 1
Table 1

Интерпретация понятия «историческая память» в понимании молодежи, по возрастным когортам, %
Interpretation of the concept of «historical memory» in the understanding of youth, by age cohorts, %

Суждение	Возрастные когорты				Всего по массиву
	15–19	20–24	25–29	30–35	
Историческая память — одна из важнейших ценностей общества	19,1	19,8	28	33	69,6
Историческая память — это основа духовной и культурной преемственности поколений	31,2	18,5	24	14,8	65,9
Историческая память предостерегает нас от ошибок	19,4	18,2	24,8	36,4	56,5
Историческая память способна вселять в народ уверенность в победе мира	19,1	19,6	24	37	57,5
Историческая память — символическая точка, в которой соединяются прошлое, настоящее и будущее	20	20,7	24,9	34,4	72,6
Историческая память — это средство манипулирования в политической повестке	23,8	24,6	34,2	17,4	41
Историческая память — предмет борьбы политических сил	21,1	32,2	21,9	37,6	31,3
Историческая память — это мыльный пузырь	28	29,9	24,3	17,8	10,8

меняются с точностью до наоборот, и историкам, ориентирующимся на власть, постоянно приходится колебаться вместе с “генеральной линией”. Поэтому жизненно необходимо сформировать и институализировать среду, в которой бы допускались сомнения, дискуссии по спорным вопросам общей истории и конкурирующие интерпретации исторических событий и фактов» [4, с. 190]. Вместе с тем формирование дискуссионной среды вокруг исторического наследия страны должно сопровождаться созданием условий для реализации просветительских молодежных программ по мемориализации событий, значимых для развития гражданской культуры. Историческая память народов представляет собой открытую социокультурную реальность, включающую в себя способную к обновлению, пересмотру систему символов, которые зачастую проводятся преимущественно в интересах тех или иных политических групп. Более того, в разных регионах мира наметилась общая тенденция усиления государственного контроля над политикой памяти, связанная с закреплением политически «правильных» трактовок исторического прошлого на законодательном уровне.

Российская Федерация как страна регионов, каждый из которых обладает своей культурной спецификой, имеет собственное прошлое и настоящее. Причем зачастую сами

регионы не обладают культурной однородностью, а напротив, отличаются культурной мозаичностью, обусловленной многообразием этнических общностей, проживающих в них. Такая ситуация несет в себе угрозы национальной безопасности страны, связанные с рисками сепаратизма и утраты целостности государства. В памяти многих народов Юга России хранятся исторические травмы, которые транслируются из поколения в поколение. Это касается и депортации в годы Великой Отечественной войны, и территориальных претензий народов друг к другу, а также сложных межэтнических отношений постсоветского периода. Такие негативные моменты переживания собственного исторического пути существенно усложняют реализацию официальной политики памяти, создавая предпосылки для замалчивания целого ряда событий травматического свойства, имевшего место в недавнем прошлом. В этой связи важно определить интеграторы гражданской идентичности в контексте того, что больше объединяет молодежь с гражданами страны и с регионом проживания по таким критериям, как «общая государственность» и «историческое прошлое» [22, с. 189].

Из таблицы 2 видно, что ключевыми субъективными интеграторами с гражданами всей страны являются общая территория, символы и язык, с регионом проживания —

Таблица 2
Table 2

Интеграторы гражданской идентичности, %
Integrators of civic identity, %

Интегратор	С гражданами всей страны	С регионом проживания
Общая территория	78,9	65,3
Историческое прошлое	61,2	75,2
Культура, традиции, обычаи	52,3	66,1
Общие символы (флаг, герб)	74,1	52,3
Язык	79,9	56,7
Религия	41,2	63,4
Ответственность за судьбу страны	23,6	36,3
Родственные, дружеские связи	20,1	45,2
Менталитет	48,5	49,4
Уклад жизни	32,2	55,2
Черты характера	36,4	60,8

в первую очередь культурные характеристики и историческая память, историческое прошлое, культура, традиции, уклад жизни, религия. Следует подчеркнуть, что у субъектов Южного федерального округа с ярко выраженным этнокультурным компонентом (Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Астраханская область) превалирует критерий исторического прошлого и этническая идентичность с ключевыми интеграторами — культуры, традиций, обычаев, родственных и дружеских связей, уклада жизни и черт характера.

Солидаризируясь с мнением исследователей, отметим, что «проявления подобной региональной идентичности и крайних форм “местечкового” патриотизма маргинальны, но потенциал для усиления, особенно в условиях обострения социально-экономической ситуации и межэтнических отношений, безусловно, существует» [20, с. 113].

Следует подчеркнуть, что не только полиэтничный характер южно-российского региона является фактором, затрудняющим процесс формирования гражданской идентичности у молодежи региона, но и его социально-экономическое состояние. Во многих районах Юга России сложился целый комплекс проблем, связанных с экономическим неблагополучием, безработицей, глубоким социальным неравенством, отсутствием перспектив и духовной дезориентации молодежи. Молодежь ряда субъектов Южного

федерального округа отметила, что регион ассоциируется у них с социально-экономическими условиями (безработица, низкий уровень оплаты труда и т.д.) и социальным неравенством (Республика Калмыкия — 57,3% и 51,2% соответственно, Астраханская область — 55,4% и 49,5% соответственно), многонациональным составом (Краснодарский край — 49,6%), конфликтностью (Ростовская область — 48,7%).

Очевидно, что в условиях идеологического вакуума и актуализации традиционных форм идентичности молодежь часто становится объектом вербовки террористических организаций. Являясь в социальном и мировоззренческом плане наиболее уязвимой демографической группой, молодежь нередко попадает под влияние радикальных религиозных идей, активно распространяемых в информационном пространстве. Это актуализирует проблему обеспечения культурной безопасности молодежи, которая представляет собой важнейший социальный ресурс развития региона, поскольку является основным субъектом общественных преобразований. Результаты опроса показали, что основным источником получения исторических знаний у молодежи являются интернет-ресурсы (36,7%) и кинофильмы по исторической тематике (20,1%), тогда как учебники и научные труды занимают лишь четвертую ранговую позицию (18,0%) (табл. 3). Полученные данные коррелируют с общероссийскими

Таблица 3
Table 3

Источники получения информации по истории России молодежью, %
Sources of information on the history of Russia by young people, %

Источник	%
Интернет-ресурсы, посвящённые исторической тематике	36,7
Кинофильмы по исторической тематике	20,1
Телепередачи по исторической тематике	18,4
Учебная литература (учебники, монографии, научные труды)	18
Журналы и газеты по исторической тематике	15,1
Мемуары, художественная литература	11,5
Музеи и экскурсии	10,3
Рассказы людей старшего поколения	3,5
Семейные архивы	2,9

данными, где основным источником получения исторической информации выступают исторические документальные и художественные фильмы (40% и 44% соответственно), интернет-ресурсы используют 26% респондентов, а научную и учебную литературу — 19% и 21% соответственно [11].

Сложившаяся ситуация несет в себе потенциальный риск искажения исторического прошлого и утрату критериев идентификации личности с обществом и социальными институтами. В условиях современного геополитического противоборства вопрос о сохранении и трансляции исторической памяти является вопросом культурной безопасности общества. Новые информационные технологии открывают широкие возможности для конструирования социальной реальности посредством создания того или иного «образа» истории. В этом плане борьба за общественное сознание сегодня сопровождается «войнами памяти», то есть столкновением различных интерпретаций прошлого, апеллирующих к разным идеологическим позициям.

При анализе установок молодежи в дихотомии «консолидация-дезинтеграция» видно, что среди молодежи доминируют не те, кто выбирает крайние позиции («безусловно согласен»), а те, кто выбирает промежуточные позиции («скорее согласен»), что свидетельствует о транзитном состоянии формирования

гражданской идентичности среди молодежи полиэтнического социума (табл. 4).

Анализ пропорций показал, что внутри социально-демографической группы молодежи сформировалась внутренняя дифференциация по возрастным критериям по соотношению установок интеграции/дезинтеграции. Так, на крайних полюсах логически оказались младшая возрастная (15–19 лет) и старшая возрастная когорты (30–35 лет). Молодежь в возрасте 15–19 лет в большей степени ориентирована на дезинтеграцию, обособленную индивидуализацию. Молодые люди в возрасте 30–35 лет более ориентированы на консолидацию и единение. Объяснение данного феномена заключается в том, что совокупность установок личности определяется личным социальным опытом, знаниями, ценностными ориентациями, которые формируют субъективную оценку происходящих событий общественной жизни. Степень признания или отвержения индивидом нововведений в общественной жизни зависит от жизненного опыта и духовно-нравственных ориентиров, которые составляют жизненное ценностное ядро конкретной личности. Поэтому процесс управления исторической памятью как инструмента консолидации общества и основы формирования национальной идентичности должен стать стратегической задачей культурной политики государства,

Таблица 4
 Table 4

**Распространенность установок среди молодежи на консолидацию и дезинтеграцию, %
 Prevalence of attitudes among young people towards consolidation and disintegration, %**

Установки	Степень согласия	Возрастные когорты				
		15–19	20–24	25–29	30–35	Всего по массиву
Установка на консолидацию: «В единении — сила!»	Безусловно согласен	11	15	17	23	19
	Скорее согласен	25	29	33	39	25
	Всего (1)	36	44	50	62	44
Установка на дезинтеграцию: «Главное — ладить самим с собой»	Безусловно согласен	15	19	18	21	18
	Скорее согласен	27	29	35	33	26
	Всего (2)	42	48	53	54	44
Соотношение установок	(1):(2)	0,8	0,9	0,9	1,14	1

поскольку без принятия своего прошлого, осмысления происходивших социально-экономических, политических и духовных процессов в жизни страны невозможно понять нынешнюю социальную реальность и извлечь уроки истории. Кроме того, политика памяти должна быть ориентирована, прежде всего, как показало проведенное социологическое исследование, на молодежь 15–19 лет. Молодежь данной возрастной когорты — это учащиеся (ученики школ, колледжей и младших курсов высших учебных заведений). Именно институт образования должен стать опорой в формировании исторического сознания, правильных духовно-нравственных ориентиров, обеспечить преемственность поколений исторической памяти. Мировоззренческие ориентиры молодежи должны опираться на гражданскую идентичность, ценностный и эмоциональный компоненты которой определяют отношение к государству, к народам, населяющим его и связанным общей историей и судьбой.

Выводы по результатам исследования. Сегодня, к сожалению, в российском обществе не сложилось единой модели понимания прошлого, идет процесс активной вестернизации культурных ценностей, налицо разрыв духовной связи между старшим и молодым поколениями, наблюдается отсутствие интереса к истории не только государства, но и своей «малой родины», низкий уровень гражданской культуры. Такая ситуация свидетельствует о духовном неблагополучии общества, что остро ставит вопрос о необходимости обеспечения его культурной безопасности. Очевидно, что основным объектом культурной политики российского государства должна стать молодежь, которая представляет собой социально активную часть населения России и выступает ключевым ресурсом инновационного развития общества. Именно молодежь создает образ будущего страны, который определяет тенденции развития страны. Поэтому одной из приоритетных задач государственного управления должно стать формирование гражданской идентичности и патриотизма российской молодежи.

Формирование гражданской идентичности в поликультурном регионе имеет свои

особенности и сложности, которые обусловлены как социокультурными и экономическими факторами, так и историческими травмами отдельных народов региона, имевшими место в недавнем прошлом. Следовательно, историческое прошлое молодое поколение в большей мере связывает с регионом проживания, а не с гражданами всей страны. Поиск интеграторов гражданской идентичности делится по двум критериям: критерий «общей государственности» (территория, символы, язык), имеющий формальное значение, и критерий «исторического прошлого», связанный исключительно с регионом проживания (культура, традиции, обычаи, родственные связи, уклад жизни) и имеющий более глубокое культурно-ценностное основание.

Интерпретация понятия «историческая память» не имеет эмоциональных маркеров и определяется политической повесткой, что снижает консолидирующий потенциал исторической памяти в формировании гражданской идентичности молодежи региона.

Внутренняя возрастная дифференциация молодежи относительно установок на консолидацию и дезинтеграцию свидетельствует о кризисном состоянии российского общества. Молодежь находится в транзитном состоянии, причина которого заключается в утрате чувства исторической перспективы, разрушении национального консенсуса, конфликте преемственности поколений, ослаблении влияния и авторитета социальных институтов. В такой ситуации остро стоит вопрос поиска общего ценностного основания, способного объединить не только молодежь, но и население страны, а также обеспечить согласие в обществе по ключевым вопросам его прошлого, настоящего и будущего. Эффективное управление процессом сохранения, трансляции и актуализации исторической памяти является одной из важнейших задач политики государства (культурной и образовательной). Историческая политика представляет собой технологию управления коллективной памятью. Внимание к прошлому и выстраивание устойчивых исторических ориентиров для своих граждан является частью любой государственной политики. В то же время важно не допускать политических манипуляций в отношении исторической памяти посредством создания исключитель-

но «удобного прошлого», забвения трагических и бесславных событий совместной истории, стремясь тем самым уйти от ответственности за них.

Список источников

1. Абрадова Е. С. Политика памяти как инструмент сохранения ценностей в процессе формирования новой национальной идентичности // Гуманитарный научный вестник. 2021. №2. С. 100–105.
2. Алексеева И. Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. №2. С. 82–95.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. №2. С. 181–192.
5. Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. №5. С. 44–52.
6. Бушуев В. В. Историческая политика современных государств: проблема определения и методология исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. №3. С. 285–302.
7. Волков Ю. Г., Дакоро М. А., Сагалаева Е. С., Таланова К. С. Духовно-нравственный кризис в России: статические характеристики // Социально-гуманитарные знания. 2014. №12. С. 34–45.
8. Воробьева Н. В. Формирование гражданской ответственности как общекультурной компетенции в преподавании Истории // Инновационное образование и экономика. 2015. №19. С. 12–21.
9. Гасанов Н. Н. Консолидация общества — императив времени // Социально-гуманитарные знания. 2016. №4. С. 153–168.
10. Горин И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память // Историко-педагогические чтения. 2007. №11. С. 114–117.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь в России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
12. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.
13. Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. 352 с.
14. Карпова Г. Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России // Журнал исследований социальной политики. 2009. №7(1). С. 7–20.
15. Крамаренко М. Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность // Постсоветские исследования. 2021. №4 (1). С. 33–42.
16. Лубский А. В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. №7 (1). С. 48–64.
17. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2012. №8 (4). С. 179–204.
18. Маршак А. Л. Художественная жизнь современной России как сфера культурной безопасности современной России: социокультурный подход // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2007. Вып. 11. С. 211–223.
19. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. №40-41 (2-3). С. 66–75.
20. Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы: коллективная монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону: Изд-во МарТ, 2013. 159 с.
21. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2011. 461 с.
22. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / М. К. Горшков и др.; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.

23. Сазонникова Е. В. Культурная безопасность как вопрос правовой политики: понятие и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №5 (11). С. 184–187.

24. Сергеев В. В. Формирование культурной безопасности в условиях модернизации российского общества. М.: НИЦ «Академика», 2010. 435 с.

25. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №2. С. 3–14.

26. Флиер А. Я. Культурная политика и идеология // Культура культуры. 2018. №4(20). С. 3–7.

27. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40/41). С. 8–27.

28. Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 396 с.

29. Шевченко О. М., Вагина В. О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. 2017. №6 (3). С. 300–309.

30. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife: Northern Research Forum, 2004. P. 46–50.

References

1. Abradova E. S. Politika pamyati kak instrument sohraneniya cennostej v processe formirovaniya novoj nacional'noj identichnosti [Memory Policy as a Tool for Preserving Values in the Process of Forming a new National Identity]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin]*. 2021; 2: 100–105. (In Russ.).

2. Alekseeva I. Yu. Upravlenie istoricheskoy pamyat'yu kak transdisciplinarnaya problema [Historical memory management as a transdisciplinary problem]. *Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology]*. 2019; 24 (2): 82–95. (In Russ.).

3. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identich-

nost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, 2004; 368 p. (In Russ.).

4. Achkasov V. A. Rol' «istoricheskoy politiki» v formirovanii rossijskoj identichnosti [The role of «historical politics» in the Formation of Russian Identity]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2015; 18 (2): 181–192. (In Russ.).

5. Bojtkov V. E. Istoricheskaya pamyat' v sovremennom rossijskom obshchestve: sostoyanie i problem formirovaniya [Historical Memory in Modern Russian Society: the State and Problems of its Formation]. *Sociologiya vlasti [Sociology of Power]*. 2011; 5: 44–52. (In Russ.).

6. Bushuev V. V. Istoricheskaya politika sovremennyh gosudarstv: problema opredeleniya i metodologiya issledovaniya [Historical Policy of Modern States: the problem of definition and research methodology]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. 2012; 3: 285–302. (In Russ.).

7. Volkov Yu. G., Dakoro M. A., Sagalaeva E. S., Talanova K. S. Duhovno-nravstvennyj krizis v Rossii: staticheskie harakteristiki [Spiritual and moral crisis in Russia: static characteristics]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. 2014; 12: 34–45. (In Russ.).

8. Vorob'eva N. V. Formirovanie grazhdanstvennosti kak obshchekul'turnoj kompetencii v prepodavanii Istorii [Formation of citizenship as a general cultural competence in the teaching of History]. *Innovacionnoe obrazovanie i ekonomika [Innovative education and economics]*. 2015; 19: 12–21. (In Russ.).

9. Gasanov N. N. Konsolidaciya obshchestva — imperativ vremen [Consolidation of society — the imperative of time]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. 2016; 4: 153–168. (In Russ.).

10. Gorin I. N. Kul'turno-istoricheskie simvoly i istoricheskaya pamyat' [Cultural and historical symbols and historical memory]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya [Historical and pedagogical readings]*. 2007; 11: 114–117. (In Russ.).

11. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' v Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij: monografiya [Youth in Russia in the Mirror of Sociology. To the re-

sults of many years of research: monograph]. Moscow, 2020; 688 p. (In Russ.).

12. Dmitrieva O.O. Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh koncepcij [Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2015; 6 (361): 132–137. (In Russ.).

13. Dyurkgejm E. Predstavleniya individual'nye i predstavleniya kollektivnye. Sociologiya: ee metod predmet, prednaznachenie. Raboty raznykh let [Individual views and collective views. Sociology: its method, subject, purpose. Works of different years]. Moscow, 1995; 352 p. (In Russ.).

14. Karpova G.G. Gosudarstvennoe upravlenie i obshchestvennye priority v sfere kul'turnoj politiki Rossii [Public administration and public priorities in the sphere of cultural policy of Russia]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. 2009; 7 (1): 7–20. (In Russ.).

15. Kramarenko M.B. Istoricheskaya politika kak instrument vneshnego vozdeystviya na identichnost' [Historical Politics as an instrument of external influence on identity]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2001; 4 (1): 33–42. (In Russ.).

16. Lubskij A.V. Proekty konstruirovaniya nacional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii [National Identity Construction Projects in Modern Russia]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2018; 7 (1): 48–64. (In Russ.).

17. Malinova O.Yu. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoy politiki: evolyuciya diskursa vlastvuyushchej elity v postsovetskoj Rossii [Political Use of the Past as an Instrument of Symbolic Politics: the Evolution of the Discourse of the Ruling Elite in Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX]. 2012; 8 (4): 179–204. (In Russ.).

18. Marshak A.L. Hudozhestvennaya zhizn' sovremennoj Rossii kak sfera kul'turnoj bezopasnosti sovremennoj Rossii: sociokul'turnyj podhod [The Artistic Life of Modern Russia as a Sphere of Cultural Security of Modern Russia: sociocultural approach]. *Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva* [Scientific

notes of the Russian Academy of Entrepreneurship]. 2007; 11: 211–223. (In Russ.).

19. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World Celebration of Memory]. *Neprikosnovennyj zapas* [An inviolable reserve]. 2005; 40-41 (2-3): 66–75. (In Russ.).

20. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi Rostovskoj oblasti: problemy, perspektivy i novye podhod [Patriotic education of the youth of the Rostov region: problems, prospects and new approaches]. Otv. red. Yu. G. Volkov [In Yu. G. Volkov (eds.)]. Rostov-on-Don: Izd-vo MarT, 2013. 159 p. (In Russ.).

21. Rossijskaya naciya: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie [The Russian Nation: Formation and ethno-cultural diversity]. Otv. red. V.A. Tishkov [In V.A. Tishkov (eds.)]. Moscow, 2011. 461 p. (In Russ.).

22. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 1 [Russian Society and the Challenges of the Time. Book 1]. M.K. Gorshkov et al.; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova [In M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov (eds.)]; Institut sociologii RAN. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015. 336 p.

23. Sazonnikova E.V. Kul'turnaya bezopasnost' kak vopros pravovoj politiki: ponyatie i sodержanie [Cultural security as a Legal policy issue: concept and content]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2011; 5(11): 184–187. (In Russ.).

24. Sergeev V.V. Formirovanie kul'turnoj bezopasnosti v usloviyah modernizacii rossijskogo obshchestva [Formation of Cultural security in the conditions of Modernization of Russian Society]. Moscow, 2010. 435 p. (In Russ.).

25. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennoego sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i novejschaya istoriya* [New and recent history]. 2000; 4: 3–14. (In Russ.).

26. Flier A. Ya. Kul'turnaya politika i ideologiya [Cultural policy and ideology]. *Kul'tura kul'tury* [Culture of culture]. 2018; 4 (20): 3–7. (In Russ.).

27. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical

memory]. *Neprikosnovennyj zapas [An inviolable reserve]*. 2005; 2-3 (40/41): 8–27. (In Russ.).

28. Hyubner K. Naciya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu [The Nation: from Oblivion to Rebirth]. Moscow, 2001. 396 p. (In Russ.).

29. Shevchenko O.M., Vagina V.O. Grazhdanskiy patriotizm kak ideya konsolidatsii molodezhi na Yuge Rossii: specifika i trudnosti formirovaniya [Civil Patriotism as an idea of Youth

Consolidation in the South of Russia: Specifics and difficulties of formation]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanitarians of the South of Russia]*. 2017; 6 (3): 300–309. (In Russ.).

30. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife: Northern Research Forum, 2004. P. 46–50.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 01.09.2021; approved after reviewing on 12.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Иванченко Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga S. Ivanchenko — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Тихоновскова Мария Петровна — младший научный сотрудник, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria P. Tikhonovskova — Junior Researcher, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Лабадзе Олеся Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olesya E. Labadze — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Вклад авторов:

Воденко К. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Иванченко О. С. — разработка инструментария социологического исследования; проведение исследования; обработка результатов.

Тихоновскова М. П. — проведение исследования; обработка результатов.

Лабадзе О. Е. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vodenko K. V. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Ivanchenko O.S. — development of tools for sociological research; conducting research; processing results.

Tikhonovskova M. P. — conducting research; processing the results.

Labadze O. E. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.74
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-21-26

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Тембот Батырбиевич Берсиров

*Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия
tbersey@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1551-2706*

Аннотация. *Целью* является проведение операционализации понятия эффективности государственного управления высшим образованием для определения эмпирических индикаторов как инструментов социологического измерения успешности реализуемой в настоящее время реформы высшей школы.

Методология основывается на неинституциональной парадигме, которая обеспечивает возможность субъектного и институционального измерения эффективности государственного управления высшим образованием.

Результаты. *Важнейшим* итоговым результатом проведенного анализа по заявленной проблематике является последовательная операционализация понятия эффективности государственного управления высшим образованием, благодаря которой нам удалось выйти на решения, имеющие как теоретическое, так и практическое значение. В теоретическом аспекте даны определения ключевым понятиям, смежным с тем, которое сформулировано в титуле данной статьи, но актуальным относительно создания концепции, направленной на выстраивание методологического основания для изучения эффективности государственного управления высшей школой. К их числу относятся «эффективность», «эффективность государственного управления», «эффективность государственного управления высшей школой». В прикладном аспекте очень важно выделить результат, заданный целью предлагаемой к рассмотрению статьи. Речь идет об определении эмпирических индикаторов, посредством которых можно было бы измерить реальную, а не декларативную эффективность. Актуальность подобного измерения обуславливается тем, что в некоммерческом секторе достижение эффективности принципиально не сводимо к показателям монетарного характера, а следовательно, необходимы верифицированные переменные, посредством которых эффективность управленческих действий может быть подтверждена или опровергнута.

Перспективы исследований авторы усматривают в применении определенных эмпирических индикаторов в рамках массового социологического опроса для исследования целевых ориентаций, ценностей, интересов акторов институционального пространства высшей школы.

Ключевые слова: высшее образование, эффективность, эффективность государственного управления, ресурсы, эмпирические индикаторы, риски недостижения эффективности

Для цитирования: Берсиров Т. Б. Операционализация понятия эффективности государственного управления высшим образованием // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 21–26. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-21-26>.

Original article

OPERATIONALIZATION OF THE CONCEPT OF EFFICIENCY OF STATE MANAGEMENT OF HIGHER EDUCATION

Tembot B. Bersirov

*Maikop State Technological University, Maikop, Russia
tbersey@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1551-2706*

Abstract. *The purpose of the study is to operationalize the concept of the effectiveness of public administration of higher education in order to determine empirical indicators as tools for sociological measurement of the success of the currently implemented reform of higher education.*

The methodological basis in general theoretical terms is based on the neo-institutional paradigm, which provides the possibility of subjective and institutional measurement of the effectiveness of public administration of higher education.

Research result. *The most important final result of the analysis on the stated problems is the consistent operationalization of the concept of the effectiveness of public administration of higher education, thanks to which we were able to reach solutions that have both theoretical and practical significance. In the theoretical aspect, definitions are given to key concepts that are related to the one formulated in the title of this article, but relevant to the creation of a concept aimed at building a methodological basis for studying the effectiveness of public administration in higher education. These include «efficiency», «efficiency of public administration», «efficiency of public administration of higher education». In the applied aspect, it is very important to highlight the result set by the purpose of the proposed article. It is about identifying empirical indicators that can be used to measure real, rather than declarative, performance. The relevance of this measurement is due to the fact that in the non-profit sector, the achievement of efficiency is fundamentally not reduced to monetary indicators, and therefore, verified variables are needed, through which the effectiveness of management actions can be confirmed or refuted.*

The prospect of the study is for further research in the application of certain empirical indicators in the framework of a mass sociological survey to study the target orientations, values, and interests of actors in the institutional space of higher education.

Keywords: *higher education, efficiency, efficiency of public administration, resources, empirical indicators, risks of failure to achieve efficiency*

For citation: *Bersirov T. B. Operationalization of the concept of efficiency of state management of higher education // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14 (5): 21–26. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-21-26>.*

Введение. В настоящее время проводится реформа в системе образования. Реформаторские процессы коснулись и самого верхнего звена системы российского образования — высшей школы. Главным последствием изменений стало радикальное преобразование всех принципов и традиций, на основе которых высшее образование функционировало в дореформенный период. Совер-

шенно очевидно, что на столь радикальные усилия инициаторов указанных процессов могло подвергнуть остро негативное восприятие эффективности работы высшей школы. Еще с начала 90-х годов прошлого столетия в общественном и научном дискурсе поднимались проблемы о том, что российские вузы работают вразрез с основными требованиями времени, уступают основным пот-

ребностям эпохи, низко оцениваются с точки зрения результативности основными акторами образовательного пространства: студентами, преподавателями, администрацией вуза, а также всеми заинтересованными сторонами, в числе которых чаще всего упоминались работодатели. Проходящие в настоящее время реформы нацелены в первую очередь на повышение эффективности образовательной деятельности российских вузов [2; 4; 10]. Однако результаты реформы получают крайне неоднозначную во многих своих проявлениях, критичную оценку. В связи с этим возникает вопрос: эта неоднозначность и эта критичность обусловлены проблемами адаптации к новой образовательной реальности, которая остро переживается всеми акторами без исключения, или в основе сомнений относительно проводимой реформы лежит убежденность в ее неэффективности? Этот вопрос актуализирует проведение эмпирических исследований, которые периодически осуществляются специалистами по социологии образования, но чаще всего самой же администрацией вузов. Мы полагаем, кто бы эти исследования ни проводил, они не будут иметь должной валидности, если под них не выстроить соответствующую задачам теоретико-методологическую платформу. В свете сказанного целью исследования является проведение операционализации понятия эффективности государственного управления высшим образованием для определения эмпирических индикаторов как инструментов социологического измерения успешности реализуемой в настоящее время реформы высшей школы.

Понятие эффективности в рамках сложившегося теоретического дискурса. Термин «эффективность» в научный оборот вводит Д. Рикардо, рассматривая его как соотношение между затраченными ресурсами и полученным результатом [6]. Эта трактовка становится в научной традиции господствующей на длительный промежуток времени, формируя оценочные установки для ее интерпретации [1]. Однако в конце XX века среди экономистов развернулась дискуссия вокруг этого понятия, т.к. были предложены иные когнитивные координаты. Причиной изменения традиционных представлений оказалось

применение менеджеристских инструментов в управлении некоммерческим сектором. Это обусловило резкое расширение дискурсивного пространства, т.к. его участниками стали не только экономисты, как прежде, но и представители иных наук: социологии, политологии, психологии, педагогики, юриспруденции и других. В результате обсуждения его участники разошлись на три дискурсивные площадки, где удалось прийти хотя бы к относительной согласованности в позициях [8].

Далее мы рассмотрим основные результаты представленной дискуссии, чтобы затем связать их с конструктом эффективности государственного управления высшим образованием.

В рамках первого подхода понимание эффективности нацеливается на достижение желаемого результата [5]. Безусловно, это крайне субъективная интерпретация понятия, и ее трудно воспринять из-за невозможности подобрать объективные критерии для оценивания. В подобных терминологических границах эффективность измеряется через арифметическую удовлетворенность социальных акторов. Она может быть рабочей в системе высшего образования, когда оно отождествляется с частными образовательными услугами. Второй подход сформировался на прежних позициях, характерных для экономической науки. Его представители рассчитывают эффективность из соотношения полученного результата и вложенного объема ресурсов [3]. Если этот подход применять к высшему образованию, то в основу измерения должны быть положены количественные показатели как главный индикатор достижения эффективности. Что касается третьего подхода, то он стал подлинно инновационным, и его появление можно оценивать как приращение научного знания благодаря состоявшейся дискуссии. Его особенность состоит в том, что критерием эффективности выступает достижение цели, поставленной перед организацией, если она была достигнута с таким количеством ресурсов, которое признано разумным и оправданным относительно специфики определенного вида деятельности [9]. В этом подходе мы видим разумный баланс субъективного и объективного. Для системы высшего образования данный подход может быть применим в том случае, если работают

механизмы академической оценки, то есть имеются такие институциональные связи между акторами, которые позволяют формировать конвенциональное пространство смыслов.

Таким образом, по нашему мнению, эффективность представляет собой наиболее разумное с точки зрения конвенциональной позиции основных акторов применение ресурсов, направленных на достижение целей, которые признаются значимыми для социальных акторов институционального пространства и внешних целей, соизмеренных с функциями социального института.

Конструирование понятия эффективности государственного управления высшей школой. Данное выше определение эффективности в приложении к высшему образованию означает, что оно может быть измеренным как с внутренних позиций социальных акторов, так и с точки зрения экспертного мнения о достижении высшим образованием ожидаемых от него целей. Это означает, что нам необходимо определиться, какие целевые функции имеются у социального института высшего образования.

Объединим этот аспект с определением основного актора, ответственного за эффективное управление высшим образованием. Это государство, определяющее федеральные образовательные стандарты, нормативные акты в системе менеджмента качества, замещение на должностях высших руководителей администрации вузов и ряд других базовых нормативных рамок, выступающих фундаментальными основаниями для проведения интеракций между социальными акторами, обеспечивающими и реализующими образовательный процесс в высшей школе.

Именно государство ответственно в том числе и за целевые ориентиры развития высшего образования. Согласно статье 2 федерального закона «Об образовании» к ним относятся три ведущие цели: профессиональная подготовка, социализация студентов и научная деятельность. Таким образом, говоря об эффективности государственного управления высшей школой, необходимо вести речь о том, насколько в процессе управленческой деятельности достигаются указанные цели при оптимальном расходовании ресурсов.

Здесь необходимо сделать ряд пояснений. Институциональная сфера высшего образования имеет дело с продуктом особого качества. Создаваемая им ценность — «знания» — проявляется в форме научных инноваций или актуально значимой образовательной информации. В отличие от деятельности коммерческой организации, где первостепенному учету подлежат затраченные материальные ресурсы и производственное время, в высшей школе происходит сложная синергия вложенных усилий и полученных результатов, эффективность которых чаще всего не имеет прямой корреляции с материальными ресурсами и продолжительностью труда, да и оценена она может быть через неопределенное время и неопределенными субъектами (работодателями, выпускниками, пациентами, клиентами, коллегами и т.п.).

В подобном понимании главная проблема достижения эффективности заключается в гармонизации указанных в вышеприведенном определении представлений относительно его качественного содержания между тремя сторонами — социальным актором, организацией и социумом. Потенциально вероятное решение заложено в избранном нами теоретическом подходе. Ценность заявленной неинституциональной методологии состоит в том, что она предоставляет возможность обосновать процессуальную сторону выхода на ожидаемые показатели эффективности и одновременно показывает универсальные для всех институциональных сфер перспективы решения проблем недостижения эффективности.

Общая позиция неинституционализма — признание активной роли социальных акторов в осуществлении интеракций, но эта активность обладает известными границами, которые устанавливаются социальными институтами. Границы имеют условно-конвенциональную природу, что обеспечивает им наличие весьма сильного заряда ригидности. Они не меняются под воздействием кратковременных потребностей и до определенного момента даже способны проявлять устойчивость к социальным изменениям. Такое их своеобразие обеспечивает формирование стабильной социокультурной матрицы, которая выступает в роли фильтра, пропускающего через себя типового актора, готового реализовывать не только индивидуализиро-

ванные интересы, но и групповые (организационные). Эффективность достигается благодаря тому, что деятельность социальных акторов содействует установлению институционального равновесия, их транзакционные издержки не ущемляют интересов других акторов, а целевая направленность обуславливается рациональным выбором.

Наибольший потенциал риска недостижения эффективности содержит отсутствие постулируемой рациональности в выборе целевых ориентаций и ресурсов для их достижения социальными акторами. Это может быть связано с отсутствием свободы в принятии решений, но в рамках неинституционального подхода принято считать, что подобного рода проблема проистекает от так называемой ограниченной рациональности [7]. Под этим обычно понимается когнитивная неспособность из множества различных альтернатив выбрать именно ту, которая обусловит наиболее эффективную модель поведения. Это особенно актуально в первую очередь для некоммерческого сектора, т.к. результаты его функционирования менее прогнозируемы, чем деятельность коммерческих организаций. Еще в большей степени это верно в отношении оценивания результатов, поскольку они едва ли могут быть измерены посредством таких универсальных индикаторов, как деньги. Кроме того, как уже указывалось, значимость результата, а следовательно, и общая оценка эффективности видны только по истечении определенного времени, что ведет к запозданию в принятии значимых управленческих решений.

В результате проведенной работы мы можем дать итоговое определение эффективности государственного управления высшей школой. Это деятельность уполномоченных органов государственной власти, обеспечивающая достижение таких целей, как профессиональная подготовка, социализация студенчества и научные инновации при оптимальном расходе затрачиваемых на все перечисленное общественных ресурсов.

Заключение. В науке отсутствует единое понимание эффективности. Можно выделить, как минимум, три основных подхода, в соответствии с которыми эффективность оценивается как субъективно значимый ре-

зультат, как превышение доходов над расходами, как достижение заданной цели с оптимальным расходом ресурсов. Мы определяем эффективность высшего образования как наиболее разумное с точки зрения конвенциональной позиции основных акторов применение ресурсов, направленных на достижение целей, которые признаются значимыми для социальных акторов институционального пространства и внешних целей, соизмеренных с функциями института высшего образования. Главное затруднение в обеспечении эффективного государственного управления высшей школой состоит в том, чтобы преодолеть ограниченную рациональность и выбрать именно ту альтернативную модель управленческих действий, в результате которой высшая школа будет не только достигать поставленные перед ней цели, но и обеспечивать в процессе этого достижения оптимальные траты общественных ресурсов.

Список источников

1. Аврех Г.Л., Федоренко Н.П., Щукин Е.П. Затраты и результаты: беседы об экономике. М.: Наука, 1990. 192 с.
2. Воденко К.В. Перспективы государственного регулирования сферы высшего образования // Гуманитарий Юга России. 2016. №6. С. 211–220.
3. Друкер П. Менеджмент: задачи, обязанности, практика. М.: Вильямс, 2008. 992 с.
4. Кушлин В.К. Государственное управление научно-инновационным развитием. Новое в мировой практике. М.: Проспект, 2017. 272 с.
5. Парето В. Учебник политической экономии: пер. с фр.; предисл. В.С. Автономова. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2018. 592 с.
6. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
7. Сергеев А.М. Взаимосвязь основных категорий неинституционализма // Известия Уральского государственного экономического университета. 2004. №8. С. 24–30.
8. Штеле Е.А., Вечерковская О.Б. К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. №5. С. 935–947.

9. Rothbard M. Power and Market: Government and the Economy. Auburn: Institute for Humane Studies, 1970. 325 p.

10. Konstantin V. Vodenko. Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security // International Journal of educational management. 2019. Vol. 33, Issue 3. P. 462–469.

References

1. Avreh G.L., Fedorenko N.P., Shhukin E.P. Zatraty i rezul'taty: besedy ob jekonomike [Costs and results: conversations about the economy]. Moscow: Nauka. 1990. 192. (In Russ.).

2. Vodenko K.V. Perspektivy gosudarstvennogo regulirovaniya sfery vysshego obrazovaniya [Prospects of state regulation of the sphere of higher education] // Gumanitarij Juga Rossii. 2016; (6): 211–220. (In Russ.).

3. Druker P. Menedzhment: zadachi, objazannosti, praktika [Management: tasks, responsibilities, practice]. Moscow: Vil'jams. 2008. 992. (In Russ.).

4. Kushlin V.K. Gosudarstvennoe upravlenie nauchno-innovacionnym razvitiem. Novoe v mirovoj praktike. Moscow: Prospekt, 2017. 272 p. (In Russ.).

5. Pareto V. Uchebnik politicheskoy jekonomii: per. s fr. / V. Pareto; predisl. V.S. Avtonomova. 2-e izd. [Textbook of political economy: trans. from the French V. Pareto; preface by V.S. Avtonomov. 2nd ed.]. Moscow: INFRA-M. 2018. 592. (In Russ.).

6. Rikardo D. Nachala politicheskoy jekonomii i nalogovogo oblozheniya [The beginnings of political economy and tax taxation]. Moscow: Jeksmo. 2007. 960. (In Russ.).

7. Sergeev A.M. Vzaimosvjaz' osnovnyh kategorij neoinstitucionalizma [Interrelation of the main categories of neo-institutionalism] *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [News of Ural State University of Economics]. 2004; (8): 24–30. (In Russ.).

8. Shtele E.A., Večerkovskaja O.B. K voprosu o ponjatii «jeffektivnost'» [On the question of the concept of «efficiency»] *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2017; 16(5): 935–947. (In Russ.).

9. Rothbard M. Power and Market: Government and the Economy. Auburn: Institute for Humane Studies, 1970. 325 p.

10. Konstantin V. Vodenko. Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security // International Journal of educational management. 2019. Vol. 33, Issue 3. P. 462–469.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted on 01.08.2021; approved after reviewing on 25.08.2021; accepted for publication on 15.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Берсиров Тембот Батырбиевич — кандидат социологических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет.

Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

Tembot B. Bersirov — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Maikop State Technological University.

191 Pervomayskaya st., Maykop, Russia

Научная статья
УДК 316.6:340.114.5-053.6
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-27-34

ДОВЕРИЕ В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Яна Юрьевна Искендерова^{1✉}, Ирина Андреевна Левченко²,
Татьяна Леонидовна Серезникова³

^{1, 2, 3}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹yaiskenderova@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0001-7179-8038, AuthorID РИНЦ: 733591

²Kirka_13.87@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1900-1455, AuthorID РИНЦ: 838533

³Jurisprudence-urgtu@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3783-3615, AuthorID РИНЦ: 697382

Аннотация. Целью исследования является анализ доверия в правовом сознании российской молодежи как категории «реализации взаимных ожиданий и обязательств» в контексте функционирования институтов права в российском обществе.

Методологическую базу исследования представляют определенные концептуальные схемы и идеи, выдвинутые видным социологом П. Штомпка, считающим, что культура доверия является социальным капиталом, символическое измерение которого конвертируется в экономический, властный, культурный капиталы. Также исследование базируется на идеях современных российских исследователей М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, которые на уровне масштабного долгосрочного мониторинга молодежи сделали вывод о том, что формирование правового сознания российской молодежи связано не столько с провозглашением идеи построения демократического правового государства, сколько с тем, чтобы молодежь ощущала, воспринимала и оценивала действующую систему права и реформирования правовых институтов.

Результаты исследования. На основе результатов эмпирических исследований делается вывод о том, что доверие в правовом сознании российской молодежи как интегрированности идей, представлений о праве и его статусе в российском обществе отражает позицию молодежи относительно полуправового характера российского государства и необходимости правового реформирования с целью возвышения доверия на системный уровень, связанный с укреплением нормативно-правового поля и устранения барьеров на пути модернизации правовой системы.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ доверия в правовом сознании российской молодежи.

Ключевые слова: доверие, правовое сознание российской молодежи, функционирование институтов права, нормативизм, инструментализм

Для цитирования: Искендерова Я. Ю., Левченко И. А., Серезникова Т. Л. Доверие в правовом сознании российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 27–34. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-27-34>.

Original article

TRUST IN THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH

Yana Yu. Iskenderova¹✉, Irina A. Levchenko², Tatyana L. Serezhnikova³

^{1, 2, 3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹yaiskenderova@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-7179-8038, AuthorID RSCI: 733591

²Kirka_13.87@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1900-1455, AuthorID RSCI: 838533

³Jurisprudence-urgtu@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3783-3615, AuthorID RSCI: 697382

Abstract. *The purpose of the study is to analyze trust in the legal consciousness of Russian youth as a category of «realization of mutual expectations and obligations» in the context of the functioning of legal institutions in Russian society.*

The methodological basis of the research is represented by certain conceptual schemes and ideas put forward by the prominent sociologist P. Shtompka, who believed that the culture of trust is a social capital, the symbolic dimension of which is converted into economic, power, cultural capitals. The study is also based on the ideas of modern Russian researchers M. K. Gorshkov and F. E. Sheregi, who, at the level of large-scale long-term monitoring of young people, concluded that the formation of the legal consciousness of Russian youth is connected not so much with the proclamation of the idea of building a democratic rule of law, but rather with the fact that young people feel, perceive and evaluate the current system of law and the reform of legal institutions.

The results of the study. Based on the results of empirical research, it is concluded that trust in the legal consciousness of Russian youth, as an integration of ideas, ideas about law and its status in Russian society, reflects the position of young people regarding the semi-governmental nature of the Russian state and the need for legal reform in order to raise trust to a systemic level associated with strengthening the regulatory framework and removing barriers to the modernization of the legal system.

The prospect of the study is a further analysis of trust in the legal consciousness of Russian youth.

Keywords: *trust, legal consciousness of Russian youth, functioning of legal institutions, normativism, instrumentalism*

For citation: *Iskenderova Y. Yu., Levchenko I. A., Serezhnikova T. L. Trust in the legal consciousness of Russian youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 27–34. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-27-34>.*

Введение. Категория доверия прочно утвердилась в социально-гуманитарной мысли, означая, что в условиях социальной неопределенности, неоднозначных тенденций в развитии социально-нормативной системы общества особое место имеет доверие как субъективный аспект общественных отношений, как система ожиданий в отношении социальных субъектов, имеющая если не predetermined, то прогнозируемый характер. Действительно, в современном обществе, как показывает видный

социолог П. Штомпка, культура доверия является социальным капиталом, символическое измерение которого конвертируется в экономический, властный, культурный капиталы. Говоря об этом, следует иметь в виду, что доверие/недоверие выступает важным фактором снижения или повышения транзакционных издержек в экономике, правовых и политических рисков, влияет на уровень социальной консолидации и связь между публичным дискурсом и межличностным общением.

Правовое сознание российской молодежи, которое можно определить как интегрированность идей, норм, принципов, представлений о сущности права и правовых механизмах общества, выявляется не только в феномене законопослушности, допустимости или недопустимости иллегальных (неправовых) практик, но и в институциональном доверии к правовым институтам и межличностном доверии к социальным субъектам как носителям правового поведения. Независимо от оценки тенденции неоднородности правового сознания молодежи, надо отметить, что в сфере правового сознания имеют место определенные правовые парадоксы и коллизии, что правовое сознание российской молодежи соединяет принятие права как атрибута современной личности и вместе с тем под влиянием социальных рисков характеризуется средней степенью толерантности к неправовым феноменам.

Основная часть. В российском обществе доверие имеет специфический характер и основывается, прежде всего, на доверии к государству и институту Президента. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований, в которых институт Президента «венчает» иерархию социальных и властных институтов [1]. Очевидно, что доверие российской молодежи является производным от показателей социальной адаптации, множественности социальных ролей, типов социального поведения молодого поколения, но самое важное состоит в том, что его можно характеризовать как «ставку на будущее». Это требует уточнения и конкретизации, так как если исходить из социального опыта, молодежь в меньшей степени, чем старшее поколение, занимает позицию безусловного доверия, того, что именуют этатистским или государственно-комплексом.

Однако есть необходимость осмысливать доверие в правовом сознании российской молодежи как явление, связанное не с опекунами ожиданиями со стороны государства и общества, а в большей степени как совокупность факторов, движимых стремлением молодежи занимать самостоятельные позиции, смотреть с уверенностью в будущее и через правовые институты расширять коридор жизненных возможностей. Ожидания, связанные

с правовыми институтами, в правовом сознании российской молодежи содержат не меньшие, а более высокие требования к эффективности правовой регуляции по сравнению со старшими поколениями. Обосновывая данную мысль, есть смысл опираться на то, что российская молодежь в виде трех постсоветских поколений не знает и не в состоянии использовать предшествующий социальный опыт взаимоотношений личности, общества и государства, что обоснованность доверия или недоверия в правовом сознании российской молодежи является и структурной, и ситуативной. Структурной — как признание молодежью роли правовой регуляции в реализации жизненных планов, ситуативной — в прагматике использования правовых механизмов. Причины, по которым молодежь склонна к правовым практикам или, наоборот, их отвергает и ограничивает, определяется готовностью достижения жизненных целей через отклонение или принятие права в качестве способа социального действия.

Здесь важным моментом является то, что мы можем охарактеризовать как импульсы доверия, то есть доверие как система ожиданий, связанных с функционированием правовых институтов, постоянно изменяется, и объясняется это тем, в какой степени право актуализировано в жизни общества, влияет на межличностный и межгрупповой уровни. Поясняя эту мысль, можно говорить о том, что доверие становится механизмом правовой регуляции и саморегуляции молодежи при реализации трех условий. Первое связано с легитимацией правовых институтов, с признанием их приоритетности в регулировании общественных отношений, а не только социальных и межличностных конфликтов. Второе — с тем, что в нынешних условиях, когда правовые институты под влиянием объективных и субъективных факторов могут быть нефункциональны, выполнять возложенные на них функции только частично или выборочно, доверие является фактором стабильной самооценки молодежи, демонстрации того, что российская молодежь оценивает современное общество с позиции приоритетности или периферийности правовых институтов.

К такому выводу пришли российские исследователи М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, когда на уровне масштабного долгосроч-

ного мониторинга молодежи сделали вывод о том, что формирование правового сознания российской молодежи связано не столько с провозглашением идеи построения демократического правового государства, сколько с тем, чтобы молодежь ощущала, воспринимала и оценивала действующую систему права и реформирования правовых институтов [2]. 51,5% респондентов придерживались позиции, что Россия «не совсем является» правовым государством [2]. Такой внешне уклончивый ответ не является попыткой уйти от однозначных суждений и оценок. Можно предположить, что на заявленную позицию влияет фактор доверия к правовым институтам, так как при определенном скепсисе и негативизме восприятия действительности право является «желательным», и с ним связывается комплекс представлений о законности, независимости судов, соблюдении прав и свобод граждан.

Следует подчеркнуть, что доверие является для молодежи нормативным, что характеризует идеальность представлений о том, как должны функционировать правовые институты в российском обществе. Инструментальные значения доверия имеют более низкий уровень, так как молодежь говорит о полуправовом характере российского общества, о том, что право вошло в общественные отношения, воспринимается необходимым, но не является должным. Как пишут Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, в условиях социальной неопределенности вступления молодежи во взрослую жизнь доверие в правовом сознании российской молодежи ограничивает экстремальные, рискогенные проявления в ее социальном поведении, то есть по показателям доверия можно говорить о том, что молодежь не демонстрирует безусловное доверие, которое является результатом, скорее, смешения права и традиционности, а видит в праве и правовых институтах средства рационализации общественных отношений, повышения их прогнозируемости и планируемости [9].

В данном случае авторы говорят об экстремальных настроениях в различных сферах жизнедеятельности молодежи, но, по существу, рассматривают доверие как интегративный показатель дистанцированности или эмпатии молодежи к базисным социальным

институтам российского общества. При том что, как отмечают авторы, у молодежи доминирует нигилизм по отношению к институтам власти и общественным организациям, не стоит торопиться с выводом о том, что российская молодежь индифферентна или нигилистически настроена по отношению к правовым институтам.

В правовом сознании российской молодежи правовой нигилизм не воспринимается заслуживающим высокой оценки. Другое дело, что доверие ориентировано на эффективность правовых институтов так же, как и недоверие основывается на сбоях, дефицитах правовых регуляторов и решении жизненных проблем неправовыми способами. Доверие, таким образом, имеет нормативную ориентированность в представлениях о миссии правовых институтов в обществе, инструментальную в оценке конкретных результатов функционирования и генерализирующую — в осознании значимости доверия как обязательного правила поведения в обществе.

Исходя из этого, можно говорить о том, что доверие в правовом сознании молодежи дифференцировано. Здесь приоритетным можно считать нормативность, ориентированность молодежи на функциональность правовых институтов, на реализацию их ожиданий, связанных с правовыми нормами. Доверие имеет шансы быть нормативным в молодежной среде, если правовое сознание основывается на конституирующей идее права, на том, что правовые институты являются условием позиционного доверия молодежи к представителям правовых институтов и уверенности в том, что функционирование правовых институтов определяется профессионализмом, соблюдением обязательных формальных норм и правовые институты действуют в интересах молодежи как формальные «безличностные» регуляторы. Это интересный момент, характеризующий отличие молодежи от среднего и старшего поколений, воспринимающих право лишенным «неформальности», свободным от подозрений в nepотизме и возможности не предпринимать действия в целях предотвращения рискогенных ситуаций на основании того, что личность подвергается опасности или спонтанным непредсказуемым воздействиям.

Нормативная ориентированность доверия российской молодежи укладывается в реальность множественности социальных ролей, в которые вовлечена молодежь, требующих применения правовых норм, не являвшихся актуальными в предшествующий период, в частности, в сферах бизнеса, наследования, кредитования, страхования. Таким образом, российская молодежь вовлечена в правовые практики, что по сравнению со средним и старшим поколением является необходимостью, связана с правовыми знаниями и, что не менее важно, — со способностью актуализации правовой компетентности на институциональном уровне.

Инструментальная ориентированность молодежи на доверие к праву основывается в рамках баланса доверия/недоверия, то есть представители молодого поколения, работающие в сферах высоких технологий, сервиса, логистики, менеджмента, воспринимают правовые механизмы в качестве «рабочих условий». Для них важными являются эффективность института права, минимизация рисков правового произвола и в конечном счете конвертация правового регулирования в ожидаемые результаты. Иначе говоря, российская молодежь основывается на доверии вне определения права в его «высоком значении», то есть не ставит вопрос об идеальности права как конечной цели развития общества.

Мы уже отмечали, что правовой негативизм не является формой самоутверждения молодежи [9]. С другой стороны, нельзя с большой степенью уверенности говорить о том, что в молодежной среде доминирующей является инструментальность права как безоговорочная основа доверия к праву. Дело в том, что существует риск отклонения правовых норм не в контексте представления о должном и реальном праве, а связанный с возможностями реализации жизненных планов. Как показывают результаты социологических исследований, умеренное доверие к правовым институтам определяется запросом на правовые регуляторы. Здесь следует учитывать, что для российской молодежи права и свободы имеют инструментальное значение и могут быть квалифицированы как обоснование действующих стратегий молодежи.

Вместе с тем, руководствуясь собственными интересами в системе правовых отно-

шений, респонденты исходят из желаемого статуса, из того, что согласуется с их представлениями о праве. Таким образом, доверие становится транзитивным, определяемым реальными показателями эффективности правовых институтов. В этом убеждаешься, когда заходит речь о разности потенциала доверия по отношению к конкретным правовым институтам. Если брать реальные показатели доверия, можно отметить, что более высокой степенью доверия обладают правоохранные структуры по сравнению с судебной системой [1]. На наш взгляд, это является следствием того, что за правоохранными структурами признается реальность права, в то время как судебная система рассматривается как отложенное право, не имеющее гарантированных результатов.

Действительно, правоохранные структуры воспринимаются в контексте обыденного сознания молодежи, ассоциируются с авторитетом государства, судебная система является системным институтом, общение с которым требует от личности определенного уровня правового сознания, содержащего представления о принятии судебных решений. В пользу такого вывода говорит то, что судебная система, если принимать во внимание мнение молодежи о полуправовом характере государства, квалифицируется как признак правового государства и, следовательно, не относится к конкретным ожиданиям молодежи. Сравнительно низкий уровень доверия к судебной системе в молодежной среде определяется и тем, что для молодых россиян «правильность» судебных решений воспринимается как следствие ресурсных различий участников процесса, что в молодежной среде не утвердилась мысль о правовом равенстве.

На первый взгляд, инструментальная ориентированность доверия противоречит нормативной модели, но в реальности правового сознания российской молодежи нормативность обретает конкретность в инструментальности, полезности правовых институтов. И здесь можно фиксировать сложность перехода от инструментальности доверия к системному уровню, так как молодежь полагает полуправовой характер российского государства и в зависимости от оценки эффективности правовых институтов воспринимает нефункциональность или как следс-

твие издержек правового реформирования и становления нового правового порядка, или как несвободу от неправового наследия, а также воспроизводства неправовых рецидивов российского общества.

В этом смысле системное доверие к праву не вошло укорененным образом в правовое сознание российской молодежи. Во многом системное доверие представляется связанным с фундаментальной ценностью права в обществе, но «искажающий» нюанс состоит в том, что правовое сознание российской молодежи не определяет право как культурную модель общественной жизни. В правовом сознании отражается не только социальное положение индивидов и групп, но и готовность к принятию системного доверия [8]. Так как системное доверие к праву предполагает правовое равенство, оно есть результат компромисса реальных интересов и требований различных социальных групп и слоев, и молодежь в этом процессе не является исключением.

Заключение. Неоднородность молодежной среды, ее социальные и культурные различия делают возможной перспективу системного доверия к праву как осознанию экзистенциальности и безальтернативности права для развития общества, государства и личности в контексте роста побудительных стимулов к принятию права в качестве базового условия доверия в обществе. Здесь можно сослаться на исследование американского теоретика А. Селигмена, который отмечал, что в современном обществе право с необходимостью воспринимается как господство закона, лимитирующего границы недоверия между людьми и обязывающего к ответственности в случае нереализации взаимных ожиданий [7]. Так как на межличностном уровне проявляется эгоистичность частных интересов, а моральные ценности не могут гарантировать доверие, речь идет о том, что доверие к праву является генерализованным обменом, то есть личность может сомневаться во многом, но не подвергать скепсису правовые нормы в силу их универсальной договоренности.

Это аналитическое рассуждение проясняет ситуацию, в которой российская молодежь не достигла уровня системного доверия

к праву, но не отделяет правовые институты от государства в целом, учитывая тот факт, что общественные ассоциации, занятые правовой деятельностью, не авторитетны в молодежной среде. Таким образом, системное доверие к праву актуализирует высокую степень интолерантности молодежи к неправовым явлениям. Самое главное — следует обратить внимание на формирование в правовом сознании российской молодежи установки на решение конфликтов правовыми способами.

Поэтому категория доверия в правовом сознании российской молодежи может считаться социально зафиксированной, характеризующей снижение уровня правового нигилизма, по сравнению с предшествующим десятилетием, вместе с тем доверие, где доминируют нормативный и инструментальный смысл, не блокирует риски неправовых практик молодежи. Неправовые практики в молодежной среде связаны с адаптивными стратегиями, особенно в условиях социально-экономического кризиса. И так как системное доверие не характеризует правовое сознание молодежи в ее социально-ориентационном и социально-регулятивном аспектах, есть смысл говорить о том, что для формирования позитивного отношения к праву в молодежной среде предстоит пройти дистанцию исчезновения отчуждения между правовыми институтами и социальными практиками молодежи, достичь консенсуса в российском обществе на основе принятия реститутивной формулы права.

Список источников

1. Горшков М. К. и др. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М.: Издательство Весь Мир, 2015. 432 с.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
3. Дискин И. А. Россия, которая возможна. М.: «Юрист», 2011. 175 с.
4. Зубок Ю., Чупров В. Социальная регуляция в условиях неопределенности: теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 266 с.
5. Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. 292 с.

6. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2008. №2. С. 25.

7. Селигмен А. Проблема доверия: монография. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

8. Социология молодежи: учебник для академического бакалавриата / под ред. Р.В. Ленкова. М.: Издательство Юрайт, 2008. 416 с.

9. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 229 с.

References

1. Gorshkov M.K. et al. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 2 [Russian society and the challenges of the time. Book 2]. Moscow: Izdatel'stvo Ves' Mir, 2015. 432 p. (In Russ.).

2. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Molodezh' Rossii [Youth of Russia]. Moscow: CSPiM, 2010. 592 p. (In Russ.).

3. Diskin I.A. Rossiya, kotoraja vozmozhna [Russia, which is possible]. Moscow: «Jurist», 2011. 175 p. (In Russ.).

4. Zubok Ju., Chuprov V. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti: teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii

molodezhi [Social regulation in conditions of uncertainty: theoretical and applied problems in the study of youth]. Moscow: Academia, 2008. 266 p. (In Russ.).

5. Kuda idet Rossiya? Formal'nye instituty i real'nye praktiki [Where is Russia going? Formal institutions and real practices]. Pod obshh. red. T.I. Zaslavskoj [In T.I. Zaslavskaya (eds.)]. Moscow: MVShSJeN, 2002. 292 p. (In Russ.).

6. Lukin V.N., Musienko T.V. Model' kul'tury doverija P. Shtompka: profili riskov [Model of trust culture P. Shtompka: risk profiles]. Zhurnal'nyj klub Intelros «Credo New» [Intelros Magazine club «Credo New»]. 2008; 2: 25. (In Russ.).

7. Seligmen A. Problema doverija: monografija [The problem of trust: monograph]. Moscow: Ideja-Press, 2002. 256 p. (In Russ.).

8. Sociologija molodezhi: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Sociology of Youth: Textbook for academic Bachelor's degree]. Pod red. R.V. Len'kova [In R. V. Lenkov (eds.)]. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2008. 416 p. (In Russ.).

9. Chuprov V.I., Zubok Ju. A., Uil'jams K. Molodezh' v obshhestve riska [Youth in a risk society]. Moscow: Nauka, 2001. 229 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 02.09.2021; approved after reviewing on 12.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Искендерова Яна Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Россия, Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Yana Yu. Iskenderova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Левченко Ирина Андреевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Irina A. Levchenko — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Сережникова Татьяна Леонидовна — старший преподаватель кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Tatyana L. Serezhnikova — Senior Lecturer, Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Искендерова Я. Ю. — разработка дизайна исследования; существенный вклад в концепцию и дизайн исследования.

Левченко И. А. — получение данных, их анализ и интерпретация; написание первой версии статьи.

Сережникова Т. Л. — критический пересмотр статьи на предмет важного интеллектуального содержания; одобрение окончательной версии статьи перед ее подачей для публикации.

Contribution of the authors:

Iskenderova Y. Yu. — development of research design; significant contribution to the concept and design of research.

Levchenko I. A. — data acquisition, analysis and interpretation; writing the first version of the article.

Serezhnikova T. L. — critical revision of the article for important intellectual content; approval of the final version of the article before submitting it for publication.

Научная статья
УДК 378301-053.9
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-35-43

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Максим Александрович Кужелев

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
kuzhelev@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-4936-4799,
AuthorID РИНЦ: 778662, SPIN-код: 7747-9081

Аннотация. *Цель исследования* заключается в построении модели социальной эксклюзии сельской молодежи, которая позволит выявить индикаторы-стимуляторы и дестимуляторы социальной депривации, а также региональные различия выраженности интегральных показателей.

Методологическая база исследования строится на основе социологического исследования, проведенного в 2020 году в сельских территориях Южного федерального округа (в исследование были включены все субъекты округа), в котором приняли участие 635 респондентов: возрастные группы 15–19 лет (64 юноши и 62 девушки), группа 20–24 года (63 юноши и 62 девушки), группа 25–29 лет (81 юноша и 72 девушки), группа 30–35 лет (120 мужчин и 111 женщин). Выборка — целевая квотная. Квотные признаки: территория проживания, возраст, пол. На основе операционализированных компонентов социальной эксклюзии был рассчитан суммарный индекс социальной эксклюзии сельской молодежи Южного федерального округа.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования была предложена структурная модель измерения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи, определяемая материальными компонентами, описывающими ситуацию эксклюзии, и нематериальными компонентами, описывающими состояние эксклюзии. Модель включает в себя социально-экономические и социокультурные индикаторы измерения и позволяет произвести индекс эксклюзии как суммарный, так и по отдельным ее компонентам. Модель имеет одностороннюю казуальность, т. е. выраженность одного компонента может привести к большей выраженности социальной эксклюзии в образе жизни, на основании чего в модели были выделены индикаторы-стимуляторы (провоцирующие социальную эксклюзию) и индикаторы-дестимуляторы социальной эксклюзии.

Ключевые слова: *сельская молодежь, социальная эксклюзия, измерение социальной эксклюзии, модель социальной эксклюзии*

Для цитирования: *Кужелев М. А. Модель социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 35–43. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-35-43>.*

Original article

THE MODEL OF SOCIAL EXCLUSION IN THE LIFESTYLE OF RURAL YOUTH OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Maxim A. Kuzhelev

*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
kuzhelev@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-4936-4799,
AuthorID RSCI: 778662, SPIN: 7747-9081*

Abstract. *The purpose of the study* It consists in building a model of social exclusion of rural youth, which will allow identifying indicators of stimulators and destimulators of social deprivation and identifying regional differences in the severity of integral indicators.

The methodological basis of the study is based on a sociological study conducted in 2020 in rural areas of the Southern Federal District (all subjects of the district were included in the study), in which 635 respondents took part: age groups of 15–19 years (64 boys and 62 girls), a group of 20–24 years (63 boys and 62 girls), a group of 25–29 years (81 boys and 72 girls), a group of 30–35 years (120 men and 111 women). Sample — target quota. Quota signs: the territory of residence, age, gender. On the basis of operationalized components of social exclusion, the total index of social exclusion of rural youth of the Southern Federal District was calculated.

The results of the study. In the course of the study, a structural model for measuring social exclusion in the lifestyle of rural youth, determined by material components, was proposed describing the situation of exclusion and non-material components and describing the state of ecclesia. The model includes both socio-economic and socio-cultural measurement indicators and allows you to produce both a total exclusion index and its individual components. The model has a one-sided causality, i.e. the severity of one component can lead to a greater severity of social exclusion in the lifestyle, on the basis of which the model identified indicators-stimulators (provoking social exclusion) and indicators-destimulators of social exclusion.

Keywords: rural youth, social exclusion, measurement of social exclusion, model of social exclusion

For citation: Kuzhelev M.A. The model of social exclusion in the lifestyle of rural youth of the Southern federal district // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 35–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-35-43>.

Введение. Современные процессы урбанизации, всеохватывающая информатизация и цифровизация усилили степень дифференциации между городской и сельской молодежью по доходным ресурсам, уровню образования, стартовыми условиями в жизни. Сельская молодежь характеризуется как присущими всей молодежи, так и особыми свойствами социального положения, формируемыми под влиянием сельского образа жизни, и представляет собой специфическую социальную общность. Следует отметить, что при анализе влияния социальной эксклюзии

на образ жизни молодежи необходимо учитывать как объективные факторы (степень социально-экономического развития конкретного региона, особенности регионального рынка труда, доступность получения образования), так и субъективные (уровень благосостояния семьи, ценностные ориентации, ожидания), что позволит понять, почему молодые люди используют либо игнорируют возможности и шансы, что понимают под жизненным успехом, как оценивают собственное социальное положение, какие ценности и установки имеют приоритетное значение.

Социальная эксклюзия — многомерный динамический процесс, достаточно сложный с точки зрения теоретического определения и эмпирического измерения. В странах Европейского Союза социальная эксклюзия определяется как процесс вытеснения индивида из системы общественных отношений на периферию общественной жизни, что обусловлено экономическими лишениями, бедностью, ограниченностью социальных связей, нехваткой базовых компетенций и дискриминацией [1], т.е. с одной стороны индивид может быть эксклюзированным вследствие безработицы, низкого уровня оплаты труда, уровня образования, территории проживания, с другой — низким уровнем социальных контактов, близких контактов, уважения.

В связи с этим возникает проблема эмпирического измерения социальной эксклюзии, так как эксклюзия — более широкое понятие, чем бедность, и включает в себя множество переменных. В западных исследованиях социальной эксклюзии были выделены различные наборы измерений, которые включали наличие/нехватку товаров длительного пользования [2], отсутствие предметов первой необходимости, отсутствие доступа к рынку труда, невключенность в социальные отношения, невозможность пользоваться сферой услуг [3], вовлечение в политическую жизнь [4]. То есть исследователи идут по пути поиска определения категорий лишений исследуемой совокупности и построения частных индикаторов для определения масштаба лишений. Однако данные исследования включают наличие комплекса индикаторов измерения социальной эксклюзии и не выделяют единичный индикатор измерения. Примером построения интегрального показателя может быть разработанный в Европейском союзе индекс социальной эксклюзии (Social Exclusion Index) [1], позволяющий проводить межстрановые сравнения.

В отечественной социологии измерение социальной эксклюзии основано на выборочных исследованиях (обследовании групп социально незащищенных граждан) [5–9], однако среди исследователей нет согласованности как в теоретическом определении данного понятия, так и в эмпирическом измерении, так как социальная эксклюзия — понятие, скорее, относительное, чем абсолютное,

обстоятельства всегда будут иметь индивидуальные формы, а полноценное включение в общество будет зависеть от множества факторов, включая возраст, образование, семейное положение и т.д. Соответственно, измерение должно включать множество компонентов, которые будут выступать в качестве индикаторов социальной эксклюзии. Однако построение такой системы индикаторов усложняется недостаточностью методов эмпирического анализа и существующих методик оценки различных аспектов социальной эксклюзии. В рамках данного исследования предпринята попытка построения модели социальной эксклюзии сельской молодежи с учетом существующих теоретических и эмпирических лагун измерения социальной эксклюзии.

Методы и методология исследования.

Методологической основой построения модели социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа послужила многомерная модель, разработанная в рамках The Social Exclusion Knowledge (SEKN) [10], которая представляет собой результат взаимодействия факторов (социальных, культурных, экономических и политических) на разных уровнях (индивидуальном, групповом, домохозяйств, местных сообществ, страны в целом), а также концептуальная модель социальной эксклюзии, предложенная С.Г. Максимовой, О.Е. Ноязином, Д.А. Омельченко [11]. Территориальное измерение, позволяющее сопоставить отдельные регионы по уровню эксклюзированности, опирается на методологический подход, предложенный исследователями Высшей школы экономики и предусматривающий в формуле математико-статистической модели риска социальной эксклюзии взвешивание показателя численности населения, находящегося в группах риска социальной эксклюзии, на вероятность материализации этого риска [12].

Построение модели социальной эксклюзии включало несколько этапов. На первом этапе были выбраны компоненты, которые отображают дистрибутивное измерение (материальные компоненты) и относительное измерение эксклюзии (нематериальный компонент), а также были учтены два вида из-

мерения социальной эксклюзии: состояние (динамические характеристики) и ситуации (статические характеристики).

На втором этапе были разработаны индикаторы материального компонента, описывающего ситуацию, и нематериального компонента, описывающего состояние. Материальный компонент включает в себя ма-

териальную (экономическую) депривацию и социальную депривацию (индикаторы доступа к социальным услугам и социальным институтам), нематериальный компонент включает индикаторы социокультурной депривации и социального аутизма: личные ресурсы, отношение к ситуации, субъективное благополучие (табл. 1).

Таблица 1
 Table 1

**Структурные компоненты построения модели социальной эксклюзии
 в образе жизни сельской молодежи**

Structural components of building a model of social exclusion in the lifestyle of rural youth

Измерение	Компоненты	Индикаторы	Код
<i>Материальный компонент</i>			
Ситуация (Situation)	Материальная (экономическая) депривация	Материальная обеспеченность	MD_1
		Возможность питаться	MD_2
		Возможность одеваться	MD_3
		Жилищные условия	MD_4
		Доступ к высокооплачиваемым рабочим местам	MD_5
	Социальная депривация	Доступ к институтам образования (среднее, средне-профессиональное, высшее образование)	SD_1
		Доступ к медицинскому обслуживанию (медицинской помощи)	SD_2
		Свобода и личная безопасность	SD_3
		Социальное обеспечение (государственные гарантии, социальные пособия и выплаты)	SD_4
		Участие в общественно-политической деятельности	SD_5
<i>Нематериальный компонент</i>			
Состояние (Condition)	Социокультурная депривация	Пользование современными цифровыми и информационно-коммуникационными технологиями (доступ к интернету, пользование социальными сетями, цифровыми услугами)	SKD_1
		Проведение досуга	SKD_2
		Общение с родственниками, друзьями, соседями	SKD_3
		Участие в культурной жизни (посещение кинотеатров, культурно-массовые мероприятия)	SKD_4
		Занятие спортом	SKD_5
	Социальный аутизм	Место проживания	SA_1
		Отношение к жизни в целом	SA_2
		Положение, статус в обществе	SA_3
		Самореализация	SA_4
		Уверенность в собственных силах	SA_5

На третьем этапе в модель измерения социальной эксклюзии дополнительно были включены факторы риска на микроуровне, которые подразделяются на независимые факторы риска (не подлежащие корректировке) — пол, возраст, семейное положение, и зависимые факторы (подлежащие корректировке) — профессиональный статус (учащийся, работающий, неработающий), уровень образования.

На четвертом этапе семантическая шкала, используемая в инструментарии сбора социологической информации, была преобразована в дискретную шкалу, на основании которой строился уровень эксклюзированной сельской молодежи со следующими значениями: $1 \geq 0,75$ — высокий уровень, $0,75 \geq 0,5$ — средний уровень, $0,5 \geq 0$ — низкий уровень.

Результаты. Расчет интегральных показателей проиллюстрировал ярко выраженное влияние отдельных индикаторов и компонентов депривации на социальную эксклюзию сельской молодежи. Доминирующим из компонентов депривации является материальная (экономическая) депривация ($MD = 0,702$) с индикатором материальной обеспеченности $MD_1 = 0,961$ и социокультурный компонент ($SKD = 0,628$) с индикатором проведения досуга $SKD_2 = 0,895$. На основе индексов компонентов депривации был рассчитан индекс ситуации социальной эксклюзии ($SitExcl = 0,640$) и индекс состояния социальной эксклюзии ($CondExcl = 0,609$), которые составили общий суммарный индекс социальной эксклюзии ($\sum indExcl = 0,624$) сельской молодежи Южного федерального округа. Модель социальной эксклюзии сельской молодежи Южного федерального округа приведена на рис. 1.

Тестирование степени влияния независимых и зависимых факторов риска на образ жизни молодых сельчан выявило, что наибольшими факторами риска среди независимых факторов является возраст (различия в возрастных когортах молодежи), среди зависимых факторов — профессиональный статус и уровень образования. Наиболее эксклюзированной является сельская молодежь в возрасте 25–29 лет ($\sum indExcl = 0,702$), женщины ($\sum indExcl = 0,648$), не в браке ($\sum indExcl = 0,678$),

неработающие ($\sum indExcl = 0,687$), с уровнем образования (бакалавриат) ($\sum indExcl = 0,635$). Также было установлено, что каждой группе факторов присущи свои индикаторы-стимуляторы и дестимуляторы социальной эксклюзии. Так, в возрастной группе 25–29 лет индикатором-стимулятором эксклюзии выступает доступ к рынку труда (MD_3), в возрастной группе 30–35 лет — доступ к медицинскому обслуживанию (SD_2), а для возрастных групп 15–19 и 20–24 года стимулятором эксклюзированнойности выступает доступ к институтам образования. По профессиональному статусу наиболее эксклюзированной является неработающая молодежь (отсутствие средств к существованию как основной компонент эксклюзированнойности). Относительно уровня образования ярких различий не зафиксировано, однако наиболее эксклюзированной является сельская молодежь с высшим образованием (степенью бакалавра или магистра), что объясняется устоявшейся образовательной и профессиональной траекторией сельских студентов, когда получение вузовского образования реализуется как отложенный ресурс «лишь бы было» или «быть как все» и не согласуется с потребностями сельского рынка труда, дипломированный специалист не может найти себе применение в селе. Рассогласованность между спросом и предложением на сельском рынке труда имеет структурный характер и отражается на поведении сельской молодежи.

Территориальное измерение социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи в субъектах Южного федерального округа не зафиксировало ярко выраженных значений компонентов социальной эксклюзии, однако наибольший разброс значений отмечается у компонента социального аутизма (SA) и материальной (экономической) депривации (MD) (на территориях Краснодарского края $SA = 0,344$, $MD = 0,588$ и Республики Калмыкия $SA = 0,661$, $MD = 0,824$). В соответствии с суммарным интегральным индексом социальной эксклюзии наиболее эксклюзированной является молодежь Республики Калмыкия ($\sum indExcl = 0,697$) и Республики Крым ($\sum indExcl = 0,695$). На всех территориях индикатором-стимулятором выступает материальная обеспеченность (MD_1) или доступ к высокооплачиваемым рабочим местам (MD_3).

Однако особый интерес представляет анализ социальной эксклюзии по каждому компоненту (индикатору), где наблюдаются глубокие различия внутри Южного федерального округа, несмотря на то, что регион характеризуется высокими социально-экономическими и демографическими показателями. На территории округа образовались так

называемые территории-аутсайдеры социальной эксклюзии и территории-инсайдеры.

Регионы-аутсайдеры — Республика Калмыкия и Республика Крым, оба региона при благоприятных природно-климатических условиях характеризуются сложными социально-экономическими и политическими показателями. В Республике Калмыкия и Рес-

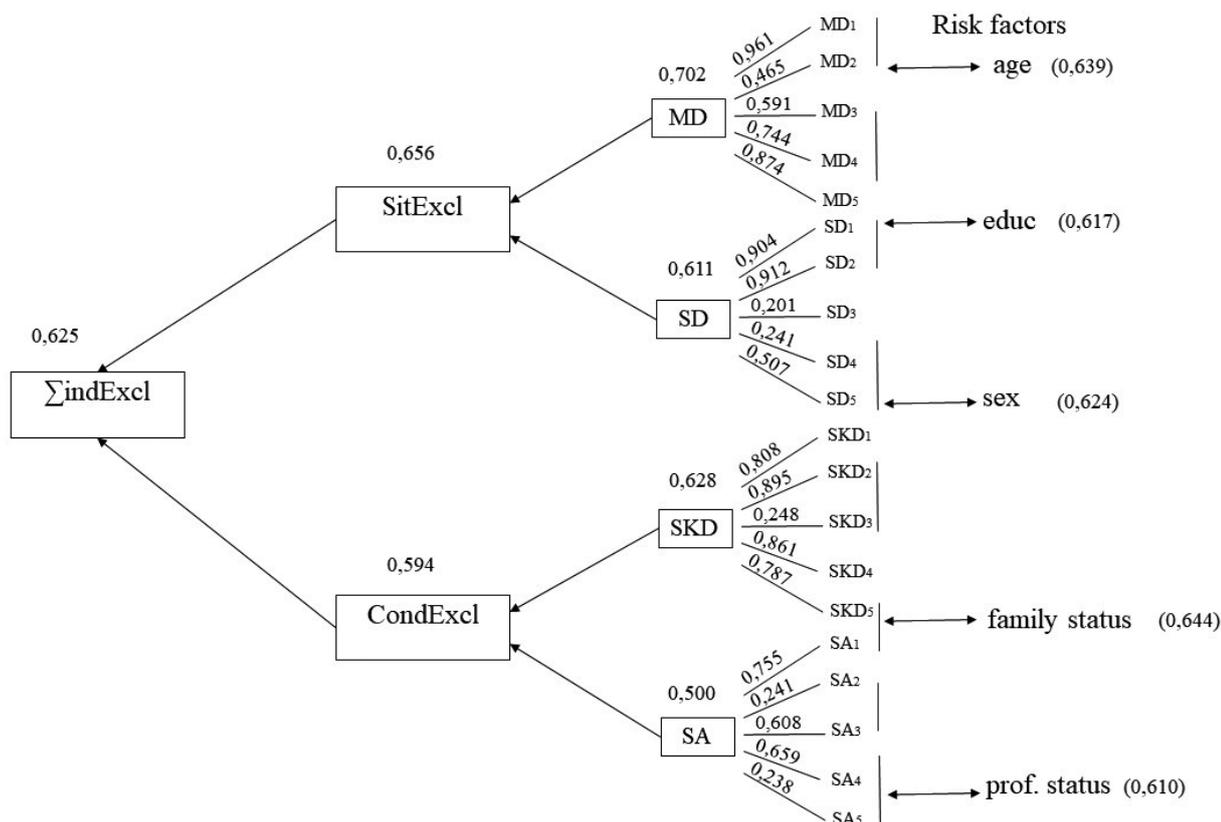

Рис. 1. Модель социальной эксклюзии сельской молодежи Южного федерального округа
 $\Sigma indExcl$ — суммарный индекс социальной эксклюзии сельской молодежи;
 $SitExcl$ — суммарный индекс ситуации социальной эксклюзии сельской молодежи;
 $CondExcl$ — суммарный индекс состояния социальной эксклюзии сельской молодежи;
 MD — индикатор материальной депривации; SD — индикатор социальной депривации;
 SKD — индикатор социокультурной депривации; SA — индикатор социального аутизма;
 Risk factors — факторы риска, выражающиеся в зависимых ($prof. status$ (профессиональный статус) и $educ$ (уровень образования)) и независимых факторах (age (возраст), sex (пол), $family status$ (семейное положение))

Fig. 1. The model of social exclusion of rural youth of the Southern Federal District

$\Sigma indExcl$ — total index of social exclusion of rural youth;
 $SitExcl$ — total index of the situation of social exclusion of rural youth;
 $SondExcl$ — total index of the state of social exclusion of rural youth;
 MD — indicator of material deprivation; SD — indicator of social deprivation;
 SKD — indicator of socio-cultural deprivation; SA — indicator of social autism;
 Risk factors — risk factors expressed in dependent ($prof. status$ (professional status) and $educ$ (level of education)) and independent factors (age (age), sex (gender), $family status$ (marital status))

публике Крым были зафиксированы максимальные значения индикаторов в составе компонентов выраженности социальной эксклюзии (Республика Калмыкия $MD_1 = 0,968$ и $MD_5 = 0,971$; Республика Крым $MD_1 = 0,916$ и $MD_5 = 0,955$).

В ходе исследования была установлена взаимосвязь между материальным и социальными компонентами социальной эксклюзии, свидетельствующей об односторонней казуальной взаимосвязи, когда выраженность одного индикатора — компонента депривации — может привести к выраженности социальной эксклюзии. Индикатор социального аутизма включает в себя субъективный взгляд на образ жизни с точки зрения молодых сельских жителей, учитывая при этом отношение к жизни, возможность самореализации, уверенность в собственных силах, оценку собственного статуса, и характеризует влияние социальной эксклюзии на самосознание и конструирование жизненных стратегий. Соответственно, чем выше уровень депривации, тем выше уровень социального аутизма, стимулирующего маргинальные проявления в образе жизни и наоборот. Экономический реализм зависит от степени выраженности других компонентов социальной эксклюзии (MD), (SD), (SKD), соответственно, чем выше уровень выраженности указанных компонентов, тем выше уровень социального аутизма и наоборот. Примером может служить Краснодарский край, где отмечается наиболее благоприятный уровень социального аутизма — $SA = 0,344$ (при $MD = 0,588$, $SD = 0,499$, $SKD = 0,479$), что подтверждает одностороннюю казуальность измерения социальной эксклюзии.

Заключение. Проведенное исследование выявило социально-процессуальные (изменение в сфере социального взаимодействия сельской общности) и институциональные (изменение функционирования институтов в социокультурной среде) изменения образа жизни сельской молодежи.

Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи, как было установлено в ходе проведенного исследования, обусловлена, прежде всего, социально-экономическими и социокультурными факторами. Отток молодежи из села в город не уменьшается

на протяжении нескольких десятилетий, ограниченные возможности занятости, низкий уровень оплаты труда, неразвитость инфраструктуры, недоступность социальных и материальных благ приводят к высокому уровню эксклюзированнойности, препятствующей развитию жизненных стратегий молодого поколения и формированию аномичной позиции, проявляющейся в маргинальном или провинциальном образе жизни, свидетельствующем об атрофированности социальных и межличностных взаимоотношений.

Список источников

1. Measuring intersecting inequalities through the Social Exclusion Index: A proposal for Europe and Central Asia [Electronic resource]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP_22_UNDP_D_En.pdf. 10 p. (date accessed: 27.06.2021).
2. Tsakoglou P., Papadopoulos F. Aggregate level and determining factors of social exclusion in twelve European countries // Journal of European Social Policy. 2002. №12 (211). P. 2–16.
3. Laveist T., Sellers R., Brown K., Nickerson, K. Extreme social isolation, use of community-based senior support services, and mortality among african american elderly women. American Journal of Community Psychology, 1997. №25. P. 721–732.
4. Burchardt T., Grand J. L., Piachaud D. Degrees of exclusion: developing a dynamic, multi-dimensional measure. Political Science Corpus, 2002.
5. Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции: дисс. ... докт. социол. наук. Саранск, 2015. 393 с.
6. Исаев Н. И., Капустин А. К., Смирнов С. Н. Риски социальной эксклюзии в регионах России: методологический инструментарий и результаты оценки // Вопросы статистики. 2015. №8. С. 47–55.
7. Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. Сентябрь-октябрь, 2012. №5. С. 83–94.

8. Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. №1. С. 27–47.

9. Шестернин Е.Е. Социальная эксклюзия среди представителей поколения «Z» как последствия изменения парадигмы высшего образования // Вопросы управления. 2017. №5 (48). С. 128–131.

10. Popau J., Enoch E., Heidi J., Rispel L. The Social Exclusion Knowledge (SEKN) [Electronic resource]. URL: https://www.who.int/social_determinants/resources/sekn_scoping.pdf (date accessed: 21.06.2021).

11. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. №4. С. 579–586.

12. Danilin V.S., Isaev N.I., Kapustin A.K., Mezentseva E.B., Smirnov S.N. Social Exclusion Risk: Ratings of Russian Regions [Electronic resource] / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2015. 110 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gk4e6fwuw1/direct/146022535.pdf>.

References

1. Measuring intersecting inequalities through the Social Exclusion Index: A proposal for Europe and Central Asia [Electronic resource]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP_22_UNDP_D_En.pdf. 10 p. (date accessed: 27.06.2021).

2. Tsakoglou P., Papadopoulos F. Aggregate level and determining factors of social exclusion in twelve European countries // Journal of European Social Policy. 2002. №12 (211). P.2–16.

3. Laveist T., Sellers R., Brown K., Nickerson, K. Extreme social isolation, use of community-based senior support services, and mortality among african american elderly women. American Journal of Community Psychology, 1997. №25. P. 721–732.

4. Burchardt T., Grand J.L., Piachaud D. Degrees of exclusion: developing a dynamic, multi-dimensional measure. Political Science Corpus, 2002.

5. Eflova M. Ju. Social'naja jekskljuzija deprivirovannyh grupp (narkozavisimyh i ljudej, zhivushhih s VICH) v rossijskom obshhestve: strategii institucionalizacii i opyt integracii: diss. ... dokt. sociol. Nauk [Social exclusion of deprived groups (drug addicts and people living with HIV) in Russian society: institutionalization strategies and integration experience: Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Saransk, 2015; 393. (In Russ.).

6. Isaev N.I., Kapustin A.K., Smirnov S.N. Riski social'noj jekskljuzii v regionah Rossii: metodologicheskij instrumentarij i rezul'taty ocenki Risks of social exclusion in the regions of Russia: methodological tools and evaluation results]. *Voprosy statistiki [Questions of statistics]*. 2015; 8: 47–55. (In Russ.).

7. Saponov D.I., Smol'kin A.A. Social'naja jekskljuzija pozhilyh: k razrabotke modeli izmenenija [Social exclusion of the elderly: towards the development of a measurement model]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija [Monitoring of public opinion]*. Sentjabr'-oktjabr', 2012; 5: 83–94. (In Russ.).

8. Tihonova N.E. «Negativnaja stabilizacija» i faktory dinamiki blagosostojanija naselenija v postkrizisnoj Rossii [«Negative stabilization» and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia]. *Sociologicheskij zhurnal [The Sociological journal]*. 2019; 25 (1): 27–47. (In Russ.).

9. Shesternin E. E. Social'naja jekskljuzija sredi predstavitelej pokolenija «Z» kak posledstvija izmenenija paradigmy vysshego obrazovanija [Social exclusion among the representatives of generation «Z» as the consequences of changing the paradigm of higher education]. *Voprosy upravlenija [Management issues]*. 2017; 5 (48): 128–131. (In Russ.).

10. Popau J., Enoch E., Heidi J., Rispel L. The Social Exclusion Knowledge (SEKN) [Electronic resource]. URL: https://www.who.int/social_determinants/resources/sekn_scoping.pdf (date accessed: 21.06.2021).

11. Maksimova S.G., Nojanzina O.E., Omel'chenko D.A. Model' social'noj jekskljuzii lic starshih vozrastnyh grupp regionov Sibiri [Model of social exclusion of persons of older age groups in the regions of Siberia]. *Uspеhi gerontologii [The successes of gerontology]*. 2017; 30(4): 579–586. (In Russ.).

12. Danilin V.S., Isaev N.I., Kapustin A.K., Mezentseva E.B., Smirnov S.N. Social Exclusion Risk: Ratings of Russian Regions [Electronic resource] / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2015. 110 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gk4e6fwuw1/direct/146022535.pdf>.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.
The article was submitted on 05.09.2021; approved after reviewing on 15.09.2021; accepted for publication on 22.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кужелев Максим Александрович — старший преподаватель кафедры «Мировые языки и культуры», Донской государственной технической университет, аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Maxim A. Kuzhelev — Senior Lecturer, Department «World Languages and Cultures», Don State Technical University, Postgraduate Student, Department «Social and Humanitarian sciences», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Gagarina sq., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 94(470.6) + 316.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-44-52

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ УКЛАД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА КУБАНИ)

Александр Павлович Скорик

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
s_a_p@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1283-8137, AuthorID РИНЦ: 437141*

Аннотация. *Цель* — определение параметров и индикаторов ключевого социального института поселенческого уклада в рамках историко-пространственной концепции *Cossack world of the Kuban*.

Методология целенаправленно фундируется социогуманитарным цивилизационным подходом и объясняет генерализующий поселенческий алгоритм закрепления казачества на новых российских территориях, определяемых как исторический регион Кубани.

Результаты исследования заключаются в формировании историко-пространственной концепции *Cossack world of the Kuban*, где социальный институт поселенческого уклада является базисным основанием.

Перспективы исследования заключаются в развитии теорий среднего уровня и введения их в теоретико-методологическое пространство при исследовании регионального научного дискурса.

Ключевые слова: идентичность, казаки, концепция, Кубань, поселенческий уклад, станция, фронтир, хутор

Для цитирования: Скорик А. П. Поселенческий уклад как социальный институт (на примере исторического региона Кубани) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 44–52. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-44-52>.

Original article

SETTLEMENT LAYOUT AS A SOCIAL INSTITUTE (ON THE EXAMPLE OF THE HISTORICAL REGION OF KUBAN)

Aleksandr P. Skorik

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
s_a_p@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1283-8137, AuthorID RSCI: 437141*

Abstract. *The purpose of the study* is to determine the parameters and indicators of the key social institution of the settlement structure within the framework of the historical and spatial concept of the *Cossack world of the Kuban*.

The methodological basis of the study is purposefully based on the socio-humanitarian civilizational approach and explains the generalizing settlement algorithm for the consolidation of the Cossacks in the new Russian territories, defined as the historical region of the Kuban.

The results of the study. Formation of the historical and spatial concept of the Cossack world of the Kuban, where the social institution of the settlement structure is the basic foundation.

The prospects of the study. Are in the development of middle-level theories and their introduction into the theoretical and methodological space in the study of regional scientific discourse.

Keywords: identity, Cossacks, concept, Kuban, settlement way, village, frontier, farm

For citation: Skorik A. P. Settlement layout as a social institute (on the example of the historical region of Kuban) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14 (5): 44–52. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-44-52>.

Введение. Формирование казачьих поселений на Кубани является тем ключевым звеном научного поиска, которое позволяет выявить все смежные звенья исторической цепи событий и проследить коллизионный путь заселения, освоения и развития несколько большей территории, нежели нынешний Краснодарский край, ибо понятие исторического региона Кубани заметно шире. Главное — что в этом сложном историческом процессе зарождается региональный поселенческий уклад кубанских казаков, а его предназначение в повседневной жизни казачества имеет многофункциональный характер, его существование получает многолетнюю перспективу, его развитие приобретает многовекторную направленность, его содержание по определению отличается многоплановостью, его воздействие носит мультипликативный эффект. Тем самым поселенческий уклад выступает для Кубани традиционным автохтонным социальным институтом, во многом заимствованным у запорожцев и донцов, уникальной формой самоорганизации жизнедеятельности казаков, формирующей колоссальный историко-культурный потенциал территории Кубани. В итоге рождается историко-пространственная концепция Cossack world of the Kuban («казачий мир Кубани»), приверженцами которой мы выступаем.

Южнорусский фронт и поселения. Первые российские поселенческие образования начали возникать на Кубани как в местах расположения крепостей, редутов, иных военных укреплений, так и на берегах больших рек и многочисленных речушек. Освоение новых российских территорий осуществлялось

в массе своей служилым населением — казачеством, особым российским сословием, которое, помимо выполнения функций охраны южных рубежей страны, осваивало премудрости нелёгкого земледельческого труда на новых землях. Первые казачьи поселения выполняли в регионе охранительную функцию и выступали фронтиром для южных рубежей Российской империи. По мнению Ю. А. Мизиса, О. В. Скобелкина и А. И. Папкова, «фронтир является районом колонизации, присоединённая территория заселяется выходцами с основной территории государства, и новое население ведёт активную экономическую деятельность по освоению присоединённой территории» [6, с. 8]. Тем самым фронтир трактуется как зона экономического, социального, политического и культурного взаимодействия пришлого, нового населения с коренным населением. В то же время некоторые учёные считают, что нельзя сводить историю пограничья к осуществлению колонизации, поскольку в создании фронта, кроме переселенцев, принимает участие и местное коренное население. Можно согласиться с Томасом Барреттом (применившим теорию фронта по отношению к терским казакам [10]), который правомерно утверждал, что по-настоящему понять историю южнорусского фронта, «понять подлинное присоединение Кавказа к России можно, заглянув лишь за военные линии, обратившись к взаимоотношениям и передвижениям людских потоков, шедших через Северный Кавказ, причём не только во время войны, но и во время мира, в повседневности» [1, с. 163].

Из многих типов зарождающихся поселений — слободка, заимка, курень, хутор,

зимовник, кош — основными поселенческими образованиями стали сформированные казаками станица (курень) и хутор. Этот базисный стержень поселенческой структуры складывался в ходе интенсивного заселения и хозяйственного облагораживания южно-российских, кубанских земель в конце XVIII и на протяжении XIX вв. Под воздействием целого ряда факторов имперскими властями и войсковыми структурами осуществлялось социальное конструирование военно-организационной, этнокультурной и хозяйственно-земледельческой идентичностей, что позиционировало казачьи поселения в историческом пространстве как уникальное естественно-историческое явление, презюмировало тот самый казачий мир в южно-российском историческом регионе Кубани в имперский период российской истории.

Ключевые дефиниции поселенческого уклада. Среди изученных нами поселенческих структур кубанского казачества, составляющих социальный институт поселенческого уклада, наибольшее значение имеют два типа поселений: станица и хутор. Поэтому данное обстоятельство налагает на нас обязанность сформулировать авторское понимание двух ключевых дефиниций хронологически предопределённого поселенческого уклада.

Как мы полагаем, казачий хутор — это социально-экономическая и поселенческая структура, отличающаяся способами ведения хозяйственной деятельности и организации системы землепользования, наличием территориального общественного самоуправления (обусловленного местными традициями), обустройством повседневного быта и архетипичными чертами культуры хуторян, носферным формированием эколого-природной среды обитания, преимущественными моделями экономического поведения и характерной ментальностью жителей [7].

Станица, с нашей точки зрения, это постоянное казачье поселение, являющееся административным центром для территориально установленного станичного юрта с земельными угодьями и иными населёнными пунктами, объединявшее самостоятельное казачье общество со своим самоуправлением, выступавшее базой для формирования воин-

ского подразделения, сохранявшее самобытный казачий поселенческий уклад.

И всё же исторически первым типом поселения в историческом регионе Кубани являлись не хутора и станицы, а слободки, о чём свидетельствуют изученные нами историографические факты [4; 9].

Казачья слободка — это, по нашему мнению, исторический тип поселения, имеющий временный характер по периоду своего существования, занимающий по масштабам земельной площади небольшой участок, связанный с освоением новых российских земель как опорный посёлок, стимулируемый к своему появлению освобождением переселенцев от государственных и иных податей, образуемый, прежде всего, вольным казачьим населением, организующим повседневную деятельность на принципах традиционного самоуправления. Итак, получается всего семь признаков, семь индикаторов в понимании изначального исторического типа поселений, использовавшегося казаками при освоении новых российских территорий в историческом регионе Кубани. Тем самым казачья слободка являет собой тактическое средство маркирования осваиваемого пространства новых российских земель, выступает корпоративной практикой апроприации территории Черномории (Черноморского казачьего войска). Речь идёт об изначальной форме поселенческого уклада как социального института.

Подчёркнём, изучение поселенческих образований является неотъемлемой частью концептуализированной истории, той её обширной, актуальной и в значительной мере междисциплинарной части, которую сегодня называют *everyday studies* («исследования повседневности»), поскольку возникновение поселенческих образований на Кубани по определению детерминировано совокупностью факторов — геополитических, социально-экономических, этнодемографических, культурных, естественно-географических. Так соединились изначальное мощный кавказский вектор российской геополитики, «горячая полоса» северокавказского (южнорусского) фронта, социально-экономическая необходимость создания дополнительных для страны продовольственных ресурсов, этнодемографическая потребность укрепления славян-

ского ядра на Северном Кавказе, культурантропологическая целесообразность консолидации переселенцев на Кубани, естественно-географическое разнообразие осваиваемых территорий северо-восточного Причерноморья и районов Прикубанья. В обозначенных условиях воздействия совокупности факторов складывался «социальный капитал» и образ кубанской станицы. Приведём лишь две из множества весьма симптоматичных оценок этого ключевого образования для поселенческого уклада кубанского казачества.

Находясь на Кубани в 1919 г., один из вождей белого движения П.Н. Врангель, штаб соединения которого располагался в станице Темиргоевской (ныне станица в Курганинском районе Краснодарского края), отмечал следующее: «Стоял прекрасный осенний день. По сторонам дороги тянулись недавно убранные поля, бесконечные бахчи с зелёными арбузами и золотистыми дынями, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадные станицы с каменными, покрытыми черепицей зданиями, паровыми мельницами, широкими площадями с белыми златоглавыми храмами посреди — всё говорило о богатстве края» [2, с. 15].

В свою очередь, советский писатель, журналист и литературный функционер В.П. Ставский, характеризуя одну из кубанских станиц, поэтично размышлял: «Если глядеть из-за Кубани — хищной птицей сёла на кручи станица, нахмурила зелёные заросли бровей. Вдоль тугой луки правого берега на добрый десяток вёрст раздалась станица Вальяновская (имелась в виду станица Васюринская (авт.), ныне станица в Динском районе Краснодарского края) — ни с какой деревней, ни с каким селом не сравнимая Кубанская станица» [8, с. 7].

Многогранность поселенческого уклада.

Наличествующие ныне социально-экономические, аграрно-политические и культурные характеристики отдельных кубанских поселений можно существенно дополнить, заметно расширить и показать их в качестве живого организма в исторически конкретной динамике с учётом особенностей образа жизни казачества, иногородних (городовиков) и иных категорий населения. Важно также подчеркнуть роль и место казачьих поселений в процессе

хозяйственного освоения территории кубанского края как самостоятельного исторического явления, как неотъемлемой части общероссийской земледельческой культуры, выступающей в процессе исторического познания когнитивно-дискурсивной универсалией аграрного производства. Полифункциональность казачьих поселений выявляется в результате обстоятельного исследовательского изучения, как с точки зрения внутренних особенностей этого социального образования, так и с позиций процессов политической, социальной и аграрной эволюции южно-российской деревни, ведь исторический регион Кубани формировался как перспективный источник наращивания земледельческого потенциала Российской империи, он и сегодня является мощным центром аграрного производства Российской Федерации.

Кубань — это край с богатой самобытной казачьей историей, представляющий собой синтез локальных традиций при наличии неременной связи с общероссийскими тенденциями исторического развития, а изучение регионального опыта позволяет лучше понять российскую историческую идентичность. В свою очередь, региональная историческая идентичность заключается в том числе в поселенческом укладе, институализация которого у нас не вызывает сомнений ввиду вышеизложенных социальных индикаторов. Тем не менее, несмотря на наличие богатого исторического опыта, многое сегодня оказалось уже подзабытым и/или безвозвратно утраченным (разработанные практики регулирования миграционных потоков, управления значительными движущимися людскими массами, технологии обеспечения локальной безопасности и т.д.). Поэтому изучение процесса формирования поселенческих структур Кубани, выявления генерализующих характеристик поселенческого уклада представляет собой неотъемлемую часть migration studies («миграционных исследований»), образующих в настоящее время обширное междисциплинарное направление, и эти штудии совершенно очевидно страдают от дефицита ретроспективного изучения миграционных процессов, особенно в привязке к современному социокультурному и политическому контексту, с недавних пор сделавшему тему миграций крайне актуальной.

Кубанские казачьи поселения в рамках понятийного научного дискурса представляют собой многогранное историческое явление. Здесь надо обратить первостепенное внимание на следующие сюжетные линии при истолковании обозначенной дефиниции региональных поселенческих структур. Во-первых, казачьи поселения (курень, станица, хутор) исторически зарождались и длительное время функционировали на Кубани в качестве поселенческого военизированного образования, призванного, прежде всего, обеспечивать повседневную безопасность жизнедеятельности его жителей.

Во-вторых, казачьи поселения изначально складывались на территории Кубани как целостная хозяйственно-культурная система, а экономическая эффективность её работы во многом предопределялась той исторической эпохой, в пределах которой казачьи поселения существовали. Кубанские поселения и поныне позиционируют поистине уникальный казачий культурно-хозяйственный уклад, демонстрирующий имманентные характеристики казачьей общности.

В-третьих, развитие казачьих поселений детерминировано установленным порядком землепользования и правом собственности на землю, регулируемым действующим российским и региональным законодательством, причём при известном правовом нигилизме земельных собственников местные законы на Кубани всегда исполнялись лучше, нежели общероссийские.

В-четвёртых, казачьи поселения являются неотъемлемой частью наличествующей региональной земледельческой культуры (агрикультуры) южно-российской деревни, когда казаки с немалым личным удовлетворением называют себя хлеборобами, то есть людьми, знающими истинный толк в хлебопашеском труде.

В-пятых, кубанские поселения были и остаются носителем определённого казачьего колорита поселенческой общности, которая представляет этносоциальное и демографическое лицо Кубани. В этой связи довольно остро стоит проблема «монетизации» этнокультурных традиций в целях восстановления и/или развития демографического и этнокультурного потенциала сельских территорий в регионе, равно как и целесообразности

глобального охвата этим современным трендом всех казачьих поселений.

В-шестых, локальный мир кубанского казачества в станицах и хуторах представляет собой традиционное общество, и его презюмирует характерная система межличностных отношений и социальных взаимодействий, составляющих социально-психологическую атмосферу казачьего поселения. Она отличается особой ментальностью и совокупностью общественных интересов, проявляющихся во всём многообразии, в зависимости от той исторической эпохи, в которой поселения существуют. И здесь учёный неизбежно становится на антропологические рельсы и попадает в сферу kinship studies («исследование родства»), причём, если для любого краеведа и широкой краеведческой аудитории это приобретает исключительно принципиальный характер, то для профессионального историка и социолога непременно надо изучить Kinship Circle («родственный круг»), но равным образом лишь настолько, чтобы понять истинную сущность традиционного общества.

Исследовательские векторы поселенческого уклада. Обозначенная выше категориально-понятийная научная презентация кубанских казачьих поселений отражает ключевые моменты историко-пространственной концепции Cossack world of the Kuban («казачий мир Кубани»). Важно изучить исторический ресурс казачьих поселений в коммуникативных диапазонах материально-хозяйственных, военно-организационных, социокультурных и духовно-нравственных технологий кубанских казаков, образующих в процессе реализации поселенческий уклад в станицах и хуторах. В фокусе исследовательского внимания должна находиться устойчивость и изменчивость поселенческих структур, их историческая динамика, сочетание социальности и персональности в поселенческом укладе, соотношение традиций и новаций в организации жизненного пространства в местах жительства кубанских казаков, проекция типов поселений в региональном контексте на этапах заселения новых территорий, хозяйственного облагораживания и последующей поселенческой трансформации.

Процесс изучения казачьих поселенческих образований, во-первых, предполагает

обращение к базисным характеристикам исторического региона Кубани, в пространственном контексте которого формировались и развивались казачьи поселенческие структуры, причём они одновременно несли на себе достаточно заметный отпечаток различных природно-географических условий приморской Черномории, равнинных районов Прикубанья, низменной дельты Кубани, предгорных и горных ландшафтов Закубанья.

Во-вторых, мы рассматриваем генезис кубанских казачьих поселений как регионального историко-культурного образования, отличающегося совокупностью имманентно присущих черт, позволяющих выделить и проследить на конкретно-исторических материалах функционирование целого ряда типов поселенческих структур на Кубани, хотя основными формами организации жизненного пространства кубанских казаков оставались станицы и хутора.

В-третьих, названные типы поселенческих структур на Кубани обладают не только значительной устойчивостью, но и немалой изменчивостью, динамика которой заметно нарастает на мере приближения к рубежу XIX и XX вв., поэтому требуется учитывать сразу несколько разнонаправленных исторических тенденций, или сценариев, хозяйственно-культурного позиционирования и коммуникативного взаимодействия.

В-четвёртых, поселенческое обустройство на территории Кубани демонстрирует уникальные социальные практики решения казаками различных материально-хозяйственных, архитектурно-строительных, миграционных, военно-организационных и нормативно-правовых проблем в процессе формирования, трансформации и утверждения казачьего поселенческого уклада. Одним из ключевых показателей благополучия кубанских поселений при этом выступает экономическая эффективность наличествующей хозяйственной системы, которая претерпела существенные исторические изменения. Залогом административно-территориальной устойчивости казачьих поселений на Кубани являлась нормативно-правовая регуляция, во многом подчинённая законам военного времени.

В-пятых, в коммуникативных диапазонах различных типов поселений и исторического

региона Кубани в целом мы пытаемся понять взаимоотношения между разными группами переселенцев на Кубань, и, прежде всего, для нас особую актуальность приобретает социальная дискуссионная панель «казаки vs иногородние». Этим взаимоотношениям присущи глубина и многослойность, в них выражаются как глобальные, так и предельно частные, в том числе индивидуальные, мотивы и ракурсы. Инклюзивные группы в поселениях кубанских казаков (иногородние крестьяне, мещане и пр.) находились в неравном положении по сравнению с казаками, и наличествовавший диспаритет никак не устранил неказачьи слои населения, возникал целый спектр конфликтного взаимодействия.

В-шестых, развитие казачьих поселенческих структур обременялось внутрigrупповым социальным расслоением в среде самого кубанского казачества, и соответственно трансформировался комплекс реальных и нормативно закреплённых прав (привилегий) и обязанностей для зажиточного казачества и для беднейших слоёв казачества, коренные интересы которых нередко заметно отличались.

В-седьмых, эволюция кубанских казачьих поселений предопределяется культурно-этническим своеобразием самого кубанского казачества, сохранившего в повседневных практиках значимые пласты этнической культуры (традиционные верования и обрядность, социальные структуры, систему питания, навыки хозяйственной деятельности и т.д.). Однако интерпретация этого этнокультурного нарратива нами осуществляется в контексте исследовательского направления *critical heritage studies* («критические исследования наследия»).

Функциональность поселенческого уклада. Исторические поселения казачества являлись опорными центрами освоения новых территорий в историческом регионе Кубани, центрами цивилизационного влияния на окружающее их пространство и обладали характерной притягательностью для переселяемого сюда населения, поскольку в них казаки стремились закрепить историко-культурное своеобразие своего поселенческого уклада и самобытность самих поселений. Поселенческий уклад кубанских казаков вы-

ступает для нас фундирующей исторической научной категорией. Поселенческий уклад предполагал использование казаками вполне определённой планировочной структуры поселения, парцелляцию земельных участков, ведение привычной для казаков застройки, возведение технологически отработанных типов жилищ, учёт ландшафта данной местности, а также иные, нематериальные характеристики казачьего поселения, существенно дополняющие его традиционный архитектурно-художественный колорит, и в совокупности своей указывающие на детерминирующие антропологические признаки данного типа поселения. Устойчивое развитие исторического поселения кубанского казачества определяется степенью соответствия времени и месту его возникновения, способностью адаптации исторического поселения к новым условиям, и здесь неизбежно применение факторного анализа с выявлением исходного импульса военного, экономического, социального и иного порядка, стимулировавшего рост и укрепление данного казачьего поселения на Кубани.

Исторические поселения казачества реализовывали, прежде всего, для местного населения целый ряд сервисных антропогенных функций, помимо возможности постройки жилья и обеспечения общественной безопасности. Речь идёт о видовом разнообразии хозяйственных занятий, организации производства продуктов питания, налаживании путей сообщения, административном управлении, образовательной деятельности, проведении общего досуга, консолидации населения близлежащих территорий, медицинском обслуживании, осуществлении товарообмена и простейших торговых операций, рекреационных возможностях, установлении почтово-телеграфной связи, гарантировании пожаротушения. Оптимальными типами исторических поселений кубанского казачества в плане выполнения обозначенных поселенческих сервисных функций оказались станица и хутор, хотя полного и однозначного вытеснения из социального пространства других типов исторических поселений казачества на Кубани не произошло, и они в той или иной степени встречаются на территории региона как факт социальной реальности или же как фрагмент исторической памяти

казачьей общности, подтверждаемый изучением коммеморационных практик, длительное время продуцируемых самобытной казачьей культурой.

Исторические поселения «представляют единый территориальный комплекс культурного и природного наследия, признанный на основе объективных исследований имеющим значительную научную, эстетическую и мемориальную ценность» [5, с. 76], а, следовательно, мы изначально направляем вектор исследовательского внимания не только в историческое прошлое кубанского казачества, но и внимательно всматриваемся в наше зримое настоящее, когда непременно требуется сберечь доставшееся нам в благонаследие от прежних поколений уникальное культурно-историческое наследие в виде исторических поселений. Соответственно, очевиден просветительный историзм предлагаемой нами парадигмальной модели поселенческого уклада. Исторические поселения являют собой дискурсивные конструкции регионального пространства, возникающие из сложного переплетения политики и географии, власти и поселенческого уклада, отражающие социальные и политические иерархии, играющие существенную роль в формировании/конструировании казачьей идентичности.

Заключение. Поселенческий уклад кубанского казачества мы относим к разряду так называемых теорий среднего уровня, идея введения которых в теоретико-методологическое пространство гуманитарных наук принадлежит американскому социологу Роберту Мертону [3]. Предлагаемый авторский теоретический конструкт, с нашей точки зрения, позволяет на основе целенаправленного изучения и последовательного обобщения конкретно-исторического материала показать роль и определить значение казачьих поселенческих структур в региональном историческом процессе и в истории кубанского казачества. Тем самым можно осуществить непосредственную связь теоретико-методологических положений с реальной практикой возникновения и трансформации кубанских казачьих поселений, что и обеспечивает высокий качественный уровень предпринимаемых научных изысканий в отношении поселенческих струк-

тур кубанского казачества. Концепт поселенческого уклада кубанского казачества вовсе не исключает применения иных теоретико-методологических конструкций для познания процесса возникновения и трансформации поселенческих структур в историческом регионе Кубани, которые следует рассматривать под разными углами зрения.

Список источников

1. Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара: СГУ, 2000. С. 163–165.
2. Врангель П.Н. Воспоминания. Ноябрь 1918 — ноябрь 1920. Ч. 1. М.: Наука, 2011. 244 с.
3. Девятко И.Ф.Р. Мертон и его теория среднего уровня // История теоретической социологии в 4-х т. Т. 3 / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Наука, 1997. С. 250–270.
4. Короленко П.П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО (Общества любителей изучения Кубанской области). Вып. 1. Екатеринбург: ОЛИКО, 1899. 125 с.
5. Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен её культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 310 с.
6. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Русский фронт: политические, социальные и экономические аспекты (юг России в XVI — конец XVIII в.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (150). С. 7–15.
7. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII — первая треть XX вв.). Новочеркасск: Лик, 2016. 419 с.
8. Ставский В.П. Станица. Кубанские очерки. М. — Л.: Знание, 1929. 126 с.
9. Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: ИРГО, 1884–1885. Т. VIII. 244 с.
10. Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700–1860. Boulder; Oxford: Westview Press, 1999. 264 p.

References

1. Barrett T.M. Linii neopredel'jonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: the North Caucasian «frontier» of Russia]. Amerikanskaja rusistika: vehi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period [American Russian studies: milestones of historiography of recent years. The imperial period]. Samara: SGU, 2000. 163–165. (In Russ.).
2. Vrangel' P.N. Vospominanija. Nojabr' 1918 — nojabr' 1920 [Memoirs. November 1918–November 1920]. Part 1. Moscow: Nauka, 2011. 244. (In Russ.).
3. Devjatko I.F.R. Merton i ego teorija srednego urovnja [R. Merton and his theory of the average level]. Istorija teoreticheskoj sociologii v 4-h t. T. 3 [The History of theoretical Sociology in 4 vol. Vol. 3]. Pod red. Ju. N. Davydova [In Yu. N. Davydov (eds.)]. Moscow: Nauka, 1997. 250–270. (In Russ.).
4. Korolenko P.P. Pervonachal'noe zaseleenie chernomorskimi kazakami Kubanskoj zemli [The initial settlement of the Kuban land by the Black Sea Cossacks]. *Izvestija OLIKO (Obshhestva ljubitelej izuchenija Kubanskoj oblasti)* [News of SLSKR (Society of Lovers of studying the Kuban region)]. Ekaterinodar: OLIKO, 1899; 1:125. (In Russ.).
5. Krogius V.R. Istoricheskie goroda Rossii kak fenomen ejo kul'turnogo nasledija [Historical cities of Russia as a phenomenon of its cultural heritage]. Moscow: Progress-Tradicija, 2009. 310. (In Russ.).
6. Mizis Ju. A., Skobelkin O. V., Papkov A. I. Russkij frontir: politicheskie, social'nye i jekonomicheskie aspekty (Jug Rossii v XVI — konec XVIII v.) [The Russian frontier: political, social and economic aspects (the South of Russia in the XVI — end of the XVIII century)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Ser. Humanities]. 2015; 10(150): 7–15. (In Russ.).
7. Skorik A. P., Fedina I. M. Kubanskij hutor: fazy i povsednevnost' topohronnoj jevoljucii (konec XVIII — pervaja tret' XX vv.) [Kuban farm: phases and everyday life of topochronous evolution (the end of the XVIII — the first third of the XX centuries)]. Novocherkassk: Lik, 2016. 419. (In Russ.).

8. Stavskij V.P. Stanica. Kubanskie ocherki [The village. Kuban essays]. Moscow-Leningrad: Znanie, 1929. 126. (In Russ.).

9. Felicyn E.D. Kratkij ocherk zaselenija Kubanskoj oblasti [A brief outline of the settlement of the Kuban region]. *Izvestija Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva* [News of the Cauca-

sian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Tiflis: IRGO, 1884–1885; VIII: 244. (In Russ.).

10. Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700–1860. Boulder; Oxford: Westview Press, 1999. 264 p.

Статья поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted on 07.09.2021; approved after reviewing on 18.09.2021; accepted for publication on 27.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скорик Александр Павлович — доктор философских наук, доктор исторических наук, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Aleksandr P. Skorik — Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.44
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-53-60

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ДИАСПОР В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Евгений Анатольевич Слизский

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
slizskiy@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5972-8843, AuthorID РИНЦ: 1124012*

Аннотация. *Цель исследования* является социологическое исследование представленности феномена диаспоры в социальной структуре современных государств.

Методологическую базу исследования представляют классический аналитический метод, а также социоструктурный анализ, разработанный классиками социологической мысли. Исходной установкой проведения аналитического исследования является потребность в обновлении и накоплении знаний о межэтнических отношениях в современном трансформирующемся обществе. В частности, исходным пунктом являлся следующий тезис: глобализация привела к тому, что трансформации подвергаются все сферы общества, в том числе и национальная и этническая идентичность. К используемым научным методам относится сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Национальный характер и особенности его проявления имеют серьезное значение в формировании стабильной социальной среды. Национальный характер культурно обусловлен и определяет особенности проявления национальной психики в деятельности конкретного субъекта. Государственное регулирование условий пребывания диаспорных групп на территории страны — сложный и противоречивый процесс. Характер протекания межнациональных отношений зависит от качественных и количественных показателей этнической группы, ее сплоченности, коммуникативной активности и конкретных практикам реализации идентификационных стратегий. В этой связи государственное регулирование межнациональных отношений нуждается в подробном научном исследовании.

Ключевые слова: диаспоры, национальная идентичность, глобализация, государство, социальная структура

Для цитирования: Слизский Е. А. Специфика представленности диаспор в социальной структуре современных государств // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 53–60. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-53-60>.

Original article

THE SPECIFICITY OF THE REPRESENTATION OF DIASPORAS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF MODERN STATES

Evgeniy A. Slizskiy

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
slizskiy@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5972-8843, AuthorID RSCI: 1124012*

Abstract. *The purpose of the study is a sociological study of the representation of the phenomenon of diaspora in the social structure of modern states.*

The methodological basis of the research is represented by the classical analytical method, as well as the sociostructural analysis developed by the classics of sociological thought. The initial setting of the analytical research is the need to update and accumulate knowledge about interethnic relations in a modern transforming society. In particular, the starting point was the following thesis: globalization has led to the transformation of all spheres of society, including national and ethnic identity. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

The results of the study. The national character and the peculiarities of its manifestation are of serious importance in the formation of a stable social environment. The national character is culturally conditioned and determines the peculiarities of the manifestation of the national psyche in the activity of a particular subject. State regulation of the conditions of stay of diaspora groups in the country is a complex and contradictory process. The nature of the course of interethnic relations depends on the qualitative and quantitative indicators of an ethnic group, its cohesion, communicative activity and specific practices of implementing identification strategies. In this regard, the state regulation of interethnic relations needs a detailed scientific study.

Keywords: *diasporas, national identity, globalization, state, social structure*

For citation: *Slizskiy E. A. The specificity of the representation of diasporas in the social structure of modern states // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 53–60. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-53-60>.*

Введение. Межнациональные отношения являются важным аспектом государственной политики в полиэтничном обществе. В зависимости от степени обособленности, локально-исторического и территориального положения существует несколько моделей этнической представленности. Среди прочих классическая диаспора представляет собой сложно структурированную систему социального взаимодействия. Диаспора представлена внутри государства, имея непосредственные каналы связи и коммуникации с государством исхода. При этом не каждая диаспора является сплоченной и не для всех членов диаспоры признак сплоченности является универсальным.

С точки зрения социологии межнациональных отношений, исследование характера и особенностей включенности диаспорных групп в социальную структуру государства видится перспективным. При этом задача государства — реагировать не только на взаимоотношения диаспор с принимающим обществом. Для диаспорно-земляческих сообществ мигранты — это либо «свои», земляки, прибывшие на новое место проживания или заработка, или чужие. Восприятие «своих» может выражаться в принципах похожести и родства, например, общая религия или обычай. «Чужих» воспринимают, исходя из конкурентности, непохожести обычаев, религии, языка.

Методология. Методической основой исследования является классический аналитический метод, а также социоструктурный анализ, разработанный такими исследователями, как Р.К. Мертон и Т. Парсонс. При этом в разработке включенности диаспор в социальную среду мы учитывали социокоммуникативный аспект.

Результаты. В современном мире взаимодействие с институтами гражданского общества становится необходимым условием социальной стабильности. В то же время сами условия функционирования социальных институтов значительно трансформируются не только с точки зрения технологий, но и по степени информационной доступности. Гражданское общество должно обладать высокой степенью публичности и хорошим освещением своего функционирования. Это формирует социальное доверие и позволяет более продуктивно взаимодействовать с органами власти различных уровней. В то же время в процессе увеличения степени модернизации общества и коммуникативной сферы в частности на первый план выходит регулирование различных социальных взаимодействий, в том числе и социальных конфликтов.

Социальную стабильность отечественные ученые определяют следующим образом: «процесс создания современных институтов и отношений, ценностей и норм, необходимых для изменения социального типа базисной личности» [7, с. 76]. Эти процессы находятся в прямой зависимости от политических процессов, которые происходят в современном обществе. В то же время общество не имеет точного представления о том, что такое демократия, зачастую оперируя лишь общеизвестными штампами, например: «наличие определенных свобод, а также возможности выбора и выражения мнения. Однако демократические отношения между обществом и властью представляют собой согласие между демократическими принципами и их выполнением обеими сторонами» [7, с. 75].

Политическая элита заинтересована в поддержке большинства, а также наиболее влиятельных групп, в том числе и национальных меньшинств (которые не только прямым, но и косвенным способом влияют на сохранение стабильности в обществе). Именно под-

держка большинства «делает режим легитимным, даже при свертывании демократических институтов, которые еще не успели доказать гражданам свою полезность и которые общество еще не готово отстаивать» [10, с. 170].

По мнению исследователя М. Фридмена, развитые институты гражданского общества выступают необходимым условием для существования всех сфер общества, и в первую очередь экономики [8]. Отсутствие порядка в этой сфере приводит к отсутствию социального доверия, что в свою очередь усугубляет хаос во всей государственной системе и приводит к дисфункциональности всех социальных институтов.

Специалисты отмечают, что «национальный характер представлен на двух уровнях: 1) на уровне общественной психологии — в форме нерелексивных смутных обыденных массовых стереотипов и представлений народа о своем собственном национальном характере; 2) на уровне общественной идеологии — в форме релексивных теоретических или идеологических концепций национального характера» [2, с. 126]. Однако именно им и определяется включенность определенной нации в социальную структуру государства. Социальные реакции и поведение отдельных представителей отдельных народов дифференцируются посредством проявления национальной психологии.

В современной России национальный и этнический состав очень разнообразен, что приводит к актуализации этнического фактора как необходимого условия стабильного существования общества. В рамках изучаемого нами вопроса интерес представляет такой социальный феномен, как диаспора.

Ряд исследователей определяет термин «диаспора» как этническое сообщество, в силу различных обстоятельств оторванное от своего народа. Классическим определением диаспоры можно считать следующее: «Диаспора (греч. *διασπορά*, «рассеяние») — часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплоченные и устойчивые этнические группы в стране проживания и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности» [6, с. 112].

Однако подобная трактовка рядом исследователей не признается корректной.

Высказываются аргументы против слишком расширенного понимания этого термина, «включающего все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже на внутригосударственном уровнях во всей исторически обозримой перспективе» [3, с. 90].

Однако на сегодняшний день именно расширенное понимание категории «диаспора» представляется более предпочтительным для большинства социологов. Связано это в первую очередь с таким понятием, как «историческая родина». Большинство ученых сходятся во мнении, что диаспорой корректно называть такую часть народа, которая живет вне родины. Родина же в этом случае представляет собой ту территорию, на которой был сформирован национальный характер той или иной диаспоры.

Глобализация в современном мире привела к возрастанию важности влияния такого фактора, как миграционные процессы, которые ускоряют процесс формирования полиэтничности регионов. Для отечественной истории понимание диаспор актуализировалось уже в 1990-е гг. с распадом СССР, когда миграционные процессы стали проходить более интенсивно. За рубежом первые исследования диаспор появились уже в 1970-е гг. Однако в этих работах рассматривалась так называемая классическая модель диаспоры — еврейская, армянская, греческая — и т.п. исторически более интенсивно участвовавшие в миграционных процессах народы. В качестве основных причин возникновения таких диаспор рассматривались следующие исторические факты: геноцид, угнетение, гонения, угон в рабство и т.п. формы насильственного переселения народов вдали от исторической родины. В классических зарубежных исследованиях выделяют такие критерии диаспоры, как «рассеивание из первоначального исторического центра в различные регионы; коллективная память о стране исхода, ее мифологизация; ощущение, восприятие себя в качестве чужаков в принимающем обществе; стремление к возвращению на родину; помощь, сохранение связей со страной исхода; высокий уровень групповой сплоченности, основанный на высокой степени идентификации со страной исхода» [1, с. 131].

Подобный подход был актуален лишь до 1980-х гг., когда механизм возникновения диаспор трансформировался. В эти годы выросли потоки мигрантов, перемещающихся в большей степени по экономическим причинам: капиталистическая экономика формировала запрос на дешевую рабочую силу, который покрывался за счет мигрантов. В это время возникла необходимость применения так называемого историко-типологического метода.

В результате появилось несколько систем разделения диаспор по различным критериям. Дж. Армстронг разделял диаспоры на классические и «пролетарские» (возникающими в результате миграционных процессов по экономическим причинам). Другой исследователь М. Бруно для классификации диаспор использовал четыре критерия: культура, политика, религия, раса [12]. У Р. Коэна выделяются исторические типы диаспор: жертвы, рабочие, торговые, культурные, империалистические [11]. Г. Шеффер разработал более структурированную типологию диаспор: наличие или отсутствие исторической родины, опыта, сформированности и протяженности географически [9].

В 1990-е гг. политическая структура мирового общества изменилась, а с ней изменились и реалии функционирования диаспор. Р. Брубейкер [4] ввел понимание так называемых «диаспор катаклизма». Такие сообщества появлялись в результате изменения границ государств. При этом новые границы разделяли на две разные страны одну этническую группу. Другой исследователь Г. Шеффер ввел в ход термин «транснациональные сети» [9].

На границе XX и XXI веков глобализация ускорила свой темп. Диаспоры также приобрели особенности в своем функционировании в обществе. «Диаспоры, интегрируясь в новые социальные, культурные условия, связываются с ней протяженными и сложными сетями. Данные сети, пересекая границы государств, служат каналом коммуникации для удовлетворения социальных, культурных, образовательных, экономических, политических потребностей диаспор» [1, с. 132].

Диаспора претерпела значительные трансформации в современном обществе. Транснациональные пространства диктуют свои условия существования этнических со-

обществ. В качестве функций диаспор можно отметить «сохранение устойчивости культурной, социальной, этнической идентичности, интеграция вновь прибывших, поддержание связей со страной исхода и родственными диаспорами» [1, с. 133].

Глобализация привела к трансформации коммуникационных связей, что в свою очередь позволило диаспорам наладить активное присутствие в информационном пространстве. Их представители достаточно активно презентуют себя в сети Интернет, используя ее в том числе и для связи с представителями своего этноса, оставшимися на исторической родине. Это привело к появлению терминов «цифровые диаспоры» или «кибердиаспоры» [5].

Интернет не только служит средством коммуникации, отражая реальные образы этносов, но также и создает новый образ, так называемую «цифровую этничность». Исследования такого проявления диаспоральности проводят в рамках так называемой интернет-этнографии. Само интернет-поле открыто для наблюдения и анализа и легко доступно для социологических и антропологических интерпретаций. Исследователи отмечают, что жизнь в диаспоре сильно трансформируется под воздействием цифровых технологий. Члены диаспор получают возможность связываться и общаться друг с другом. Таким образом, сохраняются уже наработанные культурные контакты и этнические модели. Но складываются и новые информационные модели передачи этнической самобытности.

Еще одна модель проявления диаспорной общности — это этнические рынки. Этот феномен получил свое развитие после распада социалистической экономики. Они представляют собой не только модель торговых отношений, но и социокультурных связей. Этнические рынки представляют собой колоритное культурное явление, привлекающее своей самобытностью не только туристов, но и местных жителей. Зачастую их ассортимент — узко-специализированный и представлен лишь в этом месте. Среди местных жителей распространяется мнение, что именно здесь, в этом месте, у представителей этой нации продукт «самый настоящий», поэтому этнические рынки чаще всего экономически прибыльны. Однако такие места представ-

ляют собой не только успешное бизнес-пространство, но и социокультурную среду адаптации мигрантов посредством включения их в диаспоральную среду.

Довольно часто этнические рынки разрастаются целыми кварталами, которые называются по имени народа, составляющего управляющую этим рынком диаспору. В качестве примера можно привести так называемые чайна-тауны или целый квартал Брайтон-Бич, прозванный «Маленькой Одессой».

В различных регионах России также довольно широко представлены кавказские, корейские, китайские и т.п. этнические рынки. Однако, несмотря на схожесть в своем истоке, очень часто между представителями этих рынков возникают конфликты, которые порождаются не только различиями в национальной ментальности представителей той или иной диаспоры, но и экономическими различиями, связанными с успешностью функционирования конкретного этнического рынка, пересечениями интересов в той или иной географической местности.

Сам феномен этнических рынков как успешного элемента рыночной экономики можно объяснить, прежде всего, высокой степенью приспособляемости членов диаспор. Установление полезных контактов и связей, новых знакомств, умение располагать к себе людей — все эти качества способствовали выживанию в чужой культурной среде, поэтому среди мигрантов очень быстро складывалась традиция предпринимательской деятельности. К тому же, используя фактор культурной новизны и приспособляемость к социуму, диаспоры превращали механизм выживания в средство зарабатывания материальных ресурсов.

Однако само определение диаспор через какие-либо национальные стереотипы зачастую приводило к отторжению обществом каждого члена этой диаспоры как чужака. Таким образом, формировался замкнутый круг: коренное общество воспринимало каждого члена диаспоры в отдельности по определенному социальному шаблону (зачастую негативно окрашенному, так как более предприимчивые и успешные люди вызывали у менее успешных масс зависть), сами же члены диаспор еще глубже уходили от всего сообщества в диаспоральные связи.

Диаспора создавала защиту всем своим членам, закрывая от деструктивного восприятия коренного населения.

В то же время и для титульной нации обнаружение вокруг себя непривычной культуры и обычаев вызывало значительный дискомфорт. Чаще всего, обладая численным преимуществом на определенной географической территории, члены определенной нации достаточно разобщены на практике. У них нет никаких резонансов устанавливать конструктивное общение, даже наоборот, возникает конкуренция за ресурсную и материальную базы.

В то же время, оказавшись оторванными от исторической родины по тем или иным причинам, представители национального меньшинства чувствуют необходимость к самоорганизации и объединению в диаспоральные сообщества с целью защиты интересов каждого члена сообщества.

В результате проведения авторского исследования межнациональных отношений в Краснодарском крае и Республике Адыгея мы пришли к выводу, что ситуация реализации идентификационных стратегий различных этнических групп на территории Краснодарского края и Республики Адыгея непростая, но относительно стабильная. Наиболее интенсивную деятельность по адаптации членов национальной группы к условиям проживания в Краснодарском крае производят татарская и лезгинская группы. Деятельность адыгов по адаптации реализуется естественным образом, что во многом связано с исторической и социокультурной характеристиками проживания данной группы. Что касается узбекской национальной группы, влияние диаспор или землячеств на адаптацию вновь прибывших представителей этнической группы незначительно.

Существуют серьезные затруднения в оценке рассмотренных диаспор и землячеств в социально-экономические и культурные процессы Краснодарского края, что речь в данном случае идет не столько о деятельности диаспор и землячеств как самостоятельных социальных структур, сколько о включенности в социальную жизнь региона отдельных их представителей. Как показали результаты опроса, наибольшую степень включенности в социальную жизнь регио-

на проявляют адыги, наименьшую — узбеки. В целом можно судить о том, что сами по себе диаспоры и землячества по большей части проявляют нейтральность, иными словами — векторы их социальной активности направлены на осуществление внутренней деятельности.

Наибольшие сложности в осуществлении идентификационных процессов проявляются в среде узбекской этнической группы. Напротив, наибольшую эффективность осуществления идентификационных процессов демонстрируют представители татарской и адыгской этнических групп. Это обусловлено существенной их включенностью в социальные процессы принимающего общества.

К числу преобладающих механизмов формирования национальной идентичности относятся высокий уровень сопричастности достижениям представителей этнической группы, проведение разнообразных культурных мероприятий, передача национальных ценностей в рамках деятельности института семьи. Тем более значимым становится тот факт, что для представителей современных этнических групп рассматривается в качестве приемлемого формирование семей среди представителей различных национальных групп.

Выявленные в ходе исследования противоречия свидетельствуют о наличии проблемных полей взаимодействия между представителями диаспор и земляческих групп и коренным населением, а также между представителями различных этносов. Вызывает опасение проблема стереотипизации негативных моделей реализации национальной идентичности и переход от локальных частных конфликтов на уровень конфликтов межнациональных.

Существует и еще один значимый фактор. Процессы глобализации приводят к масштабным миграционным потокам. Возникают ситуации, когда, не покидая родной страны, человек оказывается погруженным в культурное многообразие, которое в то же время характеризуется диаспоральными границами. Диаспоры не только не исчезают в современном мире, но и приобретают существенное значение, выступая в качестве инструмента защиты интересов той или иной нации.

Обсуждение. В качестве дискуссионного момента хотелось бы отметить следующую закономерность. Попытки регулирования миграционных процессов со стороны государства, как правило, представлены в двух видах. Активное прямое воздействие, которое зачастую становится причиной обострения социальной конфликтности, и опосредованное регулирование, предполагающее закрепление определенных обстоятельств и внешних факторов, обуславливающих одни варианты миграции и проблематизирующие другие. Примером первой формы государственного регулирования миграционных процессов является скандально известная ситуация в США на границе с Мексикой. Примером скрытой политики воздействия могут выступать различные реформы, связанные с усложнением или упрощением легализации пребывания на территории принимающего государства. На наш взгляд, аспект конфликтности здесь детерминирован тремя основными факторами. Во-первых, речь идет о сплоченности и степени локализации диаспорной группы. Чем выше уровень непосредственной коммуникации, тем выше динамика реакций на усложнение или упрощение обстоятельств пребывания в принимающем регионе. Во-вторых, очень много зависит от готовности социальной среды к принятию новых членов общества из других регионов. При этом немаловажным аспектом является имидж, точнее, набор стереотипов, представляющий собой собирательный образ выходца из того или иного региона. И, наконец, третьим фактором является количество членов определенной диаспоры, придерживающихся более-менее схожих принципов в плане реализации идентификационных стратегий. Мы полагаем, что данная тематика нуждается в более подробном рассмотрении.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что регулирование миграционных процессов, а также обстоятельств пребывания диаспорных групп на территории страны является важным аспектом внутригосударственной и международной политики. Несмотря на то, что диаспоры, как правило, представлены общественными организациями, решающими ряд бытовых и социокультурных вопросов, они же в ряде ситуаций представляют

собой участника политического взаимодействия. Активная практика государственного регулирования как диаспорных, так и земляческих групп должна проводиться с учетом принципа соблюдения прав и свобод, ориентироваться на предвидение общественного и социокоммуникативного резонанса, а также принимать во внимание особенности исторической и культурной ситуации.

Список источников

1. Авдашкин А. А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник ЧелГУ. 2015. №2 (357).
2. Анисимова Н. Н. Национальный характер в структуре идентичности // Гуманитарий Юга России. 2019. №3.
3. Бичоева А. Р. Национальная диаспора // Система ценностей современного общества. 2013. №28.
4. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami // Диаспоры. 2000. №3. С. 6–32.
5. Головнев А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. №1. С. 100–108.
6. Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.
7. Узлов Ю. А. Социальная стабильность и национальная идентичность гражданского общества // Sciences of Europe. 2017. №12-2 (12).
8. Фридмен М. Капитализм и свобода. М., 1982.
9. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. Диаспоры. М., 2003.
10. Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России? М., 2006.
11. Berthomiere W. Diaspora: An Overview. P. 27.
12. Bruneau M. Diasporas, transnational spaces. P. 39–40.

References

1. Avdashkin A. A. Fenomen diaspori: metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovaniya [The phenomenon of the diaspora:

methodological foundations of scientific research]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of ChelGU]. 2015; 2 (357). (In Russ.).

2. Anisimova N.N. Nacional'nyj harakter v strukture identichnosti [National character in the structure of identity]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. 2019; 3. (In Russ.).

3. Bichoeva A.R. Nacional'naja diaspora [National diaspora]. *Sistema cennostej sovremennogo obshhestva* [The system of values of modern society]. 2013; 28. (In Russ.).

4. Brubejker R. «Diaspory kataklizma» v Central'noj i Vostochnoj Evrope i ih otnosheniya s rodinami [«Diasporas of the cataclysm» in Central and Eastern Europe and their relationship with their homelands]. *Diaspory* [Diasporas]. 2000; 3: 6–32. (In Russ.).

5. Golovnev A.V., Belorussova S. Ju., Kisser T.S. Veb-jetnografija i kiberjetnichnost' [Web ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2018; 1: 100–108. (In Russ.).

6. Sociologija: jenciklopedija [Sociology: encyclopedia]. Sost. A.A. Gricanov, V.L. Abu-

shenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko [Comp. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko]. Minsk: Knizhnyj Dom, 2003. (In Russ.).

7. Uzlov Ju. A. Social'naja stabil'nost' i nacional'naja identichnost' grazhdanskogo obshhestva [Social stability and national identity of civil society]. *Sciences of Europe*. 2017;12-2 (12). (In Russ.).

8. Fridmen M. Kapitalizm i svoboda [Capitalism and freedom]. Moscow, 1982. (In Russ.).

9. Sheffer G. Diaspory v mirovoj politike. Diaspory [Diasporas in world politics. Diasporas]. Moscow, 2003. (In Russ.).

10. Jasin E. G. Prizhivetsja li demokratija v Rossii? [Will democracy take root in Russia?]. Moscow, 2006. (In Russ.).

11. Berthomiere W. Diaspora: An Overview. P. 27.

12. Bruneau M. Diasporas, transnational spaces. P. 39–40.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 26.09.2021; принята к публикации 28.09.2021.

The article was submitted on 27.08.2021; approved after reviewing on 26.09.2021; accepted for publication on 28.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Слизский Евгений Анатольевич — аспирант, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeny A. Slizsky — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.442
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-61-69

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТСКИХ ПРАКТИК СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Алена Игоревна Черевкова

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
yaitskova_a@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0662-226,
AuthorID РИНЦ: 1016048, SPIN-код: 6404-2082*

Аннотация. *Цель исследования* состоит в выявлении групп факторов, оказывающих влияние на формирование туристских практик старшего поколения для дальнейшей разработки стратегий повышения туристской активности данной возрастной группы.

Методологическую базу составляют структуралистско-конструктивистский подход и теория структуризации, которые позволяют рассматривать туристские практики как совокупность устойчивых и воспроизводимых социальными акторами действий, реализуемых в туристских целях под влиянием экзогенных и эндогенных факторов институциональной среды.

Эмпирической базой работы выступают результаты опросов, проведенных ведущими социологическими центрами (ВЦИОМ, Левада-Центр и др.) в 2017–2021 гг., данные статистики, представленные Ростуризмом, статистические данные Росстата, а также 6 неструктурированных интервью с экспертами в области развития туризма Ростовской области, проведенных автором в мае-июле 2021 г.

Результаты исследования. На основании опросов населения констатируется низкая вовлеченность старшего поколения России в туристские практики, что обуславливается комплексом факторов, которые не сводятся к экономическим (низкие пенсии) или эпидемиологическим. Барьерами выступают плохое состояние здоровья, недостаточное развитие информационно-коммуникационных навыков у значительной части пожилых людей, а также политические факторы и фокус СМИ на угрозах и опасностях, с которыми может столкнуться турист. Не способствуют повышению туристской активности старшего поколения отсутствие специализированных федеральных и региональных программ, несоответствие предлагаемых туристских услуг материальным и физиологическим возможностям и потребностям пожилых людей.

Перспективы исследования. Многофакторность исследуемой проблемы вызывает к необходимости социологической экспертизы с помощью проведения глубинных интервью с представителями старшего поколения. Это позволит своевременно выявлять потребности старшей возрастной группы в туристских практиках, ее ожидания, планы, опасения и причины, препятствующие совершению турпоездки, и в соответствии с ними выстраивать систему стратегий повышения туристской активности.

Ключевые слова: туризм, социология туризма, социальные практики, туристские практики, пандемия коронавируса, старшее поколение, экспертное исследование, Ростовская область

Для цитирования: Черевкова А.И. Факторы формирования туристских практик старшего поколения (по материалам экспертных интервью) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 61–69. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-61-69>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-311-90036 «Дифференциация туристских практик населения Ростовской области в условиях социального неравенства в российском обществе».

Original article

FORMATION FACTORS OF THE OLDER GENERATION' TOURIST PRACTICES (BASED ON THE MATERIALS OF EXPERT INTERVIEWS)

Alena I. Cherevkova

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
yaitskova_a@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0662-226,
AuthorID RSCI: 1016048, SPIN: 6404-2082*

Abstract. *The purpose of the study is to identify groups of factors that influence the formation of the older generation' tourist practices for further development of strategies to increase tourist activity of this age group.*

The methodological basis of the research *consists of the structuralist-constructivist approach and the theory of structuration, which allow us to consider tourist practices as a set of stable and reproducible actions by social actors, implemented for tourist purposes under the influence of exogenous and endogenous factors of the institutional environment.*

The empirical basis of the work *is the results of surveys conducted by leading sociological centers (WCIOM, Levada Center) in 2017–2021, statistical data provided by Federal Agency for Tourism, statistical data of the Federal State Statistics Service, as well as 6 unstructured interviews with experts in the field of tourism development of the Rostov region, conducted from May to July 2021.*

The results of the study. *Based on population surveys, the low involvement of the older generation in Russia in tourist practices is stated. This is due to a complex of factors that are not reduced to economic (low pensions) or epidemiological. There are barriers to the implementation of tourist practices: poor health, insufficient development of information and communication skills of a significant part of the elderly, as well as political factors and media focus on the threats and dangers that a tourist may face. The lack of specialized federal and regional programs, the discrepancy between the offered tourist services and the material and physiological capabilities and needs of older people do not contribute to the increase in the tourist activity of the older generation.*

The prospect of the study. *The multifactorial nature and complexity of the problem under study call for a deep sociological examination, including in-depth interviews with representatives of the older generation. This will make it possible to timely identify the needs of the older age group in tourist practices, their expectations, plans, fears and reasons that prevent them from making tourist trips, and in accordance with them to create a strategies for increasing tourist activity.*

Keywords: *tourism, sociology of tourism, social practices, tourist practices, the coronavirus pandemic, the older generation, expert research, Rostov region*

For citation: Cherevkova A.I. Formation factors of the older generation' tourist practices (based on the materials of expert interviews) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 61–69. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-61-69>.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project №20-311-90036 «Differentiation of tourist practices of the Rostov region population in the conditions of social inequality in the Russian society».

Введение. Глобальная демографическая тенденция старения населения в полной мере проявляется в России: на 1 января 2021 г. доля населения в возрасте 60 лет и старше составила 22,36% (32,8 млн. человек)¹. По данным опроса ВЦИОМ 2020 г., среди проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди в России, респондентами отмечаются ухудшение здоровья, болезни (44%), ощущение ненужности, не востребованности в обществе (19%), одиночество (17%), отсутствие активной деятельности (7%)².

Одним из эффективных способов профилактики апатии, поддержания здоровья и социальной активности, улучшения социального самочувствия выступает туризм. Он играет важную роль в физическом и духовном развитии человека, оказывает оздоровительное и восстанавливающее воздействие. В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. отмечается, что путешествие является «уникальным средством реабилитации, дает возможность расширять круг общения по интересам, устанавливать независимые и разнообразные контакты, которые помогают получить уверенную и эффективную жизненную поддержку, необходимую человеку старшего поколения»³.

Однако туристская активность старшего поколения в России остается понижен-

ной в сравнении с европейскими странами, США, Канадой, Японией, Южной Кореей. Так, например, в Китае туристы старше 60 лет в 2015 г. составили 58% всего турпотока⁴, а в Евросоюзе до начала пандемии коронавируса люди старше 65 лет составляли пятую часть от общего количества путешественников⁵. В России, по данным телефонного опроса, проведенного компанией Ipsos в 2018 г., за предшествующий исследованию год по России путешествовали 12% респондентов из числа пенсионеров в возрасте 60–75 лет, проживающих в городах с населением свыше 100 тыс. человек⁶. За пределы России выезжали 6% опрошенных 60–75 лет. Представители старшей возрастной группы ездят в турпоездки меньше, чем более молодые, и распространенность туризма как социальной практики пожилого населения невысока, в связи с чем представляется важным исследовать факторы, которые оказывают влияние на формирование туристских практик пожилых людей — их мотивацию к туризму или отказу от него, выбор конкретных направлений и видов туризма.

Туризм старшего поколения рассматривается в методологических рамках структуралистско-конструктивистского подхода П. Бурдьё и теории структуризации Э. Гидденса [1; 2]. Туристские практики понимаются

1 Старшее поколение [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

2 Продолжительность жизни в России: желания и реальность [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 4 декабря 2020 г. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10659>.

3 Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/21692/>.

4 Chinese elderly people go on a trip [Electronic resource] // Chinese Tourists Agency. URL: <https://www.chinesetouristagency.com/chinese-elderly-people-go-on-a-trip/>.

5 1 in 5 tourism nights of EU residents spent by tourists aged 65 or over // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7664325/4-26092016-AP-EN.pdf/59bc5872-a0e0-4666-99b3-073a82672e71>.

6 Сколько российских пенсионеров ездят в турпоездки и куда // Ассоциация туроператоров России. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/47221.html>.

как совокупность устойчивых и воспроизводимых социальными акторами действий, реализуемых в туристских целях под влиянием экзогенных и эндогенных факторов институциональной среды. Туризм, следуя нормативно закреплённому определению, рассматривается как временные выезды (путешествия) с постоянного места жительства «в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания»⁷. Структуралистский конструктивизм представляет собой методологическую основу для изучения социальных практик с учетом разнообразных факторов социальной жизни: габитуса акторов практик, их капитала, а также факторов социального поля [3]. В рамках данной статьи рассмотрим капитал и факторы поля как переменные, формирующие туристские практики старшего поколения.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты опросов, проведенных ведущими социологическими центрами в период 2017–2021 гг., данные статистики, представленные Ростуризмом, статистические данные Федеральной службы государственной статистики, а также 6 неструктурированных интервью с экспертами в области развития туризма Ростовской области, проведенных в мае-июле 2021 г. По два интервью было проведено с имеющими ученую степень представителями академического сообщества, в чьи научные интересы входит изучение туризма (эксперты №1 и №2); с представителями органов власти, в сферу деятельности которых входит развитие туризма (эксперты №3 и №4); с сотрудниками туроператоров и турагентств, осуществляющих свою деятельность на территории Ростовской области (эксперты №5 и №6).

Результаты. Как показал анализ экспертных интервью, важнейшим фактором формирования туристских практик выступает экономический капитал пожилых людей. Эксперты считают материальный достаток основным фактором, детерминирующим выбор индивидом любого возраста тех или иных практик, а низкий уровень материального обеспечения — главным барьером, ограничивающим туристскую активность пожилых людей: «*Очень важен такой момент, как материальная состоятельность пожилых туристов. В Европе вышел на пенсию — и до конца жизни обеспечен, можешь путешествовать. В России вышел на пенсию и, к сожалению, в большинстве своем, дожидаешь. В мире 80% путешествующих — это пожилые, 20% — все остальные. В России — ровно наоборот*» (эксперт №3); «*Путешествует человек, которого поддерживают дети, или у него есть свой бизнес, или он еще работает, востребованный специалист, у которого финансовая подушка обширная, но объективно очень маленький процент этих пенсионеров*» (эксперт №5). Низкие пенсии и уровень жизни из года в год в опросах населения указываются как главные проблемы старшего поколения. Минимальный размер пенсии в России на 1 января 2021 г. — 9311 руб., а средний размер назначенных пенсий по старости — 15744,6 руб.⁸, что при отсутствии дополнительных источников дохода оказывается не достаточным для удовлетворения даже базовых потребностей.

Однако необходимо учитывать, что часто пенсия — это не единственный источник финансов: достигнув пенсионного возраста, многие продолжают работать (20,7% населения старше трудоспособного возраста официально трудоустроены⁹), три четверти пожилых в России живут в семьях, а доля пенсионеров среди вкладчиков российских банков составляет около 60%¹⁰. Уровень материальной обеспеченности пожилых людей

⁷ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

⁸ Старшее поколение [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

⁹ Пожилые люди России назвали свои главные проблемы [Электронный ресурс] // РБК. 6 октября 2017 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/10/2017/59d71ba29a794779b25168e2>.

¹⁰ Вкладчик или домовладелец: кто безбедно живет на пенсии? [Электронный ресурс] // Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10891116>.

неоднороден по всей стране, что сказывается на уровне вовлеченности в туристские практики: «Доля путешествующих в Ростовской области не отличается от других регионов России. Более высокие показатели будут только в Москве и Санкт-Петербурге, там выше средний уровень жизни населения» (эксперт №3). Однако в целом туристские практики старшего поколения в России носят бюджетный характер: «Клише уже такое: в России турист 60+ — это бюджетный турист» (эксперт №5), и это отличает нашу страну от, например, Испании, где старшая возрастная группа обладает более высокой, чем у молодых, покупательской способностью [4].

Следующая группа факторов, влияющих на вовлеченность в туристские практики, связана с состоянием здоровья старшего поколения (физиологический фактор): «Если есть ограничения здоровья, какие-то хронические заболевания, то будет дискомфорт, если, например, путешествуешь в горной местности, где активно меняется давление даже в течение суток» (эксперт №2); «Основная проблема в таком возрасте — это здоровье» (эксперт №6). В России на 2021 г. насчитывается почти 7 млн. инвалидов в возрасте старше 60 лет, еще 1,7 млн. — в группе 51–60 лет¹¹, а около 50% россиян (всех возрастов) имеют хронические заболевания¹². Вместе с тем туриндустрия сегодня движется по пути увеличения физической доступности объектов и предлагает продукты, направленные на оздоровление, санаторно-курортное лечение, туры для людей с различными ограничениями здоровья.

В качестве составляющей культурного капитала можно рассмотреть владение информационно-коммуникационными технологиями. Рынок туристических услуг прочно освоил интернет-пространство, и некоторые турфирмы отказываются от продаж туров в очном формате офиса: «В Москве многие

отказались от офисов, перешли на онлайн. Они заведомо отказываются от определенной категории туристов, потому что именно 60+ в основном все еще приходят в офисы, платят наличными» (эксперт №5). Хотя доля пожилых людей, осваивающих компьютер, ежегодно возрастает, в возрастной когорте старше 65 лет доля пользователей интернета составляет всего около 6%¹³. Эксперт №2 отмечает закономерность: «Те, кто используют интернет, активнее путешествуют, поскольку у них больше доступ к услугам, которые предоставляются». Цифровое неравенство становится причиной слабой доступности туризма для старшего поколения: «Повсеместная автоматизация, информатизация... Элементарно зарегистрироваться в аэропорту, если там применяются электронные системы регистрации, а не обычная стойка, может быть проблемой для старшего поколения» (эксперт №1).

Исследуя факторы внешней среды и их влияние на туризм старшего поколения, в современных условиях следует прежде всего упомянуть эпидемиологические факторы. Численность туристов значительно сократилась во всех возрастных группах, но эксперты Ростуризма прогнозируют восстановление внутреннего турпотока к концу 2021 г.¹⁴. Однако в сегменте старшего поколения быстрое восстановление маловероятно: «Очень резко снизился процент путешествующих именно в этой группе. Я считаю, что лет 10 уйдет на возврат к нормальным показателям» (эксперт №2); «Сейчас я наблюдаю уменьшение количества пенсионеров, которые ездят. До пандемии было больше» (эксперт №6). В то же время оздоровительный туризм, в т.ч. санаторно-курортное лечение, может стать средством реабилитации после перенесенного заболевания коронавирусом.

Группой факторов, важной при выборе типа практики (международная/внутрироссийская) и конкретного направления путе-

11 Численность инвалидов по возрастным группам в разрезе субъектов РФ [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд РФ. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislenност/chislenност/chislenност-po-vozrastu?territory=undefined>.

12 Около 50% прошедших диспансеризацию россиян имеют хронические заболевания [Электронный ресурс] // РИА Новости. 14 октября 2019 г. URL: <https://ria.ru/20191014/1559748078.html>.

13 Треть пожилых людей в России являются активными пользователями интернета [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 1 октября 2019 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640>.

14 Ростуризм: около 63 млн. человек путешествовали по России с января по июль [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2 сентября 2021 г. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/81584/>.

шествия, выступают факторы политические. Эксперты подчеркивают, что для пожилых людей они более существенны, чем для других возрастных когорт: *«Политическая ситуация очень сильно влияет на пожилых. На молодежь — нет, они не смотрят телевизор, не слушают это все. А пожилое население в ситуации с пандемией, с политической ситуацией всегда задает вопросы»* (эксперт №6). Эксперт №2 рассуждает о причинах важности политических факторов для пожилых, связанных с габитусом: *«Может быть, это воспитание такое было заложено, такая идеологическая платформа у этих людей. Они очень подвержены политическим отношениям. Недоброжелательность руководства страны к россиянам влияет так, что они категорически в эту страну не поедут»*.

С политическими факторами тесно связано влияние средств массовой информации (информационные факторы). Основным источником информации для пожилых людей остается телевидение: в возрастной группе 60+ федеральные каналы «смотрят часто» 87% респондентов опроса ВЦИОМ 2017 г.¹⁵ Было выявлено негативное влияние новостных телепередач на туризм старшего поколения: *«Если говорить об информационном поле всевозможных ток-шоу и новостей, то здесь обратный популяризации эффект: “Сидите дома, никуда не суйтесь”»* (эксперт №1); *«Мне кажется, они очень умело воздействуют на эту аудиторию, транслируют негатив, находят каких-то недовольных туристов в Турции. И это все показывает по федеральным каналам»* (эксперт №5). Представители старшего поколения не являются однородной группой в части доверия тем или иным СМИ, и степень воздействия на туристские практики зависит от психики конкретного человека: *«Люди внушаемые поддаются пропаганде СМИ, а у некоторых она вызывает обратную реакцию. У всех все по-разному. Но, конечно, СМИ создают фон, установку, и однозначно, большая часть людей будет попадать под ту волну, которая создается СМИ. ... СМИ — это манипуляция мнением, и в туризме это практикуется»* (эксперт №1). Также необходимо понимать,

что некоторые угрозы, освещаемые в новостных программах, являются объективными и могут представлять реальную опасность для туристов.

Познавательные телепередачи о путешествиях, тревел-шоу («Непутевые заметки», «Мир наизнанку», «Орел и решка», «Жизнь других» и т.д.) способствуют популяризации туризма: *«Передачи, в которых уделяется внимание пожилым людям, та же “Жизнь других”, для некоторых пенсионеров могут быть стимулом для поездок, посмотреть, как живут их ровесники за рубежом»* (эксперт №1). Однако эксперт №2 замечает, что такие программы не ориентированы на пожилых людей: *«В основном мы что видим? Красивые ролики, где отображаются и популяризуются молодые возрастные группы. А для пожилого населения мало чего предлагается в СМИ в плане поездок, где пожилое население будет чувствовать себя защищено»*. Эксперт №6 подтверждает необходимость учитывать особенности туристских потребностей пожилых людей при создании телепередач: *«“Орел и решка” — это развлекательная программа, ведущие там с вышек прыгают. Пожилым интересно найти красоту, впечатления, они заботятся о здоровье. Просветительская работа какая-то, может, и есть, но для пенсионеров — нет»*. Таким образом, СМИ формируют социальное поле, среду, в которой осуществляются (или же не осуществляются) туристские практики.

Отношение социума к старшему поколению, старости и восприятие себя пожилым человеком в этом обществе также характеризует социальное поле туристских практик. По результатам упомянутого выше исследования ВЦИОМ 2020 г., среди проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, помимо бедности, низких пенсий и ухудшения здоровья, присутствуют и такие, как ощущение ненужности, невостребованности в обществе (19%), одиночество (17%), неуважение со стороны молодых (12%), а также отсутствие активной деятельности (7%), безразличие со стороны государства, государственных структур (5%), отсутствие

¹⁵ ВЦИОМ: большинство россиян узнают новости по ТВ [Электронный ресурс] // ТАСС. 7 августа 2017 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4466784>.

интереса к жизни (3%)¹⁶. Наличие этих проблем и их влияние на туризм пожилых людей подтверждают и эксперты: «Отсутствие социальных механизмов психологической и моральной поддержки, отношение социума к пожилым как к “уже прожившим”, общая социальная индифферентность к пожилым» (эксперт №3); «Вот такую позицию у нас заняло государство: мол, вы вот на пенсию вышли, как рабочая сила нам не нужны, вот и доживайте, вы нам не интересны. И это прослеживается абсолютно везде» (эксперт №5). В результате в российском обществе «активно путешествующий пенсионер, хорошо выглядящий, — это исключение, которое вызывает удивление. Негатива нет, но это не воспринимается как норма» (эксперт №1). «Туризм старшего поколения, — отмечает эксперт №4, — это такая сложная штука для нашего менталитета, непривычная, мы в России только начинаем об этом думать». Проблема отношения к старости и пожилым людям в российском обществе, безусловно, гораздо обширнее сферы туризма и затрагивает и другие повседневные жизненные практики старшего поколения, влияя на восприятие пожилым человеком своего социального статуса.

К внешним факторам формирования туристских практик также относится уровень развития туристской индустрии в стране, который включает в себя не только наличие необходимых объектов (средств размещения, транспортных средств, объектов общественного питания, наполнения программы тура и т. д.), но и их доступность для разных групп вне зависимости от особенностей здоровья, подготовку персонала для работы с пожилыми людьми, функционирование программ социального туризма и т. д. Оценивая туристскую индустрию России с точки зрения сформированности условий для развития туризма старшего поколения, эксперты отмечали несоответствие предложения материальным возможностям и потребностям пожилых людей [5]: «У нас очень мало санаториев, доступных мест отдыха для насе-

ления пожилого, чтобы были предоставлены хорошие условия проживания» (эксперт №2); «Я ни разу не видела, по крайней мере, в предложениях по Северному Кавказу или еще где-то маршрутов для пожилых людей» (эксперт №4). Как отмечает эксперт №1, в России туристская индустрия ориентирована на другие возрастные категории: «Объекты размещения ориентированы в большей степени на семейный отдых, отдых молодежи, и инфраструктура самих туристских центров рассчитана на эту публику». Существуют сложности с доступностью транспортной инфраструктуры: «Рассмотрим, например, наши вокзалы, это тоже сложная история. Не в каждом автобусе откидываются спинки, высока амортизация наших средств передвижения. Опять же лестницы, если ты с чемоданом» (эксперт №3).

Учитывая сравнительно небольшой экономический капитал российских пенсионеров, можно сказать, что решение задачи вовлечения пожилого населения в туризм может осуществиться исключительно через поиск путей финансирования либо увеличения доступности туристских услуг для пожилого населения [6]. При анализе действующей в Ростовской области социальной программы санаторно-курортного лечения для льготных категорий (инвалиды, участники Великой Отечественной войны, лица, подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и др.) было выявлено следующее несоответствие: норматив финансовых затрат в месяц на одного гражданина, получающего государственную социальную помощь по санаторно-курортному лечению, в 2021 г. составляет 144,37 руб. в месяц (1732,44 руб. в год), а стоимость одного дня пребывания в санаторно-курортных учреждениях в 2021 г. (по данным Фонда социального страхования) — 1348,10 руб.¹⁷. При этом минимальный срок пребывания в санаториях из перечня санаторно-курортных организаций, осуществляющих лечение граждан, имеющих право на получение набора социальных услуг, составляет 18 дней. Та-

16 Продолжительность жизни в России: желания и реальность [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 4 декабря 2020 г. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10659>.

17 Обеспечение граждан получателей социальных услуг путевками на санаторно-курортное лечение [Электронный ресурс] // Ростовское региональное отделение Фонда социального страхования РФ. URL: <https://r61.fss.ru/directions/39311/index.shtml>.

ким образом, лишь некоторая доля пожилых людей имеет право на социальную поддержку в сфере туризма, и при этом выделяемая сумма не соответствует действующим предложениям санаториев. В то же время в некоторых регионах России перечень льготных категорий шире: например, в Москве и Московской области таким правом обладают ветераны труда.

На увеличение доступности туристских услуг направлена программа «Туристический кешбэк», предназначенная для стимулирования внутреннего туризма: при оплате поездки онлайн картой «Мир» 20% от стоимости тура по России можно вернуть. Эксперты оценивают данную программу неоднозначно: *«Кешбэк очень хорошо простимулировал туризм. У меня достаточно много заявок было именно по кешбэку, может быть, в силу того, что не такие большие пенсии у нас в России»* (эксперт №6). С другой стороны, отели, вошедшие в число партнеров программы, поднимали цены на свои услуги. Кроме того, реализация программы в онлайн-формате и при условии получения карты «Мир» сложна для пожилых людей, не обладающих достаточными техническими навыками.

Федеральный проект «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (2019–2024 гг.), реализуемый в рамках проекта «Демография», не включает в себя развитие туристской активности пожилого населения. Среди заложенных в проекте показателей — обеспечение системой долговременного ухода, доступности медицинской помощи, проведение диспансеризации, создание геронтологических центров и т.д. Законодательно транслируется медикалистский подход к старости, а поддержание социальной активности, укрепление социального здоровья остаются за кадром. Эксперты заявляют об отсутствии федеральных и региональных программ по поддержке туризма старшего поколения: *«Их нет, только если частная история с грантами, даже если мы возьмем Стратегию развития туризма. Детский туризм у нас на флаг поднят, а вот о возрастном туризме для старшего поколения и полстрочки я не видела»* (эксперт №4).

Заключение. Таким образом, низкая вовлеченность старшего поколения в России в туристские практики обуславливается комплексом факторов, которые не сводятся к очевидным экономическим (низкие пенсии) или эпидемиологическим. Барьерами выступают плохое состояние здоровья, недостаточное развитие информационно-коммуникационных навыков у значительной части пожилых людей, а также политические факторы и фокус СМИ на угрозах и опасностях, поджидающих туриста. Не способствуют повышению туристской активности старшего поколения отсутствие специализированных федеральных и региональных программ, несоответствие предлагаемых туристских услуг материальным и физиологическим возможностям и потребностям пожилых людей. Многофакторность и сложность данной проблемы вызывают к необходимости глубокой социологической экспертизы, которая позволит своевременно выявлять потребности в туристских практиках этой возрастной группы, ее ожидания, планы, опасения и причины, препятствующие реализации туристских практик и в соответствии с ними выстраивать систему стратегий повышения туристской активности.

Список источников

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
3. Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices/ The Logic of Practice. Les Editions de Minuit, 1980.
4. Sanchez M.N.L., Gonzalez M.E.A., Vila T.D. Approximation to the senior tourist profile and behaviour // Revista Galega de Economia. 2014. vol. 23. №2. Pp. 69–90.
5. Максимова О. А., Малышева Е. В. Возрастная дифференциация удовлетворенности потребителей в сфере туризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №1 (37). С. 139–147.
6. Грошев И. В. Туризм для лиц пожилого возраста: монография / И. В. Грошев, Е. П. Корчагин. М.: ИНФРА-М, 2021. 303 с.

References

1. Burd'e P. Prakticheskij smysl [Practical sense]. Saint Petersburg: Aletejja, 2001. 562 p. (In Russ.).
2. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
3. Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices/ The Logic of Practice. Les Editions de Minuit, 1980.
4. Sanchez M.N.L., Gonzalez M.E.A., Vila T.D. Approximation to the senior tourist profile and behaviour // Revista Galega de Economia. 2014. vol. 23. №2. Pp. 69–90.
5. Maksimova O.A., Malysheva E.V. Vozrastnaja differenciacija udovletvorennosti potrebitelej v sfere turizma [Age differentiation of consumer satisfaction in tourism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]*. 2015; 1 (37): 139–147. (In Russ.).
6. Groshev I.V. Turizm dlya lic pozhilogo vozrasta: monografiya [Tourism for the elderly: monograph]/ I.V. Groshev, E.P. Korchagin. — Moscow: INFRA-M, 2021; 303 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 21.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted on 06.09.2021; approved after reviewing on 21.09.2021; accepted for publication on 27.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черевкова Алена Игоревна — аспирант, специалист по учебно-методической работе, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Alena I. Cherevkova — Postgraduate Student, Specialist in educational and methodical work, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 338.436

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-70-76

МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГОВЫХ СТРУКТУР АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Ирина Владимировна Баранова

*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
bariv@bk.ru, SPIN-код: 2905-3541*

Аннотация. *Целью исследования* является выявление и обоснование значимости институтов для аграрного комплекса. С институциональными факторами связывают не только уровень социально-экономического развития, но и возможности его повышения. Действие экономических систем все больше базируется на ряде основных институтов, определяющих поведение экономических субъектов.

Методологическую основу исследования составили имеющаяся законодательная база (законы, указы Президента РФ, постановления Правительства и другие действующие нормативные документы), а также труды ученых, занимающихся анализом институциональных изменений в аграрных формированиях. В исследовании данной тематики использовались методы сравнительного, логического анализа, экспертных оценок. Базу данных для исследования составили материалы официальной федеральной государственной статистики, справочная информация и региональные источники.

Результаты исследования. Выявленные особенности и закономерности формирования интеграционных структур под влиянием факторов и механизма изменений институциональной среды способствуют созданию новых проектов законодательных документов как на региональном уровне, так и на уровне страны. Институты взаимосвязаны между собой, поэтому при внесении изменений и предложений в работу институтов необходимо учитывать особенности в комплексе с экономической обстановкой конкретного региона.

Перспективой исследования является подробное изучение воздействия институциональных факторов, механизма изменения институтов на работу структур промышленности и сельского хозяйства. Проведенный анализ роли институтов различных сфер, решающих проблемы роста экономики, поможет выделить группы институтов. В реальности происходит непрерывное развитие и отмирание институтов в области функционирования предприятий агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, механизм государственного регулирования, институциональные факторы, экономические субъекты, государственная поддержка АПК

Для цитирования: Баранова И.В. Механизм институциональных изменений в деятельности холдинговых структур агропромышленного комплекса России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 70–76. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-70-76>.

Original article

THE MECHANISM OF INSTITUTIONAL CHANGE IN THE ACTIVITIES OF THE HOLDING STRUCTURES OF THE AGRICULTURAL COMPLEX OF RUSSIA

Irina V. Baranova

*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
bariv@bk.ru, SPIN: 2905-3541*

Abstract. *The purpose of the study is to identify and substantiate the importance of institutions for the agricultural complex. Institutional factors are associated not only with the level of socio-economic development, but also with the possibility of increasing it. The action of economic systems is increasingly based on a number of basic institutions that determine the behavior of economic entities.*

The methodological basis of the study *was the existing legislative framework (laws, decrees of the President of the Russian Federation, government resolutions and other existing regulatory documents), as well as the works of scientists engaged in the analysis of institutional changes in agricultural formations. In the study of this topic, methods of comparative, logical analysis, and expert assessments were used. The database for the study was compiled by the materials of official federal state statistics, reference information and regional sources.*

The results of the study. *The identified features and patterns of the formation of integration structures under the influence of factors and the mechanism of changes in the institutional environment contribute to the creation of new draft legislative documents both at the regional level and at the country level. The institutions are interconnected with each other; therefore, when making changes and proposals to the work of the institutions, it is necessary to take into account the peculiarities in combination with the economic situation of a particular region.*

The perspective of the study *is a detailed study of the impact of institutional factors, the mechanism of changing institutions on the work of industrial and agricultural structures. The analysis of the role of institutions in various spheres that solve the problems of economic growth, we can distinguish groups of institutions. In reality, there is a continuous development and withering away of institutions in the field of functioning of enterprises of the agro-industrial complex.*

Keywords: *agro-industrial complex, mechanism of state regulation, institutional factors, economic entities, state support of the agro-industrial complex*

For citation: *Baranova I. V. The mechanism of institutional change in the activities of the holding structures of the agricultural complex of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 70–76. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-70-76>.*

Введение. Изменения российской экономики, начавшиеся в начале 1990-х годов, привели к значительным трансформациям в агропромышленном комплексе (АПК). Экономические преобразования в аграрном секторе страны изменили отношения в сфере собственности, сформировалась многоукладная социально-экономическая структура, был создан смешанный механизм государственного регулирования и поддержки агропромышленного сектора, отношения субъектов аграрного рынка стали строиться на основе рыночных трансакций. После экономического кризиса в агропромышленном комплексе России наблюдался рост инвестиционных потоков в сельское хозяйство. Это связано с притоком торгового и промышленного капитала в аграрное производство, расширением сети агропромышленных структур холдингового типа. Процесс интеграции в АПК стал фактором восстановления производственного потенциала и финансовой устойчивости сельскохозяйственного производства. Интеграционный цикл в сельском хозяйстве России в конце XX века совпал с интенсивным развитием процессов глобализации, которые стимулируют интеграционные процессы. На развитие интеграционных процессов влияли либерализация мировой торговли на новой институциональной основе, снижение роли национальных государств в регулировании международной торговли, возрастающее влияние прямых иностранных инвестиций, расширение инвестиционных связей и т.д. Значение институтов для агропромышленного комплекса давно осознано экономистами теоретически, а в последние годы все более отчетливо осознается и на практике. С институциональными факторами связывают не только уровень социально-экономического развития, но и реальные, а также потенциальные возможности его повышения. Функционирование экономики все больше опирается на целый ряд базовых институтов, таких как финансовые, законодательные, исполнительные. Нужно сказать, что существенное влияние оказывают неформальные нормы и правила, определяющие поведение экономических субъектов [1]. Проводимый анализ позволяет судить о том, что роль институтов в решении проблемы обеспечения экономи-

ческого роста велика. Можно выделить следующие группы институтов: правовые институты, институты знаний, институты законодательной системы, институты развития, институты контроля, институты финансовой координации.

Обзор научно-исследовательской литературы. Интерес к анализу институтов в настоящее время значительно вырос в научной среде. Анализ институционального развития АПК посвящены работы А. Алтухова, Г. Безпахотного, В. Узуна, И. Ушачева и др. Особенности институционального развития, процессы формирования агрохолдингов и экономический механизм их функционирования находят освещение в трудах О. Белокрыловой, И. Буздалова, В. Кузнецова, В. Овчинникова, О. Павлушкиной, А. Тарасова и многих других современных экономистов. Проблема создания институциональных систем актуальна и вызывает множество споров в научном сообществе. Некоторые институты исчезают, другие формируются. В результате этого совершенствуются следующие системы: экономическая, социальная и политическая [2]. Быстрая реформация состояния институтов, их структуры, приводит к тому, что развитие происходит не по самому оптимистичному пути. Их развитие напрямую связано с предыдущей формой [3].

Результаты исследования. Произведенные исследования по изменению в институциональной структуре показали, что они требуют значительных затрат. В этом случае новые системы институтов не отторгаются, а их образование не ведет к большим издержкам.

Агропродовольственный комплекс России прошел большой и сложный путь формирования со значительным количеством преобразований в институтах. При переходе от планово-административной экономики к рыночным отношениям произошли изменения его основных институтов. Процесс формирования агропромышленного комплекса как единой экономической системы и, соответственно, его институциональной среды на сегодняшний день остается незавершенным. Одной из причин этого является общая неэффективная экономическая организация самого агропромышленного производства,

его инфраструктурного обеспечения, институциональной среды в целом.

Нужно отметить, что причины изменения институциональной экономики в последние годы не связываются с уровнем социально-экономического развития, а также потенциальными возможностями его повышения. Полностью не раскрытыми остаются вопросы по решению экономических интересов товаропроизводителей и потребителей, нормативно-правовое регулирование в рыночной экономике. В аграрном секторе экономики вопросы институциональных преобразова-

ний особенно важны для изучения, поскольку в этой сфере институты не развиты, следовательно, это обуславливает важность, а порой даже необходимость научных исследований.

На рисунке 1 показана модель институциональной среды агропродовольственного комплекса. В данной модели институциональная среда представлена как блок институтов в АПК, определяющих административно-управленческую, социально-культурную, социально-политическую среду, а также блок институтов, которые образуют рыночную структуру [4].

Рис. 1. Модель институциональной среды агропродовольственного комплекса
 Fig. 1. Model of the institutional environment of the agro-food complex

Одной из специфик экономики развивающихся рынков является государственная помощь формирования рыночных механизмов, а также улучшение институционального обустройства рыночной среды, совершенствование институциональной структуры сельскохозяйственной экономики с помощью факторов, их состава и роли. Они являются движущей силой и одним из базисных критериев развития и функционирования [5].

Под институциональными факторами понимают условия, способы формирования, элементы и функционирование институтов аграрной экономики. К числу данных условий относятся: агроэкономические изменения, случайное самозарождение институтов, инновации и технологический прогресс, институциональное проектирование, «трансплантация» (заимствование) институтов, «трение» при содействии институтов, трагические моменты истории (кризисы, войны, революции), институциональная инерция. В процессе изучения институционального формирования аграрного комплекса были выделены такие факторы, как: макроэкономическое управление, фактор государственной власти, социально-политическая ситуация, формы собственности, копирование институтов из практики иностранных государств, технологический прогресс, организационно-производственная структура аграрного хозяйства региона, традиции, нравы и др.

Исследование нынешней системы функций сельскохозяйственной экономики, ее институтов и форм, а также отзывы участников опроса разрешают сформировать некую систему факторов. Опрос носил выборочный, индивидуальный характер — велось опрашивание осведомленных лиц по данной проблематике. Опросом было охвачено 9 субъектов ЮФО: министерства сельского хозяйства, районные органы управления сельского хозяйства, районные администрации, сельскохозяйственные предприятия, крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х) и личные подсобные хозяйства (ЛПХ), объединения всех типов, производственные инфраструктурные организации, общественные научные организации. Объектами изучения явились сельские и промышленные организации, входящие в состав агропромышленных формирований холдингового типа, а также факторы,

оказывающие действие для формирования холдинговых структур. Особо полные и глубокие изучения велись на примере интегрированных объединений Южного федерального округа: группы компаний «Юг Руси», АИК «Астон», а также других агропромышленных структур Ростовской области и Ставропольского края. Проводился опрос респондентов, было выявлено: в странах, где институциональная структура аграрной экономики прочно выстроена, фактор собственности является «институтообразующим». У нас же в стране главную роль отводят государственной власти. В России лидируют те факторы, где присутствует государство. Анализ данных в области институтов и условий интеграции в АПК выявили, что далеко не последними элементами являются общественные институты. Нужно отметить, что общественные институты рассматриваются как совокупность норм, правил, условий появления и порядка функционирования общественных объединений. В агробизнесе их можно разделить на две категории: объединения физических лиц и объединения юридических лиц. С помощью государственных органов необходимо активизировать и направлять активность общественных объединений в АПК. Необходимо отметить, что применение разработок будет способствовать урегулированию социально-экономических процессов, преодолению расхождений во мнении между руководителями агропромышленных формирований и работниками, что в целом положительно отразится на производственном процессе, свойствах продукции и социальном формировании села.

Заключение. Таким образом, проанализировав влияние институциональных факторов на развитие вертикальной интеграции АПК, можно с уверенностью говорить, что процессы интеграции требуют общественного контроля, регулирования и защиты прав всех участников. Обобщая вышесказанное, отметим, что институциональные факторы влияют на развитие агропромышленного производства и в современных условиях могут стать одним из наиболее эффективных и решающих обстоятельств в выводе агрокомплекса из тяжелого состояния. Их регулирующее воздействие может и должно

проявляться через нормативно-правовые, социальные и экономические институты, институты управления, регулирования и контроля. Кроме того, институциональная стратегия агропродовольственного комплекса должна проявляться в области не только формальных институтов, но и неформальных. Таковыми являются деловая этика, повышение уровня квалификации руководителей и специалистов в сфере менеджмента экономики АПК.

Список источников

1. Баранова И.В., Тарасов А.Н. Формирование институциональных условий экономической деятельности холдинговых структур в агропромышленном комплексе // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. №1. Ч. 3.
2. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. №2 (46). С. 168–180.
3. Рекомендации по формированию институциональных условий развития вертикальной интеграции в АПК / В.В. Кузнецов, А.Н. Тарасов, С.А. Наумов и др. Ростов н/Д: ВНИИЭиН, 2004. 63 с.
4. Борисова Л.В., Баранова И.В. Финансовые основы инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе Ростовской области // Kant. 2019. №1 (30). С. 264–268.
5. Borisova L., Baranova I., Bruzhukova O. Digital marketing: drivers of development of the agricultural sector of Russia. Proceedings of the 2nd International scientific-practical conference «Modern management trends and digital economy: from regional development to global economic growth». Advances in Economics, Business and Management Research (MTDE 2020). Vol. 138. Pp. 177–181.
6. Баранова И.В., Денисенко Ю.Н., Лисичин В.Г. Субсидирование сельскохозяйственных предприятий России // Зерновое хозяйство России. 2017. №5 (53). С. 68–69.

References

1. Baranova I. V., Tarasov A. N. Formirovanie institucional'nyh uslovij jekonomicheskoy dejatel'nosti holdingovyh struktur v agroprymyshlennom komplekse [The formation of the institutional conditions of economic activity of holdings in agribusiness]. *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov state University]. 2007; vol. 5, (1), part 3. (In Russ.).
2. Zemcov S. P. Instituty, predprinimatel'stvo i regional'noe razvitie v Rossii [Institutes, entrepreneurship and regional development in Russia]. *Zhurnal novej jekonomicheskoy asociacii* [Journal of the new economic association]. 2020; 2 (46): 168–180. (In Russ.).
3. Rekomendacii po formirovaniju institucional'nyh uslovij razvitija vertikal'noj integracii v APK [Recommendations on the formation of institutional conditions for the development of vertical integration in agriculture]. V. V. Kuznetsov, A. N. Tarasov, S. A. Naumov et al. *Rostov-on-Don: VNIIEiN*, 2004; 63. (In Russ.).
4. Borisova L. V., Baranova I. V. Finansovyje osnovy investicionnoj dejatel'nosti v agroprymyshlennom komplekse Rostovskoj oblasti [Financial bases of investment activity in the agro-industrial complex of the Rostov region]. *Kant*. 2019; 1 (30): 264–268. (In Russ.).
5. Borisova L., Baranova I., Bruzhukova O. Digital marketing: drivers of development of the agricultural sector of Russia. Proceedings of the 2nd International scientific-practical conference «Modern management trends and digital economy: from regional development to global economic growth». *Advances in Economics, Business and Management Research (MTDE 2020)*. Vol. 138. Pp. 177–181.
6. Baranova I. V., Denisenko Ju. N., Lisicin V. G. Subsidirovanie sel'skohozjajstvennyh predpriyatij Rossii [Subsidizing of agricultural enterprises of Russia]. *Zernovoe hozjajstvo Rossii* [Grain farming of Russia]. 2017; 5 (53): 68–69. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.08.2021; одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 26.09.2021.
The article was submitted on 21.08.2021; approved after reviewing on 22.09.2021; accepted for publication on 26.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Ирина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и бизнес-технологии», Донской государственной технической университет.

Россия, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Мичурина, 3А, кв. 9

Irina V. Baranova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Business Technologies, Don State Technical University.

3A Michurina st., app. 9, Persianovsky, Rostov region, Russia

Научная статья
УДК 330.15; 332.142.6
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-77-85

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Екатерина Олеговна Вегнер-Козлова

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия
katya.human@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4182-6514, AuthorID РИНЦ: 554997*

Аннотация. *Целью исследования является оценка соответствия индустриальной экономики региона эколого-экономически сбалансированному типу развития в контексте целей устойчивого развития.*

Методологическую базу исследования *представляют базисные положения концепции устойчивого развития. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.*

Результаты исследования. *Глобальный тренд на устойчивое развитие привел к тому, что предпринимательский сектор с одной стороны сталкивается с рядом дополнительных требований и ограничений, однако одновременно получает новые конкурентные преимущества для долгосрочного стабильного развития. Особую актуальность задачи социо-эколого-экономической устойчивости приобретают в промышленно-развитых регионах, где экономическая специфика обостряет проблематику негативного воздействия на окружающую среду. В работе проведен анализ показателей эко-интенсивности, позволяющих оценить переход региона к эколого-экономически сбалансированному типу развития. Показатели интенсивности загрязнения устанавливают корреляцию между эффективностью экономики и негативным воздействием экономической деятельности на окружающую среду. Снижение этого показателя возможно за счет внедрения «зеленых» технологий, ориентированных на устойчивый рост. Проведенный анализ позволяет предположить, что для Свердловской области актуальными сферами для технологического «зеленого» развития могут стать технологии и производственные процессы, способствующие снижению негативного воздействия на атмосферный воздух, сточные воды и объемы образования отходов.*

Перспективы исследования *заключаются в развитии направлений для перехода индустриального региона к принципам устойчивого развития.*

Ключевые слова: *экология, устойчивое развитие, индустриальные регионы, эко-интенсивность*

Для цитирования: *Вегнер-Козлова Е. О. Перспективы развития промышленного региона в контексте целей устойчивого развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 77–85. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-77-85>.*

Благодарности: *исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН.*

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL REGION IN THE CONTEXT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Ekaterina O. Wegner-Kozlova

*Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

katya.human@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4182-6514, AuthorID RSCI: 554997

Abstract. *The purpose of the research is to assess the compliance of the industrial regional economy with an eco-economically balanced type of development in the context of the SDGs.*

The methodological basis of the research is provided by the basic provisions of the concept of sustainable development. The scientific methods used include comparative causal and statistical analysis.

Research result. *The global trend towards sustainable development has led to the fact that the business sector, on the one hand, faces a number of additional requirements and restrictions, but at the same time receives new competitive advantages for long-term stable development. The tasks of socio-ecological and economic sustainability are particularly relevant in industrialized regions, where economic specifics exacerbate the problems of negative impact on the environment. The article analyzes the eco-intensity indicators that allow us to assess the transition of the region to an eco-economically balanced type of development. Indicators of the intensity of pollution, establish a correlation between the efficiency of the economy and the negative impact of economic activity on the environment. The reduction of this indicator is possible due to the introduction of «green» technologies focused on sustainable growth. The analysis suggests that for the Sverdlovsk Region, technologies and production processes that contribute to reducing the negative impact on atmospheric air, wastewater and waste generation volumes can become relevant areas for technological «green» development.*

The prospects of the research are to specify the directions for the transition of the industrial region to the principles of sustainable development.

Keywords: *ecology, sustainable development, industrial regions, eco-intensity*

For citation: *Wegner-Kozlova E. O. Prospects for the development of the industrial region in the context of the sustainable development goals // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 77–85. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-77-85>.*

Acknowledgments: *the research has been carried out in accordance with the state task for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.*

Введение. Глобализация внесла свой вклад в изменение существующих систем международных взаимодействий и включила в них новые транснациональные акторы. После Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 г. в Рио-де-Жанейро в качестве цели был поставлен переход к социоприродному устойчивому

развитию (УР) как средству предотвращения экологической и других глобальных антропогенных катастроф и хаотической деградации [6].

В 2001 г. государства-члены ООН сформулировали основные цели развития тысячелетия (ЦРТ), достижение которых планировалось на 2015 г. и основная задача которых

заклучалась в том, чтобы способствовать ускорению развития беднейших наций. Общий вектор был задан в направлении индустриализации, экономического роста, развития научного и технического потенциала, ликвидации голода, болезней, неграмотности. По завершении периода, на который планировались ЦРТ, их логическим продолжением стала детерминация целей устойчивого развития (ЦУР).

В отличие от ЦРТ, ЦУР декларирует активное участие предпринимательства в процессе достижения устойчивости, что означает пересмотр принципов, стандартов, схем, и моделей ведения бизнеса для «участия в трансформационных процессах современного мира и подключения к формированию новой мировой повестки развития» [1, с. 41].

Ориентация предпринимательского сектора на ЦУР. Нацеленность на устойчивость становится конкурентным преимуществом, и, соответственно, ключевым элементом бизнес-стратегий. Предпринимательский сектор с одной стороны сталкивается с рядом дополнительных требований и ограничений, однако одновременно получает новые возможности и конкурентные преимущества для долгосрочного стабильного развития и соответствия ожиданиям стейкхолдеров.

Глобальный контекст ЦУР придает операционному ландшафту бизнеса новый облик, где требования к компаниям с точки зрения соответствия устойчивому развитию на международном, региональном и страновом уровнях растут. Если раньше бизнес рассматривал концепцию УР преимущественно в качестве «приятного дополнения» к основной деятельности и обеспечивал ее реализацию в рамках отдельных проектов, то теперь она становится центральным элементом бизнес-стратегий и ключевым ориентиром в повседневной деятельности [4].

По данным исследования Harvard Business School, компании с развитой культурой управления вопросами устойчивого развития показывают лучшие финансовые результаты по сравнению с компаниями с более низкой культурой управления вопросами устойчивого развития: более высокую доходность акций — 19,0%/16,3%, рентабельность капитала (ROE) — 16,6%/13,1%

и рентабельность активов (ROA) — 8,6%/7,0%. По данным исследования «Устойчивость глазами инвестора», проведенного Morgan Stanley Institute for Sustainable Investing, 72% индивидуальных инвесторов уверены, что компаниям выгодно фокусироваться на устойчивости [5].

Актуальным для России примером является реализация механизма Трансграничного углеродного регулирования. В 2019 г. Россия подписала Парижское соглашение по климату, в соответствии с которым страны должны удерживать рост глобальной средней температуры в пределах 1,5–2°C и сократить выбросы. Данное обстоятельство обостряет конкурентную борьбу внутри мирового энергетического рынка. В связи с этим становится очевидным: для РФ декарбонизация должна подразумевать структурную перестройку экономики с целью повышения ее эффективности при одновременном снижении углеродной нагрузки на экосистему, что сопряжено с технологическим развитием, внедрением инноваций, вопросами организационного и институционального характера, связанного с технологическим обновлением и перевооружением производств. В первую очередь, структурная перестройка должна затрагивать сектор промышленности (и не только непосредственно попадающие под трансграничное углеродное регулирование (металлургия, нефтегазодобыча и др.), но и машиностроительный сектор, приборостроение (в частности, производство средств экологического мониторинга)), транспортную отрасль, лесную отрасль, отрасль сельского хозяйства, финансовый сектор.

Таким образом, переход к устойчивому развитию требует с одной стороны от предпринимательства применения новых технологий, управленческих подходов, моделей и бизнес-практик, нацеленных на устойчивость. С другой стороны, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления должны учитывать ЦУР при разработке и реализации региональных программ экономического развития, планируя реальные инструменты содействия предпринимательскому сектору в подготовке к дополнительным требованиям, ограничениям и возможностям, обусловленным мировой тенденцией перехода к УР.

Устойчивое развитие промышленных регионов. Особую актуальность задачи социо-эколого-экономической устойчивости приобретают в промышленно-развитых регионах, где экономическая специфика обостряет проблематику негативного воздействия на ОС (табл. 1¹).

Таким образом, для таких регионов важное значение приобретают ЦУР, направленные на охрану экосистем и снижение негативного воздействия на окружающую среду:

— ЦУР 12: обеспечение рациональных моделей потребления и производства;

— ЦУР 13: принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;

— ЦУР 14: сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;

— ЦУР 15: защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия.

Мониторинг показателей достижения ЦУР осуществляется Росстатом, однако перечень национальных показателей достижения ЦУР не предполагает отражение региональной специфики. В связи с этим более репрезентативными представляются показатели

Таблица 1
Table 1

Воздействие основных видов экономической деятельности на загрязнение окружающей среды в Свердловской области (по данным 2019 г.)
The impact of the main types of economic activity on environmental pollution in the Sverdlovsk region (according to 2019)

Вид экономической деятельности	Доля вида деятельности в общем объеме загрязнения		
	Водоотведение в поверхностные водные объекты загрязненных без очистки и загрязненных недостаточно очищенных вод	Использование воды	Образованные отходы
Добыча полезных ископаемых	22,30%	8,00%	84,55%
Обрабатывающие производства	25,38%	35,76%	9,80%
Обеспечение электрической энергией, газом, паром и кондиционирование воздуха	2,45%	19,97%	3,16%
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	48,40%	32,40%	1,21%
Прочие виды экономической деятельности	1,47%	3,87%	1,28%
Всего по Свердловской области	100,00%	100,00%	100,00%

¹ Составлено автором по данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2019 году».

эко-интенсивности, позволяющие оценить переход региона к эколого-экономически сбалансированному типу развития [3]. Эко-интенсивность определяется как величина негативного воздействия на природные ресурсы и среды в расчете на единицу экономического результата и используется для оценки нагрузки антропогенной составляющей региона на его природную среду [2].

Рисунки 1–4 демонстрируют, что для Свердловской области характерно превышение показателей эко-интенсивности как над показателями по УрФО, так и над показателями по РФ по сбросу загрязненных сточных вод и выбросам в атмосферный воздух. Позитивная динамика в снижении экологической нагрузки наблюдается по показателю образования отходов производства и потребления.

Очевидно, что преодоление негативной нагрузки на ОС требует определённых затрат.

Положительная динамика расходов на охрану окружающей среды очевидна как

для РФ, так и для Свердловской области. Снижение инвестиций в основной капитал направленных на охрану окружающей среды наблюдается по УрФО (табл. 2).

Все рассматриваемые показатели расходов на охрану окружающей среды тесно взаимосвязаны с показателями ВРП по РФ в целом. По Свердловской области тесная взаимосвязь величины ВРП с расходами на охрану окружающей среды и с инвестициями в основной капитал, направленными на охрану окружающей среды (табл. 3).

Проведенный анализ позволяет предположить недостаточную заинтересованность предпринимательского сегмента в достижении устойчивости. Несмотря на тенденцию к снижению эко-интенсивности по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух и по сбросу загрязнённых сточных вод, показатели Свердловской области превышают оценку как по УрФО, так и по РФ в целом. Напряженной остается интенсивность

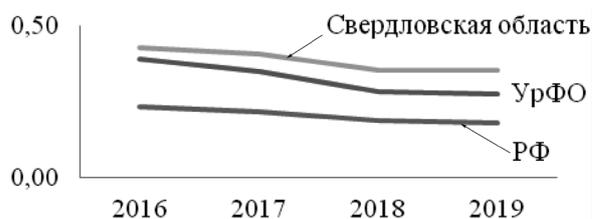

Рис. 1. Эко-интенсивность выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, т/млн. руб.

Fig. 1. Eco-intensity of emissions of pollutants into the atmospheric air, tons/million rubles

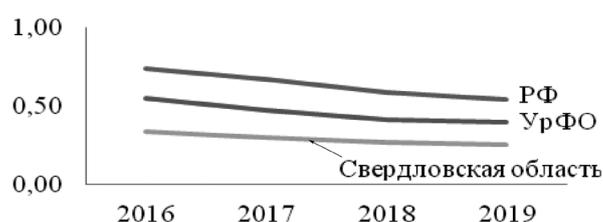

Рис. 2. Эко-интенсивность использования свежей воды, м³/тыс.руб.

Fig. 2. Eco-intensity of fresh water use, m³/thousand rubles

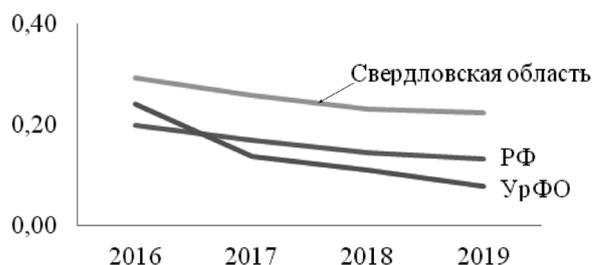

Рис. 3. Эко-интенсивность сброса загрязнённых сточных вод, м³/тыс. руб.

Fig. 3. Eco-intensity of discharge of polluted wastewater, m³/thousand rubles

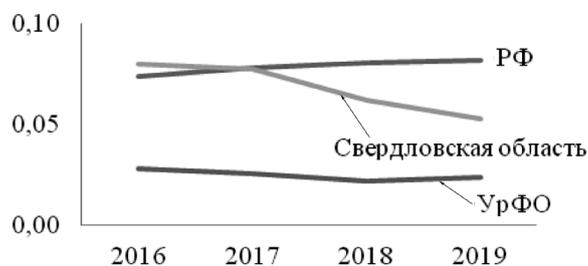

Рис. 4. Эко-интенсивность образования отходов производства и потребления, т/тыс. руб.

Fig. 4. Eco-intensity of production and consumption waste generation, tons/thousand rubles

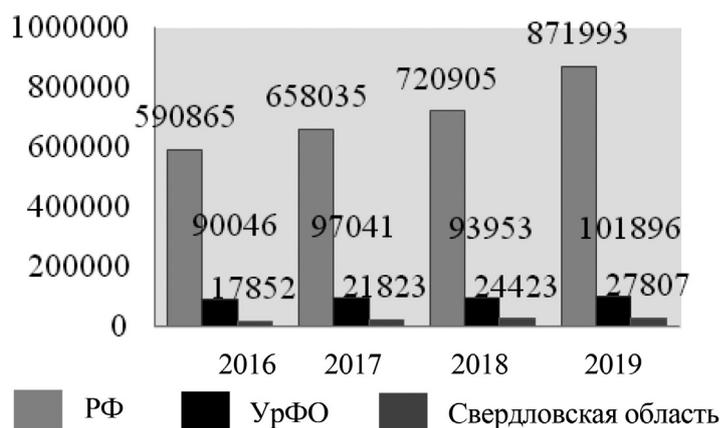

Рис. 5. Расходы на охрану окружающей среды, млн. руб.
Fig. 5. Environmental protection costs, million rubles

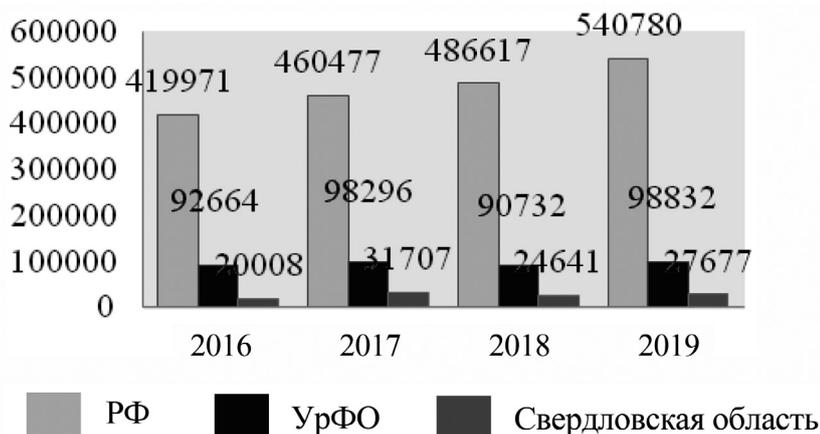

Рис. 6. Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, млн. руб.
Fig. 6. Current (operational) costs for environmental protection, mln. rubles

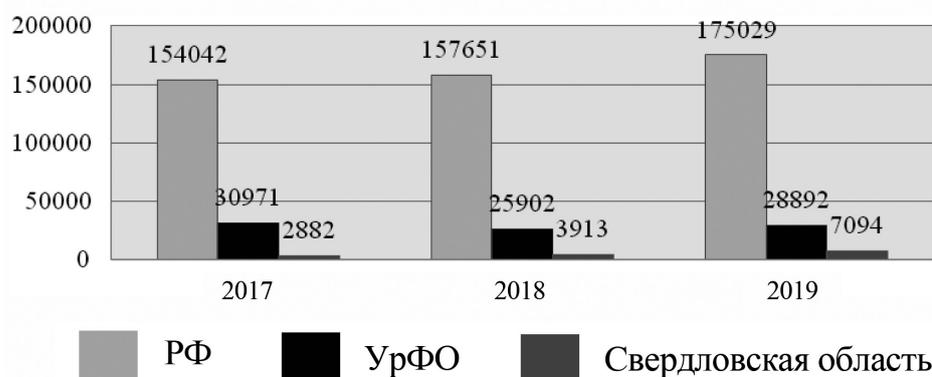

Рис. 7. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, млн. руб.
Fig. 7. Investments in fixed assets aimed at environmental protection and rational use of natural resources, million rubles

образования отходов производства и потребления. Высокие показатели эко-интенсивности свидетельствуют, прежде всего, о низком уровне технической оснащенности предприятий, что позволяет выделить данные направления в качестве приоритетных для технологического развития.

Заключение. Эко-интенсивность позволяет оценить соотношение эффективности хозяйственной деятельности с уровнем ее воздействия на окружающую среду. Показатель интенсивности загрязнения устанавливает корреляцию между эффективностью экономики и негативным воздействием экономической деятельности на окружающую среду. Снижение этого показателя возможно за счет внедрения «зеленых» технологий, ориентированных на устойчивый рост. Для координации экономического развития необ-

ходимо учитывать региональные особенности, что повышает эффективность принимаемых управленческих мер. В частности, для Свердловской области актуальными сферами для технологического «зеленого» развития могут стать технологии и производственные процессы, способствующие снижению негативного воздействия на атмосферный воздух, сточные воды и объемы образования отходов. В первую очередь, это касается целенаправленного развития сегмента высокотехнологичного, наукоемкого малого предпринимательства и развития цифровизации и IoT-технологий в области мониторинга окружающей среды, позволяющего осуществлять оперативный сбор и анализ данных о воздействии на окружающую среду, предотвращать экологические аварии и катастрофы и более эффективно осуществлять принятие управленческих решений на всех уровнях.

Таблица 2
Table 2

Динамика расходов на охрану окружающей среды
Dynamics of environmental protection expenditures

	Темп роста расходов на охрану окружающей среды, 2019/2016	Темп роста текущих затрат на охрану окружающей среды, 2019/2016	Темп роста инвестиций в ОК, направленных на охрану окружающей среды, 2019/2017
РФ	147,60%	128,80%	113,60%
УрФО	113,20%	106,70%	93,30%
Свердловская область	155,80%	138,30%	246,10%

Таблица 3
Table 3

Коэффициент корреляции показателей с величиной ВРП
The coefficient of correlation of indicators with the value of GRP

	Расходы на охрану окружающей среды	Текущие затраты на охрану окружающей среды	Инвестиции в ОК, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов
РФ	0,94	0,96	0,84
УрФО	0,68	0,11	-0,76
Свердловская область	0,99	0,41	0,92

Список источников

1. Бакушев В. В., Понеделков А. В., Моисеев В. Н. «Устойчивое развитие с частным сектором» — мировое целеполагание для бизнеса и политиков до 2030 года // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. №4 (71). С. 40–45.

2. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. №6. С. 5–24.

3. Дьяков М. Ю. Эко-интенсивность экономики Камчатского края как индикатор перехода к эколого-экономической сбалансированности // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2015. №12 (498). С. 154–164.

4. Новак К., Зайцева Н. Переворот устойчивости [Электронный ресурс] // BRICS Business magazine. 2015. №1. URL: <https://bricsmagazine.com/ru/articles/perevorot-ustoychivosti> (дата обращения: 01.07.2021).

5. Судас Л. Г. Бизнес за устойчивое развитие // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64. С. 241–262.

6. Урсул А. Д. Становление устойчивой цивилизации: новые глобальные цели // Философия и общество. 2016. №1. С. 29–56.

References

1. Bakushev V. V., Ponedelkov A. V., Moiseev V. N. «Ustojchivoe razvitie s chastnym sektorom» — mirovoe celepolaganie dlja biznesa i politikov do 2030 goda [«Sustainable development with the private sector» — Global goal-setting for business and politicians until 2030].

Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and education: farm and economics; entrepreneurship; Right and management]. 2016; 4 (71): 40–45. (In Russ.).

2. Glazyrina I. P., Zabelina I. A., Klevakina E. A. Jekologicheskaja sostavljajushhaja jekonomicheskogo razvitija: prigranichnye regiony Rossii i Kitaja [Environmental component of economic development: the border regions of Russia and China]. *Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal JeKO* [National Economic Journal ECO]. 2014; 6: 5–24. (In Russ.).

3. D'jakov M. Ju. Jeko-intensivnost' jekonomiki Kamchatskogo kraja kak indikator perehoda k jekologo-jekonomicheskoy sbalansirovannosti [Eco-intensity of the economy of the Kamchatka Territory as an indicator of the transition to ecological and economic balance]. *Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal JeKO* [National Economic Journal ECO]. 2015; 12 (498): 154–164. (In Russ.).

4. Novak K., Zajceva N. Perevorot ustojchivosti [Sustainability turnover] [Jelektronnyj resurs] // *BRICS Business magazine*. 2015; 1. URL: <https://bricsmagazine.com/ru/articles/perevorot-ustoychivosti> (date accessed: 01.07.2021). (In Russ.).

5. Sudas L. G. Biznes za ustojchivoe razvitie [Business for Sustainable Development]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik* [Public administration. Electronic bulletin]. 2017; 64: 241–262. (In Russ.).

6. Ursul A. D. Stanovlenie ustojchivoj civilizacii: novye global'nye celi [The formation of a sustainable civilization: new global goals]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society]. 2016; 1: 29–56. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 21.09.2021.

The article was submitted on 06.09.2021; approved after reviewing on 18.09.2021; accepted for publication on 21.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вегнер-Козлова Екатерина Олеговна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 13б

Ekaterina O. Wegner-Kozlova — Candidate of Economic Sciences, Research Associate, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

13b Lenina st., Yekaterinburg, Russia

Научная статья
УДК 338
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-86-97

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО МЕСТО В РАЗВИТИИ МАЛОГО БИЗНЕСА

*Айдарбек Токторович Гыязов¹✉, Муса Мурзапарович Усонов²,
Хабибулла Кушакович Тагаев³, Шукурбек Илиясович Кадыров⁴*

^{1, 2, 3, 4}Баткенский государственный университет, Баткен, Кыргызстан

¹aziret-81@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0002-8200-7438

²musabos114@mail.ru, ³tagaev_69@mail.ru, ⁴kadyrov.sh78@gmail.com

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть искусственный интеллект, его место и роль в развитии малого бизнеса.

Методологическая база исследования представляет собой совокупность теоретических, эмпирически-прикладных и нормативно-правовых положений в области изучения искусственного интеллекта и его влияния на экономику.

Результаты исследования. В статье исследована роль искусственного интеллекта в малом и среднем бизнесе, предложена разработанная авторами компьютерная программа с применением рекуррентной модели малого предприятия, которая позволяет делать прогноз показателей эффективности деятельности сельскохозяйственного предприятия в краткосрочном и долгосрочном периоде.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в последующем изучении искусственного интеллекта на экономику.

Ключевые слова: искусственный интеллект, малый и средний бизнес, управление, сельское хозяйство, рекуррентная модель, компьютерная программа

Для цитирования: Гыязов А. Т., Усонов М. М., Осмонов З. А., Кадыров Ш. И. Искусственный интеллект и его место в развитии малого бизнеса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 86–97. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-86-97>.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS PLACE IN THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS

*Aidarbek T. Giyazov¹✉, Musa M. Usonov²,
Khabibulla K. Tagaev³, Shukurbek I. Kadyrov⁴*

^{1, 2, 3, 4}Batken State University, Kyrgyzstan, Batken

¹aziret-81@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0002-8200-7438

²musabos114@mail.ru, ³tagaev_69@mail.ru, ⁴kadyrov.sh78@gmail.com

Abstract. *The purpose of the study is to consider artificial intelligence, its place and role in the development of small business.*

The methodological basis of the research is a set of theoretical, empirical-applied and regulatory provisions in the field of studying artificial intelligence and its impact on the economy.

The results of the study. The article examines the role of artificial intelligence in small and medium-sized businesses, offers a computer program developed by the authors using a competitive model of a small enterprise, which allows you to make a forecast of the performance indicators of an agricultural enterprise in the short and long term.

The prospects for further research lie in the further study of artificial intelligence on the economy.

Keywords: *artificial intelligence, small and medium business, management, agriculture, recurrent model, computer program*

For citation: *Gyazov A. T., Usmanov M. M., Osmanov Z. A., Kadyrov Sh. I. Artificial intelligence and its place in the development of small business // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 86–97. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-86-97>.*

Введение. Аланом Тьюрингом в 1950 году была опубликована работа¹, в которой он высказал предположение о возможном создании «мыслящих» машин. Это можно считать одним из первых упоминаний об искусственном интеллекте. Приблизительно 70 лет назад появилось первое определение искусственного интеллекта (ИИ), которое в течение следующих десятилетий расширялось и дополнялось со стороны многих ученых и исследователей [1, 5].

На сегодняшний день, на наш взгляд, актуально следующее определение искусственного интеллекта: «ИИ — это наука и технология разработки компьютерных систем, которые способны выполнить задачи, решаемые обычно человеческим интеллектом, например: понимание языка, память, обучение, способность решать математические и логические задачи, способность распознавать образы и другие».

До начала 80-х годов искусственный интеллект не находил широкого применения в мире предпринимательства. Сейчас искусственный интеллект изменяет лицо бизнеса. ИИ уже давно стал реальностью, а не кон-

цепцией будущего. Большинство компаний, вплоть от гигантов технологий вроде Apple, Amazon и Google до клиентоориентированных Starbucks и Uber применяют ИИ для совершенствования сервиса клиентов². Возникает вопрос: только ли крупным корпорациям может быть полезен ИИ, или малый бизнес (например, в Кыргызской Республике) тоже может обратить на него своё внимание? По нашему мнению, ответ однозначен — малым предприятиям в Кыргызстане следует внедрить в свою деятельность ИИ как можно быстрее, ведь это даст большие конкурентные преимущества и повысит эффективность деятельности, что было доказано данным исследованием.

В данный момент проведенное нами научное исследование имеет большую актуальность и значение, так как соответствует направлению развития экономики Кыргызстана и страны в целом: Президент Кыргызской Республики С. Ш. Жээнбеков объявил 2019-й год годом развития регионов и цифровизации страны³. Намечается внедрение цифровых технологий в сектор образования и здравоохранения, финансово-кредитный сектор, от-

1 Алан Тьюринг. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alan_Turing (дата обращения: 12.11.18).

2 Джон Свонсигер, CEO Manta. Как небольшие компании могут получить выгоду от использования ИИ в бизнесе [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/story/small-business-AI/>.

3 Издание «Спутник»: Президент КР объявил 2019-й год годом развития регионов и цифровизации страны [Электронный ресурс]. URL: <https://sptnkne.ws/kzjn>.

расли туризма, коммуникаций до 2023 года⁴. Для осуществления поставленной президентом задачи необходимо сначала рассмотреть область и примеры применения искусственного интеллекта.

Результаты исследования. Starbucks является отличным примером компании, которая применяет ИИ при обслуживании своих потребителей. Виртуальный облачный помощник Alexa содержит функцию Starbucks Reorder, позволяющую сделать заказ с помощью голосовой команды (например, попросить приготовить стандартный кофе, проверить баланс карты и т.д.). Практика показывает, что крупные компании используют ИИ в основном для рекламы, а малые предприятия реализуют различные опции, полезные для потребителей.

Привыкание клиентов к решениям с использованием ИИ приведет к тому, что они будут ожидать того же от малых компаний. Но есть некоторые нюансы применения искусственного интеллекта в малом бизнесе. Малым предприятиям не следует приступать к работе с ИИ без конкретного плана. Необходимым условием является определение специфики применения искусственного интеллекта.

Допустим, для мебельного магазина возможно использование ИИ для изучения предсказательной (предиктивной) аналитики, для снижения неэффективности кадров. Для владельцев пиццерии и службы доставки, возможно, будет интересна идея использования беспилотных дронов или авто. Правильно поставив цели с учетом специфики предприятия, предприниматели получают возможность разработки четкого плана мер по их достижению.

Даже если малое предприятие не готово пока применять искусственный интеллект, важно следить за рынком, знать о новейших разработках и достижениях науки в сфере ИИ, способных послужить компании, и наблюдать за действиями конкурентов в этой области. Активно изучая ИИ, малые предприятия готовятся к использованию его элементов в целях оптимизации бизнес-процессов, повышения качества обслуживания. Превра-

щение небольшого предприятия в солидную компанию, ориентирующуюся в первую очередь на работу с данными, возможно, проще, чем кажется. Для доказательства мы предложим несколько направлений для использования ИИ в небольшой компании.

1. CRM-системы. CRM-системы разработаны для сбора информации о покупателях, приходящей через телефонные звонки, электронную почту, из социальных сетей. Отделу продаж предоставляется информация для управления взаимодействиями с имеющимися или потенциальными клиентами. Таким образом, автоматизируется маркетинг и *lead generation* — маркетинговая тактика, которая ориентирована на поиск клиентов, имеющих определённые контактные данные. CRM-приложения помогают компаниям в анализе потребительских настроений, получая данные из постов в социальных сетях и обзоров, публикуемых клиентами, записей их телефонных разговоров, электронных писем. Они также оценивают отзывы покупателей, корректируя маркетинговую активность соответствующим образом. Мелкие компании благодаря CRM с поддержкой искусственного интеллекта могут автоматически получить больше информации из данных о клиенте, повысить эффективность отделов маркетинга и продаж, а также уровень удовлетворенности покупателей.

2. Искусственный интеллект для маркетинговой деятельности. Высокий уровень компетентности является необходимым условием эффективного управления маркетинговым бюджетом. Однако это влечет за собой дополнительные издержки. Благодаря решениям на основе искусственного интеллекта небольшие предприятия могут распоряжаться эффективно весьма скромным бюджетом. Малый бизнес может доверить ведение маркетинговых кампаний ИИ-платформам, управляющим маркетинговыми действиями через несколько каналов (например, Adwords, Facebook, Bing), анализирующим эффективность рекламы и выдвигающим обоснованные предложения относительно наилучшего распределения бюджета с точки зрения РРС (оплаты за клик).

⁴ Издание медиа группы Европа «Новости. Кг» [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti.kg/2019/01/2019-god-v-kyrgyzstane-obyavlen-godom-razvitiya-regionov-i-tsifrovizatsii-strany/>.

3. Интеллектуальные решения для обслуживания клиентов. Обслуживание и поддержка клиентов — ключевые составляющие сервиса компании, необходимые для удержания покупателей и сохранения высокого уровня удовлетворенности аудитории. Но качество обслуживания может снизиться, если сотрудники вынуждены выполнять однообразные и рутинные задачи, вместо того чтобы сосредоточиться на создании уникального опыта для потребителя. Чтобы повысить эффективность сотрудников, малые компании могут внедрить ИИ во внутреннюю службу поддержки. Например, такие решения, как Digital Genius могут предлагать ответы или генерировать их автоматически, а также классифицировать сообщения, чтобы оперативно направлять их в нужный отдел или команду, высвобождая тем самым время сотрудников службы поддержки для решения вопросов, требующих участия человека. Применяв решения ИИ, малый бизнес может значительно уменьшить среднее время обработки заявки, а также автоматизировать ответы на повторяющиеся вопросы, приблизившись к конечной цели — увеличению уровня удовлетворенности сотрудников и клиентов.

4. Использование искусственного интеллекта в конкурентной борьбе. Для сохранения конкурентоспособности и быстрого реагирования на тенденции рынка необходимо владеть информацией о конкурентах. Для отслеживания их стратегии можно использовать инструменты для конкурентного анализа на основе ИИ. Это программы, умеющие отслеживать активность конкурентных компаний по разным каналам (на сайтах или на страницах социальных сетей), изменения в ценах, в рассылках писем или PR-сообщениях. ИИ обеспечивает небольшим компаниям лучшее понимание текущей ситуации и стратегии конкурентов. Кроме того, серьезные аналитические инструменты позволяют быстро определять пробелы в схемах конкурентов, их слабые и сильные стороны. Можно использовать эти знания для разработки и исправления собственной стратегии, конкуренты никогда не смогут неожиданно нанести удар.

5. Программы и разработки на основе искусственного интеллекта. Небольшие компании могут использовать готовые программные разработки на любом этапе бизнеса, где требуется работа с данными. Применение новейших алгоритмов для анализа настроений (Monkey Learn) и желаний покупателей, расчета прогнозов и составления классификации даст малым предприятиям возможность быстро извлечь нужные сведения. Применять и извлекать ключевую информацию из Google Sheets, документов CSV или Excel возможно вовсе без программирования. Платформа Monkey Learn может быть использована для анализа обзоров продукта и их последующего преобразования в отчеты, содержащие необходимые сведения. Это экономит средства и время, которые нужны малому предприятию для обработки информации.

В настоящий момент рынок ИИ бурно развивается, и у малых предприятий много возможностей строить свою стратегию с использованием ИИ. Использование инструментов с простым интерфейсом и встроенным функционалом машинного обучения вместо найма специалистов по маркетингу и анализу данных сэкономит малым компаниям время и средства, вместе с тем дав возможность быть конкурентоспособными в условиях новой рыночной экономики, основанной на работе с данными⁵.

Обсуждение результатов. Кыргызская Республика является горной страной, где преобладает аграрный сектор, более 65% населения проживает в сельской местности. Доля занятого в аграрном производстве населения в общей численности занятых по республике составляет 34%, при этом показатели эффективности в сфере малого бизнеса оставляют желать лучшего. Кыргызстан нуждается в создании и развитии малого предпринимательства, особенно в секторе сельского хозяйства. Стоит острая необходимость в повышении эффективности управления существующими и создающимися предприятиями, и самым действенным инструментом в этом для них может стать искусственный интеллект. Для эффективного управления требуется адекват-

⁵ Олег Солозобов. 5 выгод от применения ИИ в малом бизнесе [Электронный ресурс]. URL: <https://8d9.ru/5-vygod-ot-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-malom-biznese-uzhe-segodnya> | 03.12.2017.

ная оценка эффективности и принятие оптимальных управленческих решений для повышения ее уровня. При этом важно провести оценку не только критериев эффективности деятельности предприятия, но и потенциальных способов достижения заданного уровня эффективности. Процесс управления с оптимальной структурой является одним из путей повышения результативности. Оптимизация структуры управления, по сути, предполагает поиск эффективного варианта с минимальными издержками на управление.

Среди различных методов оценки нами рассмотрены в качестве основы создания оптимального варианта управления рекуррентные модели, опирающиеся на погодичный пересчет показателей эффективности деятельности, т.е. перерасчет данных за текущий период по показателям прошлого периода. Рекуррентное моделирование, как правило, использует субъекты, у которых развитие имеет циклический характер. Один цикл при этом обозначается Δt и называется шагом итерации по времени.

В качестве объекта исследования нами изучен сельскохозяйственный кооператив. Сезонный характер деятельности сельскохозяйственных предприятий позволяет взять за 1 цикл период в один год, поэтому выполнено рекуррентное моделирование с шагом по времени $\Delta t = 1$ год.

Управленческий процесс в сельскохозяйственном кооперативе охватывает чередование двух взаимосвязанных событий:

- 1) собственно управление (издержки на управление);
- 2) экономический отклик на управленческие действия (объем продукции, доходы, прибыль и т.п.).

Рекуррентная модель учитывает чередование данных этапов, отражая взаимосвязь показателей двух идущих подряд периодов: (i) — текущий год, ($i - 1$) — прошлый год [4]. При этом повторяются этапы управления и отклика на управленческие действия для каждого периода:

1) на этапе управления определяются параметры управления ZOT_i , ZCM_i , ZT_i (задаются параметры для оценки различных вариантов управления, прогнозные показатели развития предприятия рассчитываются на основе показателей прошлых лет);

2) на этапе реакции на управленческие воздействия прогнозируются показатели эффективности $ЧП_i$, $ВР_i$, $ОП_i$ на базе задаваемых параметров управления ZOT_i , ZCM_i , ZT_i и показателей прошлого года $ЧП_{i-1}$, $ВР_{i-1}$ с учетом макроэкономических показателей $ИПП_{i-1}$, $ЭДС_{i-1}$ за прошлый год.

Рекуррентные модели составляются на основе рекурсивных формул, позволяющих определить показатели за i -й год по показателям за $i - 1$ -й год.

Предлагаемую нами рекуррентную модель развития сельскохозяйственного кооператива отразим на графике (рисунок 1).

Для упрощения прогноза данных об эффективности деятельности исследуемого предприятия на заданный период мы разработали пакет прикладных программ в приложении Borland Delphi 7, используя язык программирования Object Pascal (рисунок 2). В программу введены рекурсивные формулы и заданы первичные данные. Используя данную программу, можно спрогнозировать эффективность предприятия на 20 лет вперед, а также для наглядности составить графики рядов динамики. Варьируя исходные параметры ZOT , ZCM , ZT , $ОЧ$ в ходе компьютерных экспериментов, проводимых с помощью программы, и проводя мониторинг изменений показателей эффективности $ЧП$, $ВР$, $ОП$, можно будет найти наиболее оптимальный алгоритм управления предприятием с максимальным уровнем эффективности.

Здесь следует отметить, что с увеличением периода прогнозирования возрастает степень точности прогнозных данных.

Мы считаем, что предложенная нами модель является универсальной и адаптивной и предоставляет данные по широкому спектру деятельности предприятий об эффективности управления, способствуя оптимизации управленческого процесса.

С помощью рекуррентного моделирования можно будет имитировать деятельность кооператива за 10–20 лет в условиях стабильности макроэкономических факторов (рисунок 3).

График отражает наиболее естественные значения выручки от реализации продукции, объема выпуска продукции и чистой прибыли кооператива за 2014–2018 годы. При этом принимаются во внимание специфици-

ческие особенности организации и управления производством, управления персоналом сельхозкооператива с учетом типичных макроэкономических условий. Посредством рекуррентного моделирования проводится краткосрочное (на ближайшую перспективу) и долгосрочное (на 10–20 лет вперед) прогнозирование эффективности деятельности сельскохозяйственного кооператива.

С использованием рекуррентной модели определены прогнозные значения показателей эффективности $ЧП$, $ВР$, $ОП$, которые представлены в таблице 1.

Так, согласно модели прогнозные значения исследуемых показателей на 2015 год составили:

- $ЧП_{2015} = 3756$ тыс. сомов;
- $ВР_{2015} = 20104$ тыс. сомов;
- $ОП_{2015} = 12570$ тыс. сомов.

Погрешность прогноза на год вперед равна $\pm 15\%$ или $ЧП_{2015} = 3756 \pm 563$ тыс. сомов; $ВР_{2015} = 20104 \pm 3016$ тыс. сомов; $ОП_{2015} = 12570 \pm 1886$ тыс. сомов [1].

Уровень точности прогноза определяется на этапе анализа взаимозависимости показателей за предыдущие годы и зависит от спе-

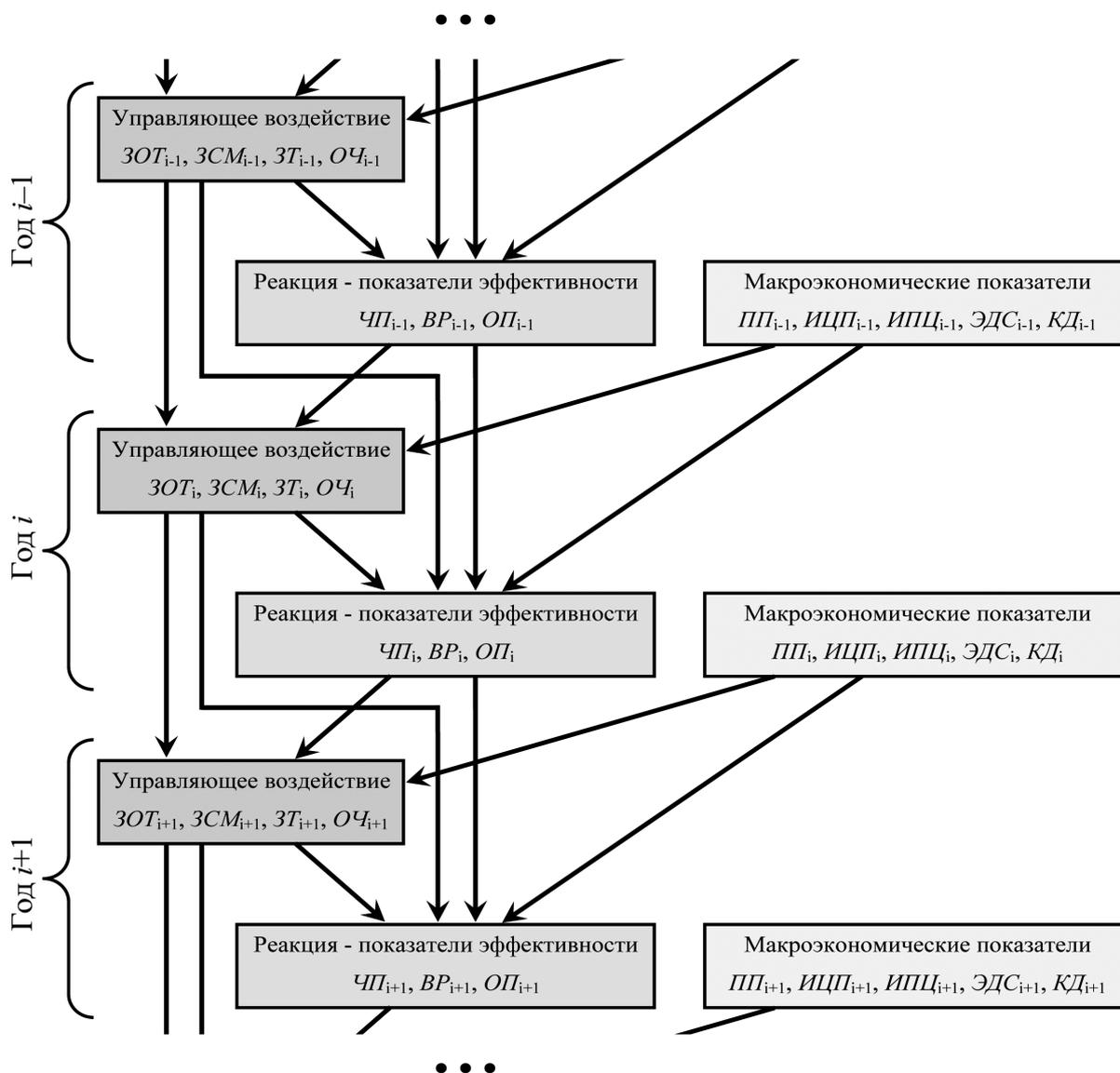

Рис. 1. Рекуррентная модель оптимизации управления сельхозкооперативом (составлено авторами)

Fig. 1. Recurrent model of optimization of agricultural cooperative management (compiled by the authors)

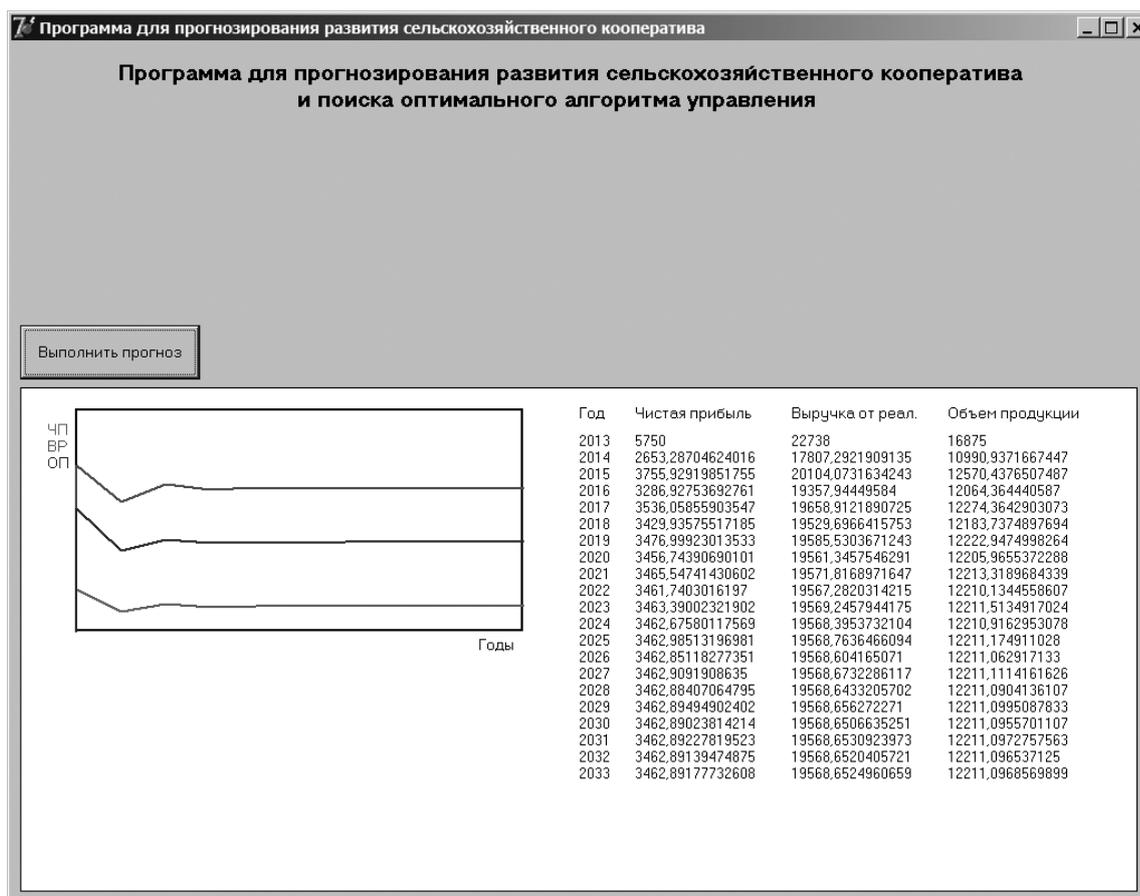

Рис. 2. Программа для прогнозирования показателей эффективности сельхозкооператива и поиска оптимального алгоритма управления (составлено авторами)

Fig. 2. A program for predicting the efficiency indicators of an agricultural cooperative and searching for the optimal control algorithm (compiled by the authors)

Рис. 3. Динамика изменения показателей эффективности сельхозкооператива (составлено авторами)

Fig. 3. Dynamics of changes in the efficiency indicators of the agricultural cooperative (compiled by the authors)

цифики предприятия. Так, прогнозные показатели кооператива за 2015–2016 годы являются более точными, прогнозированием за следующие 3 года определены тенденции его развития, прогноз с ошибкой аппроксимации — до 15–25%. Иногда даже знание тенденции развития помогает руководителям осуществить долгосрочное планирование. С помощью рекуррентной модели создается имитация развития субъекта предпринимательства, сравниваются алгоритмы изменения показателей эффективности под влиянием различных событий, таких как девальвация сома, изменение импорта и экспорта, ВВП и других макроэкономических показателей [1].

В качестве примера нами построена модель расчета влияния изменений показателей *ПП*, *ИЦП*, *ИПЦ*, *ЭДС*, *КД* в пределах $\pm 20\%$ (рисунок 4).

В компьютерной программе был использован генератор случайных чисел, подчиняющийся равномерному закону распределения. График показывает, что в данном случае находится в состоянии флуктуации и чистая прибыль, но в целом предприятие реагирует на внешние условия оперативно, обеспечивая ежегодно чистую прибыль от 3200 до 3800 тыс. сом, и его состояние более-менее стабильно. В качестве средств управления исследуемым кооперативом мы взяли

Таблица 1
Table 1

Прогноз показателей эффективности исследуемого предприятия [1]
Forecast of performance indicators of the studied enterprise [1]

Год	Чистая прибыль, тыс. сом	Выручка от реализации, тыс. сом	Объем продаж, тыс. сом	Оценка доверительного интервала
2015	3756	20104	12570	$\pm 15\%$
2016	3287	19358	12064	$\pm 25\%$
2017	3536	19659	12274	$\pm 33\%$
2018	3430	19530	12184	$\pm 38\%$
2019	3477	19586	12223	$\pm 41\%$

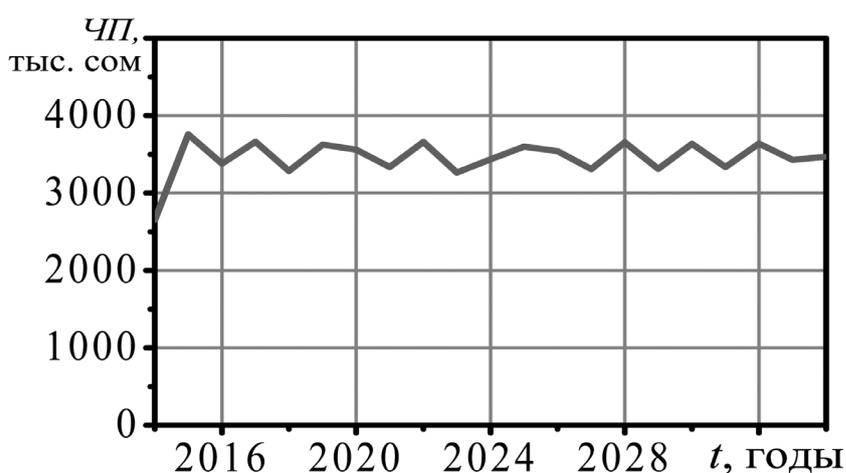

Рис. 4. Изменение чистой прибыли сельхозкооператива при случайном изменении макроэкономических показателей за определенное время
Fig. 4. Change in the net profit of an agricultural cooperative with a random change in macroeconomic indicators over a certain period of time

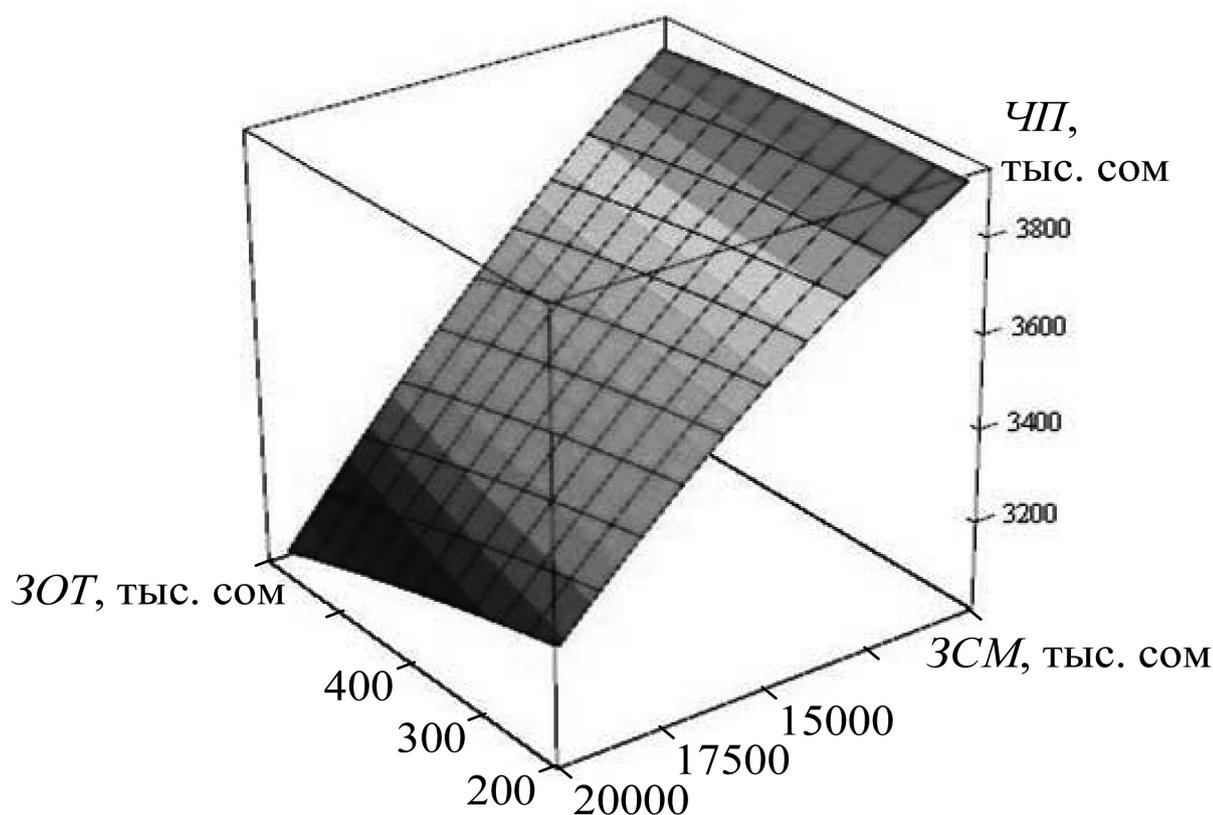

Рис. 5. Зависимость чистой прибыли от уровня ZOT и ZSM
Fig. 5. The dependence of net profit on the level of ZOT and ZSM

параметры затрат на оплату труда (ZOT), затраты на сырье и материалы ($ZСМ$) и затраты на топливо и ГСМ (ZT). С помощью ZOT можно управлять качеством работы сотрудников, их заинтересованностью в повышении эффективности. $ZСМ$ помогают в управлении объемом и качеством выпускаемой продукции. Управление ZT обеспечивает своевременность доставки сырья, материалов и готовой продукции.

Применением рекуррентной модели можно оценить влияние ZOT , $ZСМ$ и ZT на эффективность кооператива с целью тактического и стратегического управления. В рамках решения задачи тактического управления определяется уровень ZOT , $ZСМ$ и ZT в текущем году, который обеспечил бы максимальный уровень $ЧП$, $ВР$, $ОП$. В процессе стратегического управления необходимо выявить тенденции изменения затрат, то есть найти такие функции $ZOT(t)$, $ZСМ(t)$ и $ZT(t)$, при которых показатели $ЧП$, $ВР$, $ОП$ или их сумма за несколько лет будут как можно большими.

На примере сельскохозяйственного кооператива покажем выполнение рекуррентного моделирования зависимости чистой прибыли от сумм затрат на оплату труда, сырье и материалы $ЧП(ZOT, ZСМ)$. Для этого созданы модели развития кооператива в результате проведения компьютерных экспериментов, при которых ZOT изменяется в диапазоне 200, 400, 600 тыс. сомов, а $ZСМ$ — 10000, 15000, 20000 тыс. сомов (рисунок 5).

На графике функции $ЧП(ZOT, ZСМ)$ видна обратная зависимость чистой прибыли от затрат на сырье и материалы и независимость от затрат на оплату труда, т.е. увеличение ZOT сокращает чистую прибыль существенно. Мы считаем, что это объясняется невозможностью обеспечения эффективной переработки значительных объемов сырья текущими производственными мощностями предприятия. Следовательно, затраты на сырье и материалы кооператива необходимо планировать в пределах 10000 тыс. сомов. Возрастание затрат на оплату труда незначительно влияет на ве-

личину чистой прибыли. Учитывая, что число работников кооператива не изменялось за последние годы (58 сотрудников), увеличение заработной платы снижает чистую прибыль, но не обеспечивает повышение эффективности работы. Влияние затрат на другие критерии эффективности *ВР* и *ОП* можем рассчитать аналогичным способом.

Предложенная методика позволяет определить наиболее оптимальный вариант управления эффективностью малого предприятия. Полученные в ходе исследования данные показали справедливость и правильность сделанных прогнозов и доказали эффективность использования искусственного интеллекта в деятельности малых предприятий сельского хозяйства Кыргызской Республики.

Заключение. В результате нашего исследования можно сделать ряд следующих выводов.

1. Выявлена схема взаимосвязи показателей затрат и эффективности исследуемого кооператива.

2. Выполнено рекуррентное моделирование развития сельхозкооператива с применением компьютерной программы, в результате которого рассчитаны прогнозные значения показателей его эффективности.

3. Рассчитаны наиболее естественные значения показателей эффективности сельскохозяйственного кооператива при стабильности внешних условий.

4. Выполнено краткосрочное прогнозирование (на 1 год) и долгосрочное прогнозирование (на 5–10 лет) эффективности исследуемого предприятия.

5. Предложено использовать рекуррентное моделирование как способ поиска оптимальных вариантов тактического и стратегического управления малым предприятием.

6. Установлено, что исследуемый сельскохозяйственный кооператив будет устойчиво работать при случайном изменении макроэкономических показателей в пределах $\pm 20\%$, а чистая прибыль колеблется в пределах 3200–3800 тыс. сомов.

Список источников

1. Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искус-

ственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.

2. Андерсон Т. Статистический анализ временных рядов. М.: Мир, 1976. 757 с.

3. Базиева А.М., Гыязов А.Т. Составление оптимальной структуры управления сельскохозяйственным кооперативом — путь совершенствования эффективности производства // *Агропродовольственная экономика*. 2016. №5. С. 6–14.

4. Бокс Дж. Анализ временных рядов. Прогноз и управление / Дж. Бокс, Г. Дженкинс. М.: Мир, 1974. Вып. 1. 406 с.

5. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? [Electronic resource] / Computer Science Department. Stanford University. Stanford, 2007. 15 p. URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf>.

6. Дуброва Т.А. Статистические методы прогнозирования. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 133 с.

7. Дуброва Т.А. Анализ временных рядов и прогнозирование в системе «Statistica» / Т.А. Дуброва, Л.П. Бакуменко и др. М.: МЭСИ, 2002. 83 с.

8. Лукашин Ю.П. Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов. М.: Финансы и статистика, 2003. 415 с.

9. Статистическое моделирование и прогнозирование: учеб. пособие / Г.М. Гамбаров, Н.М. Журавель, Ю.Г. Королев и др. / под ред. А.Г. Гранберга. М.: Финансы и статистика, 2000. 340 с.

10. Четыркин Е.Н. Статистические методы прогнозирования. М.: Статистика, 1975. 200 с.

11. Юзбасиев М.М. Статистический анализ тенденций и колеблемости / М.М. Юзбасиев, А.М. Манелл. М.: Финансы и статистика, 1998. 207 с.

References

1. Averkin A.N., Gaaze-Rapoport M.G., Pospelov D.A. Tolkovyj slovar' po iskusstvennomu intellektu [Explanatory dictionary of artificial intelligence]. Moscow: Radio i svjaz', 1992. 256 p. (In Russ.).

2. Anderson T. Statisticheskij analiz vremennyh rjadov [Statistical analysis of time series]. Moscow: Mir, 1976. 757 p. (In Russ.).

3. Bazieva A.M., Gyjazov A.T. Sostavlenie optimal'noj struktury upravlenija

sel'skohozjajstvennym kooperativom — put' sovershenstvovaniya jeffektivnosti proizvodstva [Compilation of the optimal management structure of an agricultural cooperative — a way to improve production efficiency]. *Agroproduktivnaya jekonomika [Agro-food economy]*. 2016; 5: 6–14. (In Russ.).

4. Boks Dzh. Analiz vremennyh rjadov. Prognoz i upravlenie [Time series analysis. Forecast and management]. Dzh. Boks, G. Dzhenkins. Moscow: Mir, 1974; 1: 406. (In Russ.).

5. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? [Electronic resource] / Computer Science Department. Stanford University. Stanford, 2007. 15 p. URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf>.

6. Dubrova T.A. Statisticheskie metody prognozirovaniya [Statistical methods of forecasting]. Moscow: JuNITI-DANA, 2003. 133 p. (In Russ.).

7. Dubrova T.A. Analiz vremennyh rjadov i prognozirovaniye v sisteme «Statistica» [Time series analysis and forecasting in the «Statistica»

system]. T.A. Dubrova, L.P. Bakumenko et al. Moscow: MJeSI, 2002. 83 p. (In Russ.).

8. Lukashin Ju. P. Adaptivnye metody kratkosrochnogo prognozirovaniya vremennyh rjadov [Adaptive methods of short-term forecasting of time series]. Moscow: Finansy i statistika, 2003. 415 p. (In Russ.).

9. Statisticheskoe modelirovaniye i prognozirovaniye: ucheb. posobie [Statistical modeling and forecasting: textbook]. G.M. Gambarov, N.M. Zhuravel', Ju. G. Korolev et al.; pod red. A.G. Granberga [In A.G. Granberg (eds.)]. Moscow: Finansy i statistika, 2000. 340 p. (In Russ.).

10. Chetyrkin E.N. Statisticheskie metody prognozirovaniya [Statistical methods of forecasting]. Moscow: Statistika, 1975. 200 p. (In Russ.).

11. Juzbasiev M.M. Statisticheskij analiz tendencij i koleblemosti [Statistical analysis of trends and fluctuations]. M.M. Juzbasiev, A.M. Manell. Moscow: Finansy i statistika, 1998. 207 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The article was submitted on 07.09.2021; approved after reviewing on 18.09.2021; accepted for publication on 22.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гыязов Айдарбек Токторович — доктор экономических наук, профессор, ректор Баткенского государственного университета.

Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Aidarbek T. Giyazov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Batken State University.

21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan

Усонов Муса Мурзапарович — старший преподаватель Баткенского государственного университета. Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Musa M. Usonov — Senior Lecturer, Batken State University. 21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan

Тагаев Хабибулла Кушакович — старший преподаватель Баткенского государственного университета. Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Khabibulla K. Tagaev — Senior Lecturer, Batken State University. 21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan

Кадыров Шукурбек Илиясович — старший преподаватель Баткенского государственного университета. Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Shukurbek I. Kadyrov — Senior Lecturer, Batken State University. 21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan

Вклад авторов:

Гыязов А. Т. — научное руководство; концепция и методология исследования; итоговые выводы.

Усонов М. М. — разработка концепции исследования; проведении исследования; обработка результатов.

Тагаев Х. К. — проведение исследования; обработка результатов.

Кадыров Ш. И. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Giyazov A. T. — scientific guidance; research concept and methodology; final conclusions.

Usonov M. M. — development of the research concept; conducting research; processing the results.

Tagaev Kh. K. — conducting research; processing the results.

Kadyrov Sh. I. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 631.162:657.22:637
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-98-105

АНАЛИЗ ОШИБОК, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ НАЧАЛЬНОЙ МАКСИМАЛЬНОЙ ЦЕНЫ ДОГОВОРА

Елена Ивановна Зацаринная^{1✉}, *Альбина Николаевна Семенова*²

^{1,2}*Российский экономический университет имени В. Плеханова, Москва, Россия*
¹*e29175z@yandex.ru* ✉, *ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID РИНЦ: 679493*
²*semenovaalbina@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 432696*

Аннотация. *Целью исследования* является проведение анализа основных ошибок, возникающих при формировании начальной максимальной цены договора.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы: анализ, обобщение, приемы систематизации и классификации.

Результаты исследования. *Перечень основных норм, которые регламентируют формирование и обоснование начальной максимальной цены договора, отражены в законодательных актах, регулирующих закупочные процедуры. Заказчики, которые размещают заказы в рамках Федерального закона №223, обязаны указывать в извещении и тендерной документации сведения о начальной максимальной цене договора. Порядок её определения организации разрабатывают самостоятельно и закладывают в Положение о закупках, но необходимо помнить, что она должна быть экономически выгодной как для поставщика, так и для заказчика. На основе проведенного анализа порядка расчета и методов обоснования начальной максимальной цены договора в организациях были выявлены основные ошибки, возникающие при формировании начальной максимальной цены договора.*

Перспективу исследования составляет вывод о необходимости вовремя выявлять, идентифицировать и исправлять все ошибки, совершаемые при расчете начальной максимальной цены договора.

Ключевые слова: *начальная (максимальная) цена договора (НМЦД), обоснование, частная проблема, метод расчета, заказчик*

Для цитирования: *Зацаринная Е. И., Семенова А. Н. Анализ ошибок, возникающих при формировании начальной максимальной цены договора // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 98–105. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-98-105>.*

Original article

ANALYSIS OF ERRORS ARISING IN THE FORMATION OF THE INITIAL MAXIMUM PRICE OF THE CONTRACT

Elena I. Zatsarinnyaya^{1✉}, *Albina N. Semenova*²

^{1,2}*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*
¹*e29175z@yandex.ru*[✉], *ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID RSCI: 679493*
²*semenovaalbina@mail.ru, AuthorID RSCI: 432696*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the main errors that arise when forming the initial maximum contract price.*

The methodological basis of the research *is represented by general scientific methods: analysis, generalization, methods of systematization and classification.*

Research results. *The list of the main norms that regulate the formation and justification of the initial maximum contract price is reflected in the legislative acts regulating procurement procedures. Customers who place orders under Federal Law №223 are required to indicate information about the initial maximum contract price in the notice and tender documents. The organization develops the procedure for determining it independently and puts it in the Procurement Regulations, but it must be remembered that it should be economically profitable for both the supplier and the customer. Based on the analysis of the calculation procedure and methods for justifying the initial maximum contract price in the organizations, the main errors that arise when forming the initial maximum contract price were identified.*

The prospect of the study *is the conclusion that it is necessary to timely identify, identify and correct all errors made when calculating the initial maximum price of the contract.*

Keywords: *the initial (maximum) price of the contract (IMPC), justification, private problem, calculation method, customer*

For citation: *Zatsarinnaya E. I., Semenova A. N. Analysis of errors arising in the formation of the initial maximum price of the contract // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 98–105. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-98-105>.*

Введение. В настоящее время контролирующие органы и ведомственные организации уделяют пристальное внимание проблеме формирования и обоснования начальной (максимальной) цены контракта (НМЦК), цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, при планировании и проведении закупок в соответствии с Федеральным законом №44-ФЗ¹.

Заказчику необходимо определять и обосновывать НМЦК с учетом необходимости достижения целей обеспечения государственных и муниципальных заказов, а также не забывая про ответственность за достижение этих целей [7]. Случаи завышения или занижения НМЦК в сравнении с реальными рыночными ценами товаров, работ или услуг приводят к ситуациям, нарушающим и противоречащим целям Федерального закона №44-ФЗ.

Следовательно, формирование закупочных цен играет ключевую роль в сфере закупок. Корректное ценообразование позволяет исключить нарушения по контракту, провести закупочную процедуру с положительным эффектом, как для поставщика, так и для заказчика, и по возможности избежать судебных споров между инициатором и участниками закупки [2].

Основная часть. Начальная (максимальная) цена контракта является одним из основных факторов, определяющих эффективность проведения конкурентной закупочной процедуры [5]. Основопологающей и первоочередной задачей каждого заказчика должен быть правильный расчет и обоснование начальной цены контракта, методов ее определения.

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

На законодательном уровне порядок формирования НМЦК прописан в статье 22 Федерального закона №44-ФЗ².

Федеральный закон №223-ФЗ³ не устанавливает определенные правила формирования НМЦК, но содержит информацию, что сведения или формула НМЦК и максимальное значение контракта должны быть включены в извещение об осуществлении конкурентной закупочной процедуры [8].

Алгоритм определения и обоснования НМЦК содержит некую стандартную последовательность действий заказчика, представленную на рисунке 1.

Кроме порядка действий, необходимо также знать и уметь применять на практике основные правила и методы расчета НМЦК [4].

Часть 1 статьи 22 Федерального закона №44-ФЗ закрепляет методы расчета НМЦК, которые отражены на рисунке 2⁴.

Начальная максимальная цена договора (НМЦД) — это ключевое звено в документации коммерческих закупок, регулируется п. 5 ч. 9 статьи 4 №223-ФЗ [3]. Применение и методы определения НМЦД по 223-ФЗ аналогичны использованию и схемам расчёта НМЦК по 44-ФЗ.

После расчета НМЦД производится проверка достоверности такого расчета и обоснования НМЦД путем проведения финансовой экспертизы.

Анализируя основные ошибки, возникающие при формировании начальной максимальной цены договора, можно условно их разделить на две большие группы: общие

Рис. 1. Алгоритм действий при расчете и обосновании НМЦК
Fig. 1. Algorithm of actions when calculating and justifying the IMCP

² Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

³ Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

⁴ Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

и частные, относящиеся к выбранному методу расчета.

К общим, часто возникающим ошибкам, относятся:

- выбор некорректного метода расчета НМЦ лота;
- необоснованное использование только одного метода расчета НМЦД;
- арифметические ошибки в расчете;
- обоснование и приведение в расчете НМЦД меньшего количества позиций, чем было заявлено в закупочной процедуре;
- отсутствие приложения к обоснованию расчета НМЦД всех использованных в расчете источников ценовой информации или же вообще отсутствие обоснования расчета НМЦД;
- несоответствие величины НМЦД величине, указанной в закупочной документации, в SAP SRM при формировании закупочной процедуры и в других документах.

Перечисленные ошибки чаще всего напрямую зависят от закупщика, проводящего расчет НМЦ лота. К проявлению человеческого фактора можно отнести как арифметические ошибки и невнимательность при заполнении документов, так и выгрузку всех подтверждающих документов. Примером служит ситуация, когда сотрудником к обоснованию НМЦ лота приложено 50 спецификаций вместо 52 штук, используемых в расчете. Выбор корректного метода расчета напрямую зависит от знания ответственным специалистом Федерального закона №223-

ФЗ [1], Положения Компании о закупке ТРУ, Методических указаний компании о порядке расчета НМЦД и других локальных нормативных документов.

Далее представлены ошибки частные, возникающие при использовании различных методов расчета НМЦД.

В результате проверки использования ретроспективно-индексного метода были выявлены следующие ошибки:

- использование спецификаций за период поставки более одного года;
- некорректное индексирование НМЦД в зависимости от периода поставки;
- некорректное применение коэффициентов при пересчете валютных договоров в рубли для расчета НМЦД (доллары, евро);
- использование спецификаций, отличающихся по базису поставки, без применения корректирующих коэффициентов;
- неэффективное ведение реестра договоров и спецификаций, заключенных на основании прошедших закупок;
- неудобный функционал выгрузки оригиналов источников цен (договоров, дополнительных соглашений, спецификаций) из 1С.

При применении метода сопоставления с ценами МТР-аналогов в целом допускаются такие же ошибки, как и при расчете ретроспективно-индексным методом. Однако отдельно можно выделить тот факт, что часто ответственным закупщиком допускается ошибка по некорректному подбору МТР-ана-

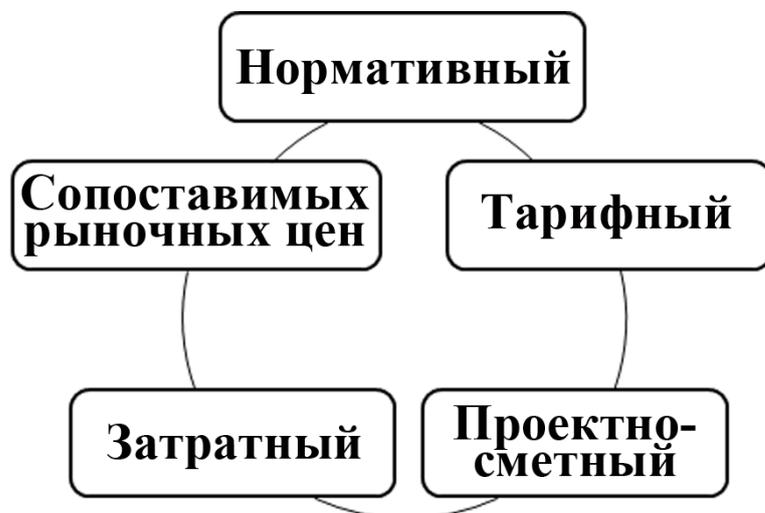

Рис. 2. Методы расчета НМЦК
Fig. 2. Methods for calculating IMCP

лога. К примеру, МТР-аналогом может быть выбрана продукция, сильно отличающаяся по функциональным или техническим характеристикам. Следовательно, такой источник НМЦД не будет являться корректным и не должен быть принят в расчет.

Оценивая показатели расчета НМЦД с помощью централизованной информационной системы — справочника КСЦ, можно сделать следующие выводы об эффективности работы данного метода расчета:

— данные в справочнике могут подтягиваться из спецификаций со сроком поставки более одного года, использование таких данных не является корректным;

— цена по определенной номенклатуре не может использоваться для любых закупок, так как в справочнике не учитываются поправки в связи с отклонением параметров реальной закупки от условий предыдущих поставок.

Что касается метода сопоставимых рыночных цен, основными выявленными ошибками являются:

— направление запроса коммерческих предложений поставщикам, которые не осуществляют поставку идентичных или однородных ТРУ;

— отсутствие фиксирования исходных данных при использовании открытых источников информации для расчета НМЦ лота по мелкой закупке (скриншоты — снимки экрана или другие доступные методы фиксирования информации);

— неприменение коэффициентов и индексов для пересчета цен, полученных при применении метода анализа рынка, в том числе в зависимости от региона поставки;

— определение итоговой начальной максимальной цены, основанное исключительно на ценовых предложениях, предоставленных потенциальными поставщиками.

Дополнительной проблемой при расчете НМЦ лота методом анализа рынка становится отсутствие в системе единого реестра поставщиков с указанием поставляемой номенклатуры. Данная проблема особенно проявляется в случаях, когда закупщик получает в работу закупку по совершенно другой номенклатуре, но список рассылки по данной номенклатуре отсутствует [9].

При расчете НМЦД параметрическим методом закупщику довольно легко допус-

тить ошибку, тем более, если ранее сотрудник не работал с данным методом расчета [6]. Так, может быть допущена ошибка с определением основного параметра МТР, на основании которого должен производиться расчет. В зависимости от номенклатуры это может быть мощность, производительность, вес, скорость МТР. Также может быть некорректно введена поправка на разницу технических параметров, комплектацию каких-либо товаров, срок поставки и условия заключения договора.

Выводы. Законодательство в сфере закупок товаров, работ и услуг содержит перечень норм, регламентирующих формирование и обоснование НМЦД. В нормативном регулировании закупочных процедур важное значение отводится и Федеральному закону №223-ФЗ [2], но его нормы не дают пояснений, к каким методам необходимо прибегать при осуществлении расчета НМЦД. Заказчику необходимо помнить, что обоснование расчета НМЦД выполняется с целью реализации предписаний антимонопольного законодательства и принципов закупочных процедур в отношении отдельных юридических лиц. В связи с этим возможные ошибки, совершаемые при расчете НМЦД, необходимо вовремя выявлять, идентифицировать и исправлять [10]. От этого зависит не только результат проводимой закупочной процедуры, но и предотвращение подобных ошибок в дальнейшем.

Список источников

1. Бакулина А. А., Карпова С. В. Проблемы ценообразования системы государственных закупок в условиях стимулирования конкуренции // Практический маркетинг. М.: Агентство «BCI Marketing», 2020. С. 3–9.

2. Зацаринная Е. И., Кленина А. И. Формирование закупочных цен на примере регионов: результаты мониторинга // В сборнике: Проблемы и перспективы развития промышленности России. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Экономика промышленности в условиях ограничений». Под ред. А. В. Быстрова. М.: «РУСАЙНС», 2021. С. 129–135.

3. Карпова С. В. Обоснование начальной (максимальной) цены контракта в услови-

як электронных закупок [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. СПб, 2019. С. 103–105. URL: <http://elibr.fu.ru/art2019/bv851.pdf>.

4. Коробейникова Л. С., Черников И. С. Особенности определения начальной (максимальной) цены контракта (договора) в анализе закупочной деятельности // Апрельские научные чтения имени профессора Л. Т. Гиляровской: материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. С. 102–106.

5. Проданова Н. А., Георгадзе Н. Д., Сергеева А. Н. Референтные цены при определении НМЦК: попробуем разобраться // Бухучет в здравоохранении. М.: Издательский дом «Панорама», 2019. №7. С. 4–10.

6. Проданова Н. А., Филатова Е. И. Контроль исполнения контрактов для государственных и муниципальных нужд // Бизнес и дизайн ревю. М.: Институт бизнеса и дизайна, 2019. №3 (15). С. 3.

7. Pinchuk T., Kazantseva I., Shlepnev O. Model of formation of the price of the state construction contract in the conditions of innovative development of economy [Electronic resource] // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 21208004. URL: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/abs/2018/71/mateconf_icre2018_08004/mateconf_icre2018_08004.html.

8. Сологуб А. Н., Новопашина Е. С. Формирование начальной (максимальной) цены контракта в рамках закона о контрактной системе // Современные проблемы развития экономики России и Китая: материалы Международной научно-практической конференции. Под общ. ред. О. А. Цепелева. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2018. С. 117–119.

9. Толстобок О. Н. Проблемы определения начальной цены контракта (договора) в системе государственных (муниципальных) закупок // Наука и бизнес: пути Развития. Тамбов: Фонд развития науки и культуры, 2020. С. 172–177.

10. Fedotov D. A. Improvement of the mechanism of rationing the initial contract price in the field of public procurement on the example of econometrics modelling of the price of laptop // Research Result. Economic Research. Belgorod:

Belgorod State National Research University, 2018. Vol. 4. №4. Pp. 53–65.

References

1. Bakulina A. A., Karpova S. V. Problemy cenoobrazovaniya sistemy gosudarstvennyh zakupok v usloviyakh stimulirovaniya konkurencii [Problems of pricing of the public procurement system in terms of promoting competition]. Prakticheskij marketing [Practical marketing]. Moscow: Agentstvo «BCI Marketing», 2020. Pp. 3–9. (In Russ.).

2. Zacarinnaja E. I., Klenina A. I. Formirovanie zakupochnyh cen na primere regionov: rezul'taty monitoringa [The formation of the purchase price on the example of regions: the results of the monitoring]. V sbornike: Problemy i perspektivy razvitiya promyshlennosti Rossii. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jekonomika promyshlennosti v usloviyakh ogranichenij». Pod red. A. V. Bystrova [In the collection: Problems and prospects of development of Russian industry. Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference «Industrial Economics under restrictions». In A. V. Bystrov (eds.)]. Moscow: «RUSAJNS», 2021. S. 129–135. (In Russ.).

3. Karpova S. V. Obosnovanie nachal'noj (maksimal'noj) ceny kontrakta v usloviyakh jelektronnyh zakupok [Justification of the initial (maximum) contract price in terms of electronic procurement] [Jelektronnyj resurs]. Problemy sovremennoj jekonomiki [Problems of modern economics]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 103–105. URL: <http://elibr.fu.ru/art2019/bv851.pdf>. (In Russ.).

4. Korobejnikova L. S., Chernikov I. S. Osobennosti opredelenija nachal'noj (maksimal'noj) ceny kontrakta (dogovora) v analize zakupochnoj dejatel'nosti [Features of determining the initial (maximum) price of a contract (contract) in the analysis of procurement activities]. Aprel'skie nauchnye chtenija imeni professora L. T. Giljarovskoj: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 chastjah [April scientific readings named after Professor L. T. Giljarovskaya: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2019. Pp. 102–106. (In Russ.).

5. Prodanova N.A., Georgadze N.D., Sergeeva A.N. Referentnye ceny pri opredelenii NMCK: poprobuem razobrat'sja [Reference prices when determining the MSPC: try to understand]. *Buhuchet v zdravoohranenii* [Accounting in health care]. Moscow: Izdatel'skij dom «Panorama», 2019; 7: 4–10. (In Russ.).

6. Prodanova N.A., Filatova E.I. Kontrol' ispolnenija kontraktov dlja gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Monitoring the execution of contracts for state and municipal needs]. *Biznes i dizajn revju* [Business and design review]. Moscow: Institut biznesa i dizajna, 2019; 3 (15): 3. (In Russ.).

7. Pinchuk T., Kazantseva I., Shlepnev O. Model of formation of the price of the state construction contract in the conditions of innovative development of economy [Electronic resource] // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 21208004. URL: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/abs/2018/71/mateconf_icre2018_08004/mateconf_icre2018_08004.html.

8. Sologub A. N., Novopashina E. S. Formirovanie nachal'noj (maksimal'noj) ceny kontrakta v ramkah zakona o kontraktojnij sisteme [ormation of the initial (maximum) contract

price within the framework of the law on the contract system]. *Sovremennye problemy razvitiya jekonomiki Rossii i Kitaja: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pod obshh. red. O.A. Cepeleva [Modern problems of economic development of Russia and China: materials of the International scientific and practical Conference. In O.A. Tsepelev (eds.)]. Blagoveshhensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2018. Pp117–119. (In Russ.).

9. Tolstobokov O.N. Problemy opredelenija nachal'noj ceny kontrakta (dogovora) v sisteme gosudarstvennyh (municipal'nyh) zakupok [Problems of determining the initial price of a contract (contract) in the system of state (municipal) procurement]. *Nauka i biznes: puti Razvitiya* [Science and Business: ways of Development]. Tambov: Fond razvitiya nauki i kul'tury, 2020. Pp. 172–17. (In Russ.).

10. Fedotov D.A. Improvement of the mechanism of rationing the initial contract price in the field of public procurement on the example of econometrics modelling of the price of laptop // Research Result. Economic Research. Belgorod: Belgorod State National Research University, 2018. Vol. 4. №4. Pp. 53–65.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 21.09.2021; принята к публикации 26.09.2021.

The article was submitted on 04.09.2021; approved after reviewing on 21.09.2021; accepted for publication on 26.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зацаринная Елена Ивановна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры «Финансовый контроль, анализ и аудит» Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

Elena I. Zatsarinnaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Base Department of Financial Control, Analysis and Audit, Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

36 Stremyanny av., Moscow, Russia

Семенова Альбина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры «Финансовый контроль, анализ и аудит» Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

Albina N. Semenova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Base Department of Financial Control, Analysis and Audit, Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny av., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Зацаринная Е. И. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Семенова А. Н. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Zatsarinnaya E. I. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Semenova A. N. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 338
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-106-112

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РАЗРАБОТКИ БИЗНЕС-ПЛАНА ПРЕДПРИЯТИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Виктор Павлович Кузнецов¹, Наталия Сергеевна Андрияшина²,
Наталья Александровна Бакулина³✉

^{1, 2, 3}Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия
¹kuznecov-vp@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7849-4720
²natali_andr@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8209-1764
³bakulinana@st.mininuniver.ru✉

Аннотация. Целью статьи является всестороннее исследование совокупности коммуникаций в организации. Для достижения поставленной цели нами была рассмотрена экономическая составляющая бизнес-плана на примере ООО «БЦР МОТОРС».

Методология. В условиях современной рыночной экономики следует четко анализировать и планировать каждую цель и задачу предприятия. Руководству организации необходимо прорабатывать процесс планирования, что позволит эффективно проанализировать всю совокупность будущих операций предпринимательской деятельности. С помощью своевременного планирования руководство организации получает возможность для минимизирования внутренних и внешних рисков, которые оказывают непосредственное влияние на деятельность предприятия. Современная экономическая ситуация вынуждает обращать пристальное внимание на планирование внутри фирмы, т. е. составлять бизнес-план. К используемым в статье научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты. В статье сделан вывод о том, что от эффективного составления и использования бизнес-плана зависит финансовое состояние и конкурентоспособность предприятия.

Перспективы исследования. Проблема повышения эффективности использования бизнес-планирования занимает центральное место в работе предприятия.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, бизнес-план, предприятие, финансовое планирование, внутрифирменное управление

Для цитирования: Кузнецов В. П., Андрияшина Н. С., Бакулина Н. А. Экономическая составляющая разработки бизнес-плана предприятия машиностроения: теория, методология, практика // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 106–112. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-106-112>.

Original article

THE ECONOMIC COMPONENT
OF THE DEVELOPMENT OF A BUSINESS PLAN
OF A MACHINE-BUILDING ENTERPRISE:
THEORY, METHODOLOGY, PRACTICE

Viktor P. Kuznetsov¹, Natalia S. Andryashina², Natalia A. Bakulina³✉

^{1, 2, 3}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

¹kuzneczov-vp@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7849-4720

²natali_andr@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8209-1764

³bakulinana@st.mininuniver.ru ✉

Abstract. *The purpose of the article is a comprehensive study of the totality of communications in an organization. To achieve this goal, we considered the economic component of the business plan using the example of BCR MOTORS LLC.*

Methodology. *In a modern market economy, it is necessary to clearly analyze and plan each goal and objective of the enterprise. The management of the organization needs to work out the planning process, which will effectively analyze the entire set of future business operations. With the help of timely planning, the organization's management gets the opportunity to minimize internal and external risks that have a direct impact on the activities of the enterprise. The current economic situation forces us to pay close attention to planning within the company, i.e. draw up a business plan. The scientific methods used in the article include comparative, causal and statistical analysis.*

Results. *The article concludes that the financial condition and competitiveness of an enterprise depends on the effective preparation and use of a business plan.*

Research prospects. *The problem of increasing the efficiency of the use of business planning is central to the work of the enterprise.*

Keywords: *entrepreneurial activity, business plan, enterprise, financial planning, in-house management*

For citation: *Kuznetsov V.P., Andryashina N.S., Bakulina N.A. The economic component of the development of a business plan of a machine-building enterprise: theory, methodology, practice// Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 106–112. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-106-112>.*

Введение. Успешной реализации любого предпринимательского проекта обязательно предшествует экономическое обоснование эффективности данной задумки, т.е. проработка и составление бизнес-плана. Бизнес-план — это определенный документ, в котором подробно и четко описываются основополагающие цели задачи конкретного проекта, условия достижения максимальных результатов. Данный документ должен подтверждать правильность

и эффективность намеченного пути развития предприятия.

Любой бизнес-план рассчитан на будущую перспективу и чаще всего рассматривается на следующие три года. Однако при создании бизнес-плана предприятия на следующие три года руководители предприятий российского рынка сталкиваются с проблемой непостоянности и высокой динамичности современного рынка. Стоит учитывать, что в условиях современного рынка эконо-

мическая ситуация нестабильна и постоянно изменяется, что является определенной проблемой при планировании деятельности в будущем. Считается, что планирование деятельности, т.е. составление бизнес-плана российского предприятия на период, превышающий год, является заведомо ошибочным, т.е. бесполезным, и основная масса инвесторов не рассматривает бизнес-планы, рассчитанные на перспективу более одного календарного года [4].

В современных условиях, когда экономика страны носит стихийный характер, т.е. имеет место принцип неожиданности, финансовое планирование необходимо для защиты предприятия от влияния негативных внешних факторов, для обеспечения финансовой устойчивости, достижения высокого результата финансово-хозяйственной деятельности. В рыночной экономике, где развита конкуренция, где налоговое законодательство сурово в своих нормах, планирование позволяет защитить предприятие и обезопасить от неожиданного ухудшения финансового состояния и, возможно, даже банкротства.

Объектом нашего исследования является бизнес план ООО «БЦР МОТОРС» города Нижний Новгород, которое занимается реализацией автомобилей и автозапчастей к ним.

Целью статьи является всестороннее исследование совокупности коммуникаций в организации. Для достижения поставленной цели нами была рассмотрена экономическая составляющая бизнес-плана на примере ООО «БЦР МОТОРС».

Компания «БЦР МОТОРС» является официальным дилером KIA (КИА) в Нижнем Новгороде с 2009 года. Организационно-правовая форма предприятия — общество с ограниченной ответственностью.

Методика. План, который был разработан техническим отделом, должен обеспечить создание нового прогрессивного имиджа и стиля предприятия. Такая разработка позволяет предприятию автомобильного бизнеса представлять в глазах потребителей в более выгодном свете.

Проведение переоборудования и реконструкции дилерского центра вызвало определенные трудности и крупные финансовые

затраты (по требованиям официального дистрибьютора дилерский центр должен быть оснащён только оригинальным дорогостоящим оборудованием). Все доходы, которые предприятие получает в данный период времени, направлены на покрытие расходов, связанных с реконструкцией дилерского центра и стоянки.

Для обеспечения преимущества перед конкурентами и эффективной работы предприятия необходимо закупить крупную партию товаров у дистрибьютора. Данная партия товара имеет более усовершенствованные качественные и эстетические характеристики, что в свою очередь обеспечит выход организации на новый уровень на автомобильном рынке.

Результаты. Все проведенные мероприятия и реализация новой партии товаров позволит получить значительный эффект в течение 3 лет. Ориентировочный темп прироста чистой прибыли планируется 15–20% по отношению к текущей [2].

Нами было рассмотрена специализация, качество услуг, уровень цен каждого потенциального конкурента. По итогам данного исследования было выявлено, что основными конкурентами компании являются такие автосервисные предприятия, как «Audi-центр» и гаражные сервисы и кооперативы. Основными конкурентными свойствами автомобилей KIA являются массовая доступность, привлекательный дизайн, просторный и комфортный вместительный салон, надежный и мощный двигатель, низкий расход топлива, надежная подвеска, хорошая проходимость, хорошая управляемость, хорошие тормоза, высокое качество сборки и недорогие запчасти.

Обсуждение. Для того чтобы лучше разобраться в структуре парка импортных автомобилей, необходимо рассмотреть таблицу 1.

Из таблицы 1 видно, что наиболее распространёнными марками иностранных производителей в городе Нижний Новгород являются автомобили Nissan, Volkswagen, Renault, Volvo, Audi, Opel, Skoda, Kia и др. Наглядно структура представлена на рисунке 1.

В Нижнем Новгороде система автосервисных услуг начала набирать мощный про-

Таблица 1
 Table 1

**Структурный состав парка импортных легковых автомобилей
 в городе Нижний Новгород**
Structural composition of the fleet of imported passenger cars in Nizhny Novgorod

Наименование марок автомобиля	Количество а/м, ед.
Nissan	3000
Volkswagen	1900
Reno	1350
Volvo	1000
Audi	1300
Opel	950
Skoda	1800
Kia	2400
Остальные марки автомобилей	7000
Итого:	20700

изводственный потенциал. Это объясняется тем, что парк автомобилей импортного производства растёт высокими темпами. Соответственно и уровень конкуренции между авто дилерами возрастает.

По результатам анализа финансовой части бизнес-плана предприятия нами было выявлено, что наибольший удельный вес в структуре имущества ООО «БЦР МОТОРС» в 2018 году составляли оборотные активы (99,43%). К 2020 году ситуация не изменилась, и наибольшую долю имущества также составили оборотные активы (99,32%). В составе оборотных активов наибольший вес занимают запасы, их доля увеличилась приблизительно с 33,09% до 41,8%. По всем статьям произошло снижение, что означает перевод капитала во внеоборотные активы. Снизилась доля денежных средств с 0,98% в 2018 году до 0,51% в 2020 году, что с одной стороны свидетельствует об ухудшении ликвидности, а с другой — о достаточно эффективном использовании денежных средств. Доля дебиторской задолженности снизилась с 64,1% до 9,8%, что говорит об интенсивных расчётах с предприятиями дебиторов [3].

В структуре внеоборотных активов наибольший удельный вес занимают основные

средства, их доля увеличилась приблизительно с 0,57% до 0,67% за анализируемый период.

Произошло повышение удельного веса собственных средств на 8,5% в основном за счёт увеличения нераспределённой прибыли, т.к. уставный капитал на протяжении изучаемого периода остался неизменным, а добавочный и резервный капиталы отсутствуют.

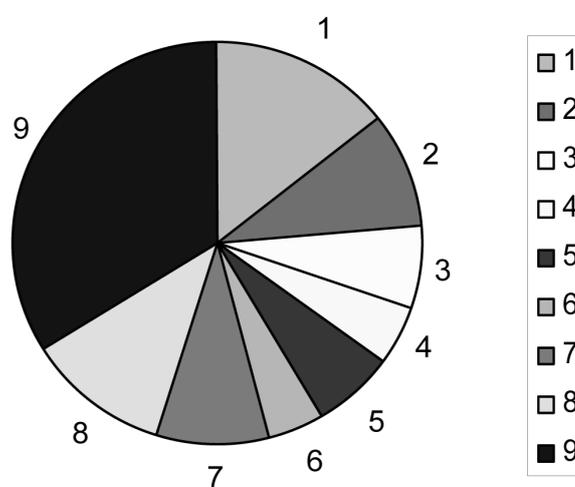

Рис. 1. Структура парка импортных автомобилей

Fig. 1. Structure of the fleet of imported cars

Заключение. По итогам нашего исследования был сделан вывод о том, что проведение переоборудования и реконструкции дилерского центра вызвало определенные трудности и крупные финансовые затраты (по требованиям официального дистрибьютора дилерский центр должен быть оснащён только оригинальным дорогостоящим оборудованием). Все доходы, которые предприятие получает в данный период времени, направлены на покрытие расходов, связанных с реконструкцией дилерского центра и стоянки.

Для обеспечения преимущества перед конкурентами и эффективной работы предприятия необходимо закупить крупную партию товаров у дистрибьютора.

Все проведенные мероприятия и реализация новой партии товаров позволит получить значительный эффект в течение 3 лет. Ориентировочный темп прироста чистой прибыли планируется 15–20% по отношению к текущей [1].

Руководству ООО «БЦР МОТОРС» необходимо проводить повышение квалификации работников, стимулировать их самостоятельно совершенствовать свой образовательный и квалификационный уровень. Более квалифицированные работники будут выполнять поручения не только быстрее, но и качественнее. Это позволит улучшить результаты деятельности данного предприятия и его финансовое состояние.

Список источников

1. Андрияшина Н. С., Романовская Е. В., Ражова Н. А., Сергеева Д. С. Развитие производственного потенциала промышленного предприятия // Экономика и предпринимательство. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. пед. университета, 2018. №8(97). С. 917–922.

2. Бакулина Н. А., Шабаров А. А., Кузнецов В. П. Сущность организации производства // В сборнике: Промышленное развитие России: проблемы, перспективы. Сборник статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции преподавателей вузов, ученых, специалистов, аспирантов, студентов: в 2-х томах. Нижний Новгород: Изд-во Ниже-

городского гос. пед. университета, 2021. С. 12–15.

3. Горбунов В. Л. Бизнес-планирование с оценкой рисков и эффективности проектов: научно-практическое пособие. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 248 с.

4. Немети Л. Стратегии выхода из бизнеса: планирование выхода, опционы, увеличение стоимости бизнеса, управление сделками для владельцев бизнеса. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 272 с.

5. Пасечник А. С., Кузнецов В. П. Анализ проблемы стимулирования труда и мотивации на предприятиях малого предпринимательства // В сборнике: Экономическое развитие России: тенденции, перспективы. Сборник статей по материалам VI Международной студенческой научно-практической конференции преподавателей, ученых, специалистов, аспирантов, студентов: в 2-х томах. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. пед. университета, 2020. С. 39–42.

6. Руткаускас Т. К., Журухин Г. И. Экономика предприятия: учебник / Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. университета, 2014. 9 с.

7. Kuznetsova S. N., Kuznetsov V. P., Garina E. P., Romanovskaya E. V., Garin A. P. Business model of contract productions // Lecture Notes in Networks and Systems. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. Vol. 111. Pp. 21–29.

8. Potashnik Y. S., Kuznetsov V. P., Garina E. P., Romanovskaya E. V., Andryashina N. S. About the place and role of risk management in the adoption of management decisions at the enterprise // Lecture Notes in Networks and Systems. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. Vol. 111. Pp. 3–9.

9. Kuznetsova S. N., Garina E. P., Kuznetsov V. P., Romanovskaya E. V., Andryashina N. S. Industrial parks formation as a tool for development of long-range manufacturing sectors / Journal of Applied Economic Sciences. Zug: Springer Nature Switzerland, 2017. Vol. 12. №2 (48). Pp. 391–401.

10. Romanovskaya E. V., Garina E. P., Andryashina N. S., Kuznetsov V. P., Garin A. P. Product creation system in the conditions of high-tech transformation of the economic system // Lecture Notes in Networks and Systems. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. Vol. 129 LNNS. Pp. 289–295.

References

1. Andrijashina N.S., Romanovskaja E.V., Razhova N.A., Sergeeva D.S. Razvitie proizvodstvennogo potenciala promyshlennogo predpriyatija [Development of the production potential of an industrial enterprise]. *Jekonomika i pred-prinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]*. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. ped. universiteta, 2018; 8 (97): 917–922. (In Russ.).
2. Bakulina N.A., Shabarov A.A., Kuznetsov V.P. Sushhnost' organizacii proizvodstva [The essence of the organization of production]. V sbornike: Promyshlennoe razvitie Rossii: problemy, perspektivy. Sbornik statej po materialam XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej vuzov, uchenyh, specialistov, aspirantov, studentov: v 2-h tomah [In the collection: Industrial development of Russia: problems, prospects. Collection of articles based on the materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference of university teachers, scientists, specialists, postgraduates, students: in 2 volumes]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. ped. universiteta, 2021. Pp. 12–15. (In Russ.).
3. Gorbunov V.L. Biznes-planirovanie s ocenok riskov i jeffektivnosti pro-ektov: Nauchno-prakticheskoe posobie [Business planning with risk assessment and project effectiveness: a scientific and practical guide]. Moscow: IC RIOR, NIC IN-FRA-M, 2017. 248 p. (In Russ.).
4. Nemeti L. Strategii vyhoda iz biznesa: planirovanie vyhoda, opciony, uvelichenie stoimosti biznesa, upravlenie sdelkami dlja vladel'cev biznesa [Exit strategies from business: exit planning, options, business value increase, transaction management for business owners]. Moscow: Infotropik Media, 2018. 272 p. (In Russ.).
5. Pasechnik A.S., Kuznetsov V.P. Analiz problemy stimulirovanija truda i motivacii na predpriyatijah malogo predprinimatel'stva [Analysis of the problem of labor stimulation and motivation at small business enterprises]. V sbornike: Jekonomi-cheskoe razvitie Rossii: tendencii, perspektivy. Sbornik statej po materialam VI Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, uchenyh, specialistov, aspirantov, studentov: v 2-h tomah [In the collection: Economic development of Russia: trends, prospects. Collection of articles based on the materials of the VI International Student Scientific and Practical Conference of teachers, scientists, specialists, graduate students, students: in 2 volumes]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. ped. universiteta, 2020. Pp. 39–42. (In Russ.).
6. Rutkauskas T.K., Zhuruhin G.I. Jekonomika predpriyatija: uchebnik [Enterprise economics: textbook] / Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. universiteta, 2014. 9 p. (In Russ.).
7. Kuznetsova S.N., Kuznetsov V.P., Garina E.P., Romanovskaja E.V., Garin A.P. Business model of contract productions // Lecture Notes in Networks and Systems. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. Vol. 111. Pp. 21–29.
8. Potashnik Y.S., Kuznetsov V.P., Garina E.P., Romanovskaja E.V., Andryashina N.S. About the place and role of risk management in the adoption of management decisions at the enterprise // Lecture Notes in Networks and Systems. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. Vol. 111. Pp. 3–9.
9. Kuznetsova S.N., Garina E.P., Kuznetsov V.P., Romanovskaja E.V., Andryashina N.S. Industrial parks formation as a tool for development of long-range manufacturing sectors / Journal of Applied Economic Sciences. Zug: Springer Nature Switzerland, 2017. Vol. 12. №2 (48). Pp. 391–401.
10. Romanovskaja E.V., Garina E.P., Andryashina N.S., Kuznetsov V.P., Garin A.P. Product creation system in the conditions of high-tech transformation of the economic system // Lecture Notes in Networks and Systems. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. Vol. 129 LNNS. Pp. 289–295.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The article was submitted on 02.09.2021; approved after reviewing on 20.09.2021; accepted for publication on 22.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Виктор Павлович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика предприятий», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Россия, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9

Viktor P. Kuznetsov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Enterprise Economics, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

9 Chelyuskintsev st., Russia, Nizhny Novgorod

Андряшина Наталия Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика предприятий», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Россия, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9

Nataliya S. Andryashina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Enterprise Economics, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

9 Chelyuskintsev st., Russia, Nizhny Novgorod

Бакулина Наталья Александровна — магистрант кафедры «Профессиональное образование и управление образовательными системами», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Россия, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9

Natalya A. Bakulina — Undergraduate Student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

9 Chelyuskintsev st., Russia, Nizhny Novgorod

Вклад авторов:

Кузнецов В. П. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Андряшина Н. С. — доработка текста; итоговые выводы.

Бакулина Н. А. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kuznetsov V. P. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Andryashina N. S. — revision of the text; final conclusions.

Bakulina N. A. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 369.8
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-113-120

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА И ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИЩЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

*Наталья Александровна Левченко¹✉,
Светлана Александровна Иващенко², Елена Валерьевна Романенко³*

*^{1, 2, 3}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

¹levchenkona@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-4016-788X, AuthorID РИНЦ: 366454

²r29nikols@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3352-3807, AuthorID РИНЦ: 697950

³romanenko1971@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9097-7071, AuthorID РИНЦ: 756734

Аннотация. *Целью* является обоснование социальной политики в России с учетом современных социальных, экономических и политических реалий и особенностей социальных прав.

Методологию представляют теоретические аспекты социальных прав, рассматривающие их в менее универсальном аспекте, чем гражданско-политические права. Реализация насущных социально-экономических проблем, стоящих перед государственными органами управления, требует более детального анализа социальных прав, как с теоретической точки зрения, так и на уровне специальных отраслевых исследований.

Результаты. Одним из важных результатов исследования является определение социальных прав как права индивида, реализуемого через систему социальных гарантий, экономических возможностей общества. Рассмотренные особенности социальных прав требуют более тщательного изучения с учетом современной социально-экономической ситуации.

Перспективу исследования составляет всесторонний анализ социально-экономических прав с учетом конкретных содержательных и сущностных аспектов, позволяющих отразить специфические особенности социальных прав.

Ключевые слова: социальные права, общество, демократическое общество, социальные нормативы, социальная защита, социальная политика, трудовая деятельность, уровень жизни

Для цитирования: Левченко Н. А., Иващенко С. А., Романенко Е. В. Социально-экономические права и их роль в обеспечении защищенности человека // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 113–120. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-113-120>.

Original article

SOCIO-ECONOMIC RIGHTS AND THEIR ROLE IN ENSURING HUMAN SECURITY

*Natalya A. Levchenko¹✉,
Svetlana A. Ivashchenko², Elena V. Romanenko³*

^{1, 2, 3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
¹levchenckona@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-4016-788X, AuthorID RSCI: 366454
²r29nikols@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3352-3807, AuthorID RSCI: 697950
³romanenko1971@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9097-7071, AuthorID RSCI: 756734

Abstract. *The purpose of the study is to substantiate social policy in Russia, taking into account modern social, economic and political realities and the peculiarities of social rights.*

The methodological basis is the theoretical aspects of social rights, which consider them in a less universal aspect than civil and political rights. The implementation of modern socio-economic tasks of the state requires a more thorough study of social rights both in the theoretical aspect and at the level of special industry research.

Research result. *One of the important results of the study is the definition of social rights as the rights of an individual, implemented through a system of social guarantees, economic opportunities of society.*

The prospect of the study is a comprehensive analysis of socio-economic rights, taking into account specific content and essential aspects that allow us to reflect the specific features of social rights.

Keywords: *social rights, society, democratic society, social norms, social protection, social policy, labor activity, standard of living*

For citation: *Levchenko N.A., Ivashchenko S.A., Romanenko E.V. Socio-economic rights and their role in ensuring human security // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14 (5): 113–120. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-113-120>.*

Введение. Весь комплекс прав гражданина обладает свойствами целостности и взаимосвязанности, таким образом, можно говорить о том, что социально-экономические права не менее значимы, чем политические или гражданские. Все существующие права образуют единый комплекс правового статуса личности, что в свою очередь налагает на государственные органы обязанность предпринимать комплекс законодательных и административных мер, необходимых для осуществления в полной мере прав и свобод гражданина. Более того, государство предусматривает право каждого человека на судебную защиту своих прав (социальных, политических, гражданских).

Термин «социальные права» появился в начале XX века в конституциях большинства европейских государств. А. Бланкенагель отмечает, что все существующие конституции «отражают и синтезируют социальные вопросы, в силу определенных особенностей которых обнаруживаются весьма специфические проблемы» [2, с. 9]. Это связано

с тем, что «социальные права» — термин сам по себе достаточно парадоксальный. Во множестве научных разработок социальные права рассматриваются в границах социально-экономических прав без учета конкретизации содержательных и сущностных мнений, позволяющих анализировать особую «социальную» природу, которая выделяет их из общего ряда других прав [3].

Авторы В.А. Иваненко и В.С. Иваненко констатируют, что «социальные права человека, которые законодательно признаются, закрепляются и расширяются, конституционно гарантируются, юридически обеспечиваются и защищаются, не имеют при этом общепризнанного или согласованного своего перечня» [5, с. 98].

Теоретико-практические аспекты понятия социальных прав. Большую практическую ценность имеет вопрос конкретизации социальных прав из общего теоретико-практического комплекса социально-экономических прав и исследований. Обособление соци-

альных прав predetermined их ролью в обеспечении социальной защищенности человека. На это, в частности, обращала серьезное внимание Е. В. Аграновская: «Признав единственным путем преодоления кризиса путь создания рынка на здоровой экономической основе, государство вместе с тем оказалось перед лицом серьезной проблемы — необходимости социальной защиты людей, обеспечения, прав граждан, в первую очередь создания механизма обеспечения защиты социальных прав» [1, с. 81]. Данное утверждение не утратило актуальности и в настоящее время.

Таким образом, теоретическое понимание социальных прав имеет свои далеко идущие практические последствия. В решении вопросов, отражающих социальные права и нормативы, безусловно, должны соблюдаться требования Конституции РФ. Вместе с тем необходимо учитывать современные социальные, экономические и политические реалии. Осуществляемые в российском обществе трансформации влекут за собой существенные, глубинные изменения прежних вполне устоявшихся правовых понятий, поэтому отечественная правовая наука должна периодически возвращаться к осмыслению новых аспектов уже известных категорий с учетом реальных изменений, происходящих в общественной жизни.

На сегодняшний день проблема социально-экономических прав по-прежнему вызывает множество дискуссий в научном сообществе. К. Л. Шеппели, например, отмечает, что теоретические разночтения существуют на различных профессиональных уровнях: «Философы вообще выражают сомнения в том, что социальные права действительно можно отнести к сфере прав; теоретики-конституционалисты возражают на том основании, что социальные права отнюдь не основываются на всеобщем согласии и, кроме того, у них нет даже точного определения; а теоретики демократии основывают свои возражения на утверждении, что судебное обеспечение социальных прав связывает руки государства жесткими обязательствами, а это не позволяет ему относиться ко всем нуждам и потребностям демократического общества с равным вниманием» [9, с. 52].

Несмотря на споры в теоретической области, в практическом применении социаль-

ные права получают более весомый статус. Немаловажной особенностью социальных прав является доминирование рекомендательного начала. М. И. Фетюхин констатирует, что практическая реализация социальных прав требует больших затрат времени и материальных ресурсов, чем гарантирование основных свобод. Несомненно, что гражданско-политические права значительно более универсальны, чем социальные права человека. Особенно наглядно это выражается в двух отношениях:

1) область реализации социальных прав не вполне универсальна, поскольку в историческом и культурном аспектах она более динамична, кроме того, ее границы подвержены динамическому воздействию в социальном времени;

2) в настоящее время социальные права выступают в их субъектной направленности к незащищенным слоям населения.

Анализируя теоретические аспекты социальных прав, М. И. Фетюхин обращает внимание на то, что данные права отличает меньшая универсальность, определенность, четкость и жесткость изложений по сравнению с комплексом гражданско-политических прав. Комплекс социальных нормативов, используемых в настоящее время, основан на таких понятиях, как «справедливость», «достоинство», «удовлетворение», «разумность» и т.п. Данные определения не являются статичными, изменчивыми и с юридической точки зрения крайне трудно поддаются теоретическому осмыслению. Практическое исследование перечисленных определений требует использования ограниченного числа критериев, норм, социально-экономических требований в каждой конкретной ситуации [8].

Автор Н. В. Путило, подробно исследуя теоретико-практические черты понятия социальных прав, отмечает, что преодоление социально-экономических трудностей, стоящих перед современной Россией, требует более детального исследования социальных прав как в теоретической плоскости, так и на уровне специальных отраслевых исследований [7]. Целесообразно выделить следующие их особенности:

1) социально-экономические права непосредственно предполагают участие органов государственного управления в реализации

механизмов социальной защиты населения, а также при осуществлении гражданином своих экономических прав;

2) высокая скоррелированность между процессом осуществления законодательно закрепленных социальных прав и социально-экономическим потенциалом государства;

3) ограниченность использования защиты социальных прав посредством системы судопроизводства компенсируется использованием других правозащитных механизмов;

4) общим, универсальным объектом для всех социальных прав являются естественные блага цивилизации, локальный характер которых прямо пропорционален эффективной реализации таких понятий, как гармоничное развитие личности и достойный уровень жизни. Социальные права предполагают тесное взаимодействие каждого гражданина с органами государственного управления в выборе направления действий или объекта социального права.

Системный анализ комплекса социально-экономических прав [10]. Проводя системный анализ комплекса социально-экономических прав, следует рассматривать их в следующих содержательных уровнях:

1) непосредственная трудовая деятельность, направленная на получение необходимых средств существования;

2) достижение оптимального уровня жизни и развития общества;

3) право на социальное обеспечение отдельных групп населения.

На основе полученных выводов целесообразно дать определение социальных прав человека как «естественных, неотчуждаемых возможностей, гарантирующих защиту и поддержку со стороны общества и государства в случаях объективной невозможности самостоятельно обеспечить достойные условия существования для себя и своей семьи, обеспечивающих доступность элементарных благ цивилизованного общества» [7, с. 15].

Иную формулировку определению социальных прав рекомендуют В. А. Иваненко и В. С. Иваненко: «Социальные права — это признаваемый обществом и государством и закрепленный в нормативно-правовых актах комплекс прав и свобод, которыми должен обладать каждый человек с целью обеспече-

ния и защиты своих определенных свойств, интересов и возможностей, необходимых ему для нормального физиологического, материального и духовного существования и развития, для социально достойной жизни и общественно значимой деятельности» [5, с. 98]. Авторы признают, что социальные права, которые зафиксированы на законодательном уровне большинства современных государств, позволяют каждому гражданину свободно реализовывать в социальной среде свои конституционные права и свободы.

Так, В. В. Гурлев и А. В. Гурлев, проведя всесторонний анализ международного и российского законодательства области социальной защиты, утверждают, что большинство социальных прав человека, отраженных в нормативно-правовых актах и декларациях, соответствуют мировым стандартам и достаточно полно отражают сущность конституционных прав и свобод [4].

Из этого следует, что правовая поддержка основных социальных прав и свобод гражданина в Российской Федерации осуществляется с высокой степенью эффективности. В настоящее время задача органов государственного управления состоит в его дальнейшем развитии и совершенствовании.

Обобщая научные исследования, отражающие теоретический аспект социальных прав, можно констатировать, что в их перечень включаются права, предусмотренные ст. 37-44 Конституции РФ. Их отличает, с одной стороны, прямая зависимость с жизненно важными интересами человека, с другой — экономическая структура.

Основная цель социальных прав — предоставление материальных благ для необходимого и достойного жизнеобеспечения человека, включая меры общественной социализации, которая осуществляется посредством обеспечения прав на жилище, охрану здоровья, образование.

Реализация общественных отношений через механизм социальных взаимодействий происходит посредством прав на жилище, охрану здоровья и образование. В то же время не следует подходить к реализации данных социальных прав упрощенно.

Вышеперечисленные права могут осуществляться в различных формах, в том числе на финансовой основе. Конституция РФ

уделяет особое внимание на социальном аспекте этой группы прав.

Так, право на жилище, закрепленное в Конституции Российской Федерации (статья 40), предполагает уточнение условий реализации данного права. Данные условия охватывают: категории граждан в соответствии с уровнем их совокупного дохода (например, малоимущие), конкретные жилищные фонды, за счет которых происходит реализация данного права, и установление законодательных норм в области предоставления жилья. В конституционном закреплении права на охрану здоровья (статья 41 Конституции РФ) также большое значение принадлежит социальной составляющей (в узком смысле термина «социальный»). Это, прежде всего, оказание медицинской помощи без взимания платы, определение непосредственных источников финансирования, наличие которых обеспечивает гражданам Российской Федерации бесплатную медицинскую помощь (за счет средств бюджетов различных уровней, страховых взносов), и перечисление категорий учреждений, несущих бремя реализации права на медицинскую помощь (государственные и муниципальные учреждения здравоохранения).

В Конституции РФ отражена общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования (статья 43), а также определен перечень учреждений образования, которые претворяют в жизнь данное право (государственные либо муниципальные образовательные учреждения). Кроме того, право на образование реализуется посредством установления федеральных государственных образовательных стандартов.

Таким образом, социальные права, отраженные в Конституции Российской Федерации, осуществляются в двух направлениях: во-первых, их реализация происходит через государственные органы, посредством материальных (имущественных) возможностей самого человека, во-вторых, когда государство предусматривает специальные конституционные меры, которые обеспечивают реализацию соответствующего права за счет экономических возможностей общества при недостаточных материальных (имущественных) возможностях гражданина.

Социальные права, понимаемые в узком смысле слова, неразрывно связаны с институтом социальной защиты граждан. Именно эта группа прав наиболее общественно значима как социальная функция в государстве, именно она служит критерием социальной защищенности человека в обществе [6]. В этом заключается ее главная роль. Для конкретизации в рамках единой нормативной категории социальных прав целесообразно применять термин «социальные права, реализуемые через систему социальной защиты».

Несоответствие социально-экономических потребностей и нужд современного общества их экономическим возможностям порождает определенный социальный дисбаланс, в первую очередь, из-за ограниченного объема материальных благ. В этом случае необходимо предусмотреть полноту финансового обеспечения при реализации законодательных мер поддержки социальных прав. Вместе с тем следует учитывать, что существующая величина финансовых обеспечения законодательных мер поддержки социальной сферы должна быть достаточной для обеспечения основных прав гражданина (закрепленных в Конституции РФ) и необходимых мер по его социализации. Это финансово-правовое соотношение диктует исключительность процесса законодательного регулирования социальных прав, реализуемых через систему социальной защиты.

Описываемая уникальная категория прав имеет свои особенности, заключающиеся в том, что конкретное социальное право невозможно реализовать в абстрактной форме. В таком случае они приобретают декларативные свойства без учета законодательных, правовых механизмов реализации. Таким образом, для трактовки и восприятия конкретных видов социальных прав, осуществляемых посредством системы социальной защиты, необходимо четкое и однозначное определение объема и условий его предоставления с одновременным обеспечением его финансирования, что требует уточнения социальных критериев и нормативов. В связи с этим социальным правам присущи количественные критерии и характеристики, что находит отражение в целом ряде известных терминов «прожиточный минимум», «потребительская корзина», «государственные социальные стандарты» и т. п.

Заключение. Следовательно, в силу индивидуальной общественной природы социальные права, реализуемые через комплекс социальных инструментов, требуют таких механизмов реализации, которые предусматривают обязательное наличие их нормативной фиксации.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что реализация социальных прав (правомочий) индивида происходит через систему социальной защиты, используя экономические возможности общества посредством осуществления предпринимательской, трудовой и иной не запрещенной законом деятельности. Реализация совокупности всех социальных прав через систему социальной защиты и определяет уровень «социальности» государства.

Список источников

1. Аграновская Е. В. Формирование рынка в России и защита прав граждан // Социальное государство и защита прав человека / Отв. ред. Е. Л. Лукашева. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 80–90.

2. Бланкенгель А. Конституционные суды, социальные права и социальное государство // Конституционное правосудие и социальное государство. Сборник докладов. М.: Изд-во Ин-та права и публичной политики, 2003. С. 42–44.

3. Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учебник и практикум для среднего профессионального образования. — М.: Издательство Юрайт, 2019. 428 с.

4. Гурлев В. В., Гурлев А. В. Социальное государство и общество. СПб.: Северная звезда, 2002. 126 с.

5. Иваненко В. А, Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 404 с.

6. Левченко Н. А. Теория организации. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2015. 154 с.

7. Путило Н. В. Социальные права в постиндустриальном обществе. М.: Проспект, 2021. 120 с.

8. Фетюхин М. М. Социальное право. Курс лекций. Волгоград: ВГУ, 2007. 147 с.

9. Шеппели К. Л. Защита социальных прав с позиций реальной политики // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. М., 2003. №1. С. 52–66.

10. Public Administration and Regional Management in Russia — Challenges and Prospects in a Multicultural Region / E. G. Popkova and K. V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 2020. 567 p.

References

1. Agranovskaja E. V. Formirovanie rynka v Rossii i zashhita prav grazhdan [Formation of the market in Russia and protection of citizens ' rights] Social'noe gosudarstvo i zashhita prav cheloveka [The social State and the protection of human rights] In E. L. Lukasheva (eds.). Moscow: Izd-vo IGiP RAN, 1994. 80–90. (In Russ.).

2. Blankenagel' A. Konstitucionnye sudy, social'nye prava i social'noe gosudarstvo [Constitutional courts, social rights and the social state] Konstitucionnoe pravosudie i social'noe gosudarstvo. Sbornik dokladov [Constitutional justice and the social State. Collection of reports]. Moscow: Izd-vo In-ta prava i publichnoj politiki, 2003. 42–44. (In Russ.).

3. Grigor'ev I. V., Shajhatdinov V. Sh. Pravo social'nogo obespechenija: uchebnik i praktikum dlja srednego professional'nogo obrazovanija [Law of social security: textbook and practice for secondary vocational education]. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2019. 428. (In Russ.).

4. Gurlev V. V., Gurlev A. V. Social'noe gosudarstvo i obshhestvo [Social state and society]. Saint Petersburg: Severnaja zvezda, 2002. 126. (In Russ.).

5. Ivanenko V. A, Ivanenko V. S. Social'nye prava cheloveka i social'nye objazannosti gosudarstva: mezhdunarodnye i konstitucionnye pravovye aspekty [Social human rights and social obligations of the state: international and constitutional legal aspects]. Saint Petersburg: Jurid. centr Press, 2003. 404. (In Russ.).

6. Levchenko N. A. Teorija organizacii. Novoчеркасск: URGPU (NPI), 2015. 154. (In Russ.).

7. Putilo N. V. Social'nye prava v postindustrial'nom obshhestve [Social rights in a post-industrial society]. Moscow: Prospekt, 2021. 120. (In Russ.).

8. Fetjuhin M. M. Social'noe pravo. Kurs lekcij [Social law. A course of lectures]. Volgograd: VGU, 2007. 147. (In Russ.).

9. Sheppeli K. L. Zashhita social'nyh prav s pozicij real'noj politiki [Protection of social rights from the standpoint of real politics] *Konstitucionnoe pravo: vostochno-evropejskoe obozrenie* [Constitutional law: Eastern Euro-

pean review]. Moscow, 2003; (1):52–66. (In Russ.).

10. Public Administration and Regional Management in Russia—Challenges and Prospects in a Multicultural Region / E. G. Popkova and K. V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 2020. 567 p.

Статья поступила в редакцию 28.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 20.09.2021.

The article was submitted on 28.08.2021; approved after reviewing on 15.09.2021; accepted for publication on 20.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Наталья Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Natalya A. Levchenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «Social Sciences and Humanities» chair, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Иващенко Светлана Александровна — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana A. Ivashchenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Романенко Елена Валерьевна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Romanenko — Senior Lecturer of the Department «Production and Innovation Management», South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Левченко Н. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Иващенко С. А. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Романенко Е. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Levchenko N. A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Ivashchenko S. A. — development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Romanenko E. V. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК JEL D01, D23, P47
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-121-127

ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АУТСОРСИНГА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Галина Александровна Маркеева

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия
galochkamarkeeva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0593-1889, AuthorID РИНЦ: 530453*

Аннотация. *Целью исследования является теоретическое обоснование значения аутсорсинга, представляющего собой инструмент, поддерживающий политику предприятий, ориентированных на положительный финансовый результат в условиях кризиса, для развития предпринимательской деятельности, а также разработка перспективных направлений его применения.*

Методология *основывается на теоретической концепции развития аутсорсинга, включает систематизацию и обобщение, системный подход при изучении определения аутсорсинга, областей, в которых он может быть использован.*

Результаты. *В статье представлено определение аутсорсинга, области, в которых он может быть использован, преимущества и риски разграничения определенных областей и передачи их внешней организации. Представлены различные типы классификации аутсорсинга в зависимости от различных критериев. Показаны отличия аутсорсинга от сотрудничества, связанные с тем, что передача функций специализированной аутсорсинговой организации не освобождает предприятие от юридической и экономической ответственности. Обосновано, что перед передачей функций на аутсорсинг компания должна определить, каковы ее цели, достижение которых зависит от отрасли, экономического положения предприятия, внутренней структуры и планируемой стратегии развития. Показано, что специализированные аутсорсинговые организации обладают передовыми знаниями, стандартизацией и соответствующим опытом в результате многолетнего сотрудничества с клиентами, что позволяет им обеспечить повышение качества предоставляемых услуг и повысить эффективность. В статье проведена систематизация преимуществ аутсорсинга в зависимости от поставленных целей. На основе результатов исследования сформулирован нарратив о том, что аутсорсинг обладает серьезными перспективами для повышения эффективности предпринимательской деятельности.*

Перспективы исследования *состоят в возможности использования полученных результатов в практической деятельности компаний, оценивающих возможности перевода на аутсорсинг части своих вспомогательных функций.*

Ключевые слова: *предпринимательство, бизнес-процессы, функции, эксплуатационные расходы, качество, эффективность, классификации аутсорсинга, преимущества аутсорсинга*

Для цитирования: *Маркеева Г. А. Значение и перспективы аутсорсинга для развития предпринимательской деятельности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 121–127. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-121-127>.*

Original article

THE IMPORTANCE AND PROSPECTS OF OUTSOURCING FOR THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Galina A. Markeeva

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia
galochkamarkeeva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0593-1889, AuthorID RSCI: 530453

Abstract. *The purpose is to theoretically substantiate the importance of outsourcing, which is a tool that supports the policy of enterprises focused on a positive financial result in a crisis, for the development of entrepreneurial activity, as well as the development of promising directions for its application.*

The methodology is based on the theoretical concept of outsourcing development, includes systematization and generalization, a systematic approach to studying the definition of outsourcing, the areas in which it can be used.

Results. *The article presents the definition of outsourcing, the areas in which it can be used, the advantages and risks of delimiting certain areas and transferring them to an external organization. Different types of outsourcing classification are presented depending on different criteria. The differences between outsourcing and cooperation are shown, related to the fact that the transfer of functions to a specialized outsourcing organization does not relieve an enterprise from legal and economic responsibility. It is substantiated that before transferring functions to outsourcing, the company must determine what are its goals, the achievement of which depends on the industry, the economic situation of the enterprise, the internal structure and the planned development strategy. It is shown that specialized outsourcing organizations have advanced knowledge, standardization and relevant experience as a result of many years of cooperation with clients, which allows them to ensure an improvement in the quality of services provided and increase efficiency. The article provides a systematization of the benefits of outsourcing, depending on the goals. Based on the results of the study, a narrative was formulated that outsourcing has serious prospects for increasing the efficiency of entrepreneurial activity.*

Research prospects *lie in the possibility of using the results obtained in the practical activities of companies assessing the possibility of outsourcing some of their auxiliary functions.*

Keywords: *entrepreneurship, business processes, functions, operating costs, quality, efficiency, outsourcing classifications, outsourcing benefits*

For citation: *Markeeva G. A. The Importance and Prospects of Outsourcing for the Development of Entrepreneurial Activity // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 121–127. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-121-127>.*

Введение. Поддержание финансовой ликвидности становится основной проблемой предприятий в период кризисных тенденций. Высокая волатильность рыночных условий, связанная в том числе с последствиями пандемии COVID-19, вынуждает предприятия приспосабливаться к изменениям, которые обеспечивают непрерывность их

деятельности [7]. Одним из способов поиска экономии на предприятиях является аутсорсинг, заключающийся в разделении (полностью или частично) определенных задач, функций и процессов, которые необходимы для правильного функционирования предприятия, но не составляют его основной деятельности. Это решение помогает снизить

эксплуатационные расходы, одновременно повышая качество и более эффективный контроль, и позволяет сосредоточиться на основном бизнесе.

Кризис, связанный с последствиями пандемии, вынуждает многие компании искать значительную экономию, а также оптимизацию и рационализацию операционных расходов. В связи с этим изучение значения и перспективы аутсорсинга для развития предпринимательской деятельности является весьма актуальным.

Результаты. Концепция аутсорсинга пришла из английского языка и является аббревиатурой от слов «external resource using», которые можно перевести как «использование внешних источников». Метод аутсорсинга задач, необходимых для функционирования предприятий, выходящих за рамки его основной отраслевой задачи, используется давно. Название «аутсорсинг» начали использовать в конце 1970-х годов. В литературе определения аутсорсинга семантически схожи [2; 4; 9]. В целом можно констатировать, что этот термин определяет передачу на аутсорсинг, полностью или частично, определенных процессов, необходимых для работы предприятия, внешней организации.

М. Мацукато определяет аутсорсинг как процесс отделения определенных областей, функций от деятельности организации с целью повышения ее эффективности [5]. Аутсорсинг — это сложное понятие, состоящее из двух элементов. Первый — это форма обязательства, при которой конкретная сфера деятельности передается внешнему поставщику, а вторая касается долгосрочного партнерского сотрудничества с внешней организацией, поэтому к аутсорсингу нужно относиться как к процессу.

Помимо этого, аутсорсинг — это стратегическая деятельность с долгосрочными последствиями [10]. На основе анализа условий функционирования аутсорсинга в литературе он рассматривается как проект, заключающийся в отделении выполняемых ими функций от организационной структуры головного предприятия и передаче их для реализации другим хозяйствующим субъектам [1; 8]. В данном исследовании термин «аутсорсинг» будет приравниваться к проекту, заключаю-

щемся в разделении всех или части задач, функций и процессов, необходимых для функционирования собственного предприятия, и передаче их для реализации специализированным сторонним организациям с целью сокращения затрат и улучшения широко понимаемой эффективности предприятия.

Однако стоит отметить разницу между аутсорсингом и обычным проектом. Аутсорсинг требует изменения системы вокруг основного бизнеса и приводит к установлению долгосрочного сотрудничества со специализированной организацией аутсорсинга. Это система партнерства, в которой обе стороны должны извлекать выгоду, а не отношения «поставщик — получатель».

Также важно отличать аутсорсинг от сотрудничества, потому что в случае предприятия передача функций специализированной аутсорсинговой организации не освобождает его от юридической и экономической ответственности. С другой стороны, в случае сотрудничества ответственность юридических лиц может быть распределена в соответствии с условиями, содержащимися в контракте. В литературе и публикациях существует много видов аутсорсинга [3; 8]: в зависимости от экономического положения предприятия мы выделяем аутсорсинг ремонта, наладки, разработки; в зависимости от функций предприятия выделяют основной, вспомогательный или управленческий аутсорсинг; по взаимоотношениям между предприятием и партнером аутсорсинг разделяют на внутренний и внешний; в зависимости от типа отношений между подрядчиком и заказчиком различают контрактный и капитальный аутсорсинг.

Однако основным видом классификации является разделение по размеру передаваемых на аутсорсинг функций, в соответствии с чем выделяют полный аутсорсинг (заключающийся в передаче комплексных услуг в выбранной области деятельности компании) и выборочный (заключающийся в выборе части задач в области, которая будет передана внешней организации). Чаще всего аутсорсинг используется в следующих областях бизнеса: бухгалтерский учет, человеческие ресурсы, обучение, администрирование ИТ-систем, внутренний аудит, налоги, управление основными средствами, закупки, управление документацией, обслуживание

клиентов, маркетинг, продажи, контроллинг и логистика [8].

Использование аутсорсинга в настоящее время является одним из важнейших факторов, способствующих развитию предприятия и влияющих на его состояние. Использование инструментов аутсорсинга в соответствии с потребностями и типом бизнеса позволяет высвободить некоторые ресурсы и перенести их в другие области деятельности.

Наиболее частые причины использования аутсорсинга на предприятии [6; 7]:

- сокращение и контроль операционных расходов;
- перенос фокуса на основную деятельность компании;
- получение доступа к более эффективным и качественным производственным мощностям;
- высвобождение собственных ресурсов для других целей;
- приобретение ресурсов, которых у компании нет;

- привлечение капитала;
- разделение рисков;
- приток денежных средств.

Преимущества использования инструментов аутсорсинга способствуют увеличению активности компании на рынке, повышению качества собственных услуг, увеличению средств для инвестиций, а также укреплению конкурентных позиций при снижении внутренних затрат, связанных с обслуживанием структур компании. Однако, прежде чем компания решит передать функции на аутсорсинг, она должна определить, какова ее цель, поэтому необходимо провести подробный анализ потенциальных выгод, которые хотят получить бизнес-операторы. Некоторые компании хотят добиться финансовой экономии за счет аутсорсинга, другие — улучшить качество работы в определенных областях или снизить риски на определенном уровне. От самого предприятия зависит, будет ли оно стремиться к достижению только одной цели или их всех одновременно. Достижение це-

Таблица 1
Table 1

Преимущества аутсорсинга при достижении целей
Advantages of outsourcing in achieving goals

Группа целей	Цели материнской компании
Стратегические	— сосредоточение внимания на стратегических проблемах; — увеличение свободы стратегической деятельности; — повышение эффективности и результативности операций; — доступ к внешним ноу-хау; — расширение масштабов стратегического воздействия
Товарные	— улучшение конкурентной позиции в сфере поддерживаемой деятельности; — увеличение масштабов деятельности в результате использования высвободившегося потенциала; — концентрация активности
Экономические	— снижение затрат и улучшение их структуры; — улучшение экономических результатов; — снижение экономического риска
Организационные	— сокращение организационной структуры; — упрощение организационных структур и процедур
Оперативные	— сокращение операционных проблем; — повышение качества реализации операционных процессов
Мотивационные	— сравнение собственных результатов с результатами внешних субъектов; — объективизация экономических результатов; — применение экономического мышления и действий

лей во многом зависит от отрасли, экономического положения предприятия, внутренней структуры и планируемой стратегии развития. В таблице 1 представлены систематизированные нами преимущества аутсорсинга при достижении целей.

Стратегической целью материнской компании должно быть стремление к развитию, сосредоточение внимания на основном бизнесе. Достижение стратегических целей с течением времени должно привести к достижению рыночных целей и, следовательно, к улучшению экономических целей. Уменьшение организационных структур приведет к достижению мотивационных целей. Внедрение аутсорсинговых решений направлено на повышение эффективности и результативности во всех вышеперечисленных аспектах, а также на снижение эксплуатационных расходов.

Прогнозы и сценарии будущего. В будущем в России специализированные аутсорсинговые организации будут обладать передовыми знаниями, стандартизацией и соответствующим опытом в результате многолетнего сотрудничества с клиентами. Таким образом, финансовые выгоды от поручения выполнения определенных задач аутсорсинговыми организациям могут быть неоспоримы. Еще одним преимуществом для компаний, использующих внешние организации, является повышение качества выбранных процессов. Это окупается для аутсорсинговых компаний, использующих эффект масштаба для инвестирования в современные технологии, а также для найма и обучения высококлассных специалистов. Это области, которые вносят наибольшую экономию в компании, решившие использовать аутсорсинг.

Однако следует помнить о том, что при выборе аутсорсинговой организации необходимо четко и точно определять потребности и ожидания, и тогда можно значительно снизить затраты, одновременно повысив качество аутсорсинговых задач.

Заключение. Таким образом, аутсорсинг становится все более популярным во всем мире. Кризисные тенденции, связанные с пандемией, динамичное развитие технологий и растущее участие иностранных пред-

приятий в России заставляет предприятия следовать хорошо зарекомендовавшим себя мировым тенденциям. Технологический прогресс позволяет более эффективно управлять процессами, а использование технологически продвинутых ИТ-решений ведет к устранению угроз. Полученные результаты позволяют нам сформулировать нарратив о том, что аутсорсинг обладает серьезными перспективами для повышения эффективности предпринимательской деятельности. Однако, прежде чем начать сотрудничество с внешней организацией, предприятие должно выбрать инструменты аутсорсинга, адаптированные к потребностям и типу бизнеса, определить цели и выбрать надежную и профессиональную внешнюю организацию, тогда использование аутсорсинга принесет пользу обеим сторонам.

Список источников

1. Баник Н., Падалкар М. Распространение гигномики: тренды и эффекты // Форсайт. 2021. №15 (1). С. 19–29.
2. Голубева С. С., Голубниченко М. В. Повышение эффективности деятельности предприятия на основе аутсорсинга // Известия Саратовского университета. Серия. Экономика. Управление. Право. 2019. №4. С. 377–386.
3. Котляров И. Д. Проблемы оценки эффективности аутсорсинга // Вестник Института экономики РАН. 2017. №6. С. 87–99.
4. Кутаева Т. Н., Шекурова А. А. Систематизация подходов к определению понятия «аутсорсинг» // АНИ: экономика и управление. 2020. №2 (31). С. 385–388.
5. Мацукато М. Предпринимательское государство: развеим мифы о государстве и частном секторе // Экономическая социология. 2021. №22 (2). С. 26–41.
6. Стародубцева О. А., Крылова Е. В. Аутсорсинг в энергетических компаниях — основа повышения их конкурентоспособности // Вестник НГИЭИ. 2021. №7 (122). С. 59–69.
7. Трофимова Н. Н. Аутсорсинг бизнес-процессов как ключевая стратегия предприятий в условиях нестабильной экономической ситуации // Управление. 2020. №4. С. 71–78.
8. Черненко В. А., Юрьев С. В. Применение финансового аутсорсинга в отечествен-

ной практике. Экономический вектор. 2019. №1 (16). С. 69–75.

9. Girth A.M. et al. Outsourcing public service delivery: Management responses in noncompetitive markets. *Public Administration Review*. 2012. №72. Pp. 887–900.

10. Isavnin A. G., Farkhutdinov I. I. Sourcing maneuver as a tool to improve the corporate financial position // Дайджест-финансы. 2017. №3 (243). С. 321–331.

References

1. Banik N., Padalkar M. Rasprostranenie gignomiki: trendy i jeffekty [Distribution ignominy: trends and effects]. *Forsajt*. 2021; 15 (1): 19–29. (In Russ.).

2. Golubeva S. S., Golubnichenko M. V. Povyshenie jeffektivnosti dejatel'nosti predpriyatija na osnove outsorsinga [Improving the efficiency of the enterprise on the basis of outsourcing]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija. Jekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. Series. Economy. Management. Right]. 2019; 4: 377–386. (In Russ.).

3. Kotljarov I. D. Problemy ocenki jeffektivnosti outsorsinga [The problems of evaluating the efficiency of outsourcing]. *Vestnik Instituta jekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics]. 2017; 6: 87–99. (In Russ.).

4. Kutaeva T. N., Shekurova A. A. Sistematizacija podhodov k opredeleniju ponjatija «outsorsing» [Systematization of approaches to the definition of «outsourcing»]. *ANI: jekonomika i upravlenie* [ANI: Economics and management]. 2020; 2 (31): 385–388. (In Russ.).

5. Macukato M. Predprinimatel'skoe gosudarstvo: razveem mify o gosudarstve i chastnom sektore [The entrepreneurial state: dispel the myths about the state and the private sector]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology]. 2021; 22 (2): 26–41. (In Russ.).

6. Starodubceva O. A., Krylova E. V. Outsorsing v jenergeticheskikh kompanijah — osnova povyshenija ih konkurentosposobnosti [Outsourcing in energy companies is the basis for increasing their competitiveness]. *Vestnik NGIeI* [Bulletin of the NGIEI]. 2021; 7 (122): 59–69. (In Russ.).

7. Trofimova N. N. Outsorsing biznes-proცessov kak kljuhevaja strategija predpriyatij v uslovijah nestabil'noj jekonomicheskoy situacii [Outsourcing of business processes as a key strategy of enterprises in an unstable economic situation]. *Upravlenie* [Management]. 2020; 4: 71–78. (In Russ.).

8. Chernenko V. A., Jur'ev S. V. Primenenie finansovogo outsorsinga v otechestvennoj praktike [Application of financial outsourcing in domestic practice]. *Jekonomicheskij vektor* [The economic vector]. 2019; 1 (16): 69–75. (In Russ.).

9. Girth A.M. et al. Outsourcing public service delivery: Management responses in noncompetitive markets. *Public Administration Review*. 2012. №72. Pp. 887–900.

10. Isavnin A. G., Farkhutdinov I. I. Sourcing maneuver as a tool to improve the corporate financial position // Дайджест-финансы. 2017. №3 (243). С. 321–331.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021; одобрена после рецензирования 05.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 12.08.2021; approved after reviewing on 05.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркеева Галина Александровна — аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, 69

Galina A. Markeeva — Postgraduate Student, Rostov State University of Economics (RSUE).
69 Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 314.7, 504.03
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-128-141

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК И ПРОГНОЗОВ КЛИМАТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ

Евгения Михайловна Моисеева

Институт демографических исследований

*Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия
evgeniyamoiseeva@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7571-2369, AuthorID РИНЦ: 665294*

Аннотация. Цель исследования. Исследование посвящено обзору и критическому анализу имеющихся на сегодняшний день оценок и прогнозов численности климатических мигрантов, а также методологических подходов, на которых они основаны.

Методология исследования. Рассматриваются базы первичных и вторичных статистических данных по климатической миграции, а также библиографические базы, научные статьи, монографии и доклады по этой теме. Для их анализа применяются стандартные общенаучные методы с целью получения качественной оценки достоинств и недостатков, перспектив и ограничений имеющихся эмпирических данных, методов их сбора и обработки, в том числе при построении прогнозов.

Результаты исследования. Выявлены особенности климатической миграции и ее статистического учета, затрудняющие получение объективной картины масштабов и направлений данных миграционных потоков на основе эмпирических данных. Определены сильные и слабые стороны различных методологических подходов к косвенной оценке численности климатических мигрантов и ее прогнозам.

Перспективы исследования. Проведенный анализ показал, что в целях уточнения количественных оценок климатической миграции необходимо с одной стороны совершенствование систем и методов сбора первичных статистических данных и комплексное применение различных методов ее изучения с другой стороны, поскольку ни один из имеющихся на сегодняшний день методологических подходов не свободен от своих недостатков. Названы наиболее перспективные направления для работы в данном направлении.

Ключевые слова: изменение климата, миграция, климатическая миграция, статистический учет, количественные оценки, методология

Для цитирования: Моисеева Е. М. Методологические проблемы количественных оценок и прогнозов климатической миграции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 128–141. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-128-141>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-310-90021.

Original article

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF QUANTITATIVE ESTIMATES AND FORECASTS OF CLIMATE MIGRATION

Evgeniya M. Moiseeva

*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
evgeniyamoiseeva@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7571-2369, AuthorID RSCI: 665294*

Abstract. *The purpose of the study.* The article is dedicated to a review and critical analysis of the currently existing quantitative estimates and forecasts of climate migration, as well as the methodological approaches which produced them.

The methodological basis of the study. The study considers databases of primary and secondary statistical data on climate migration, as well as bibliographic databases, research papers, monographs and reports on this issue. For their analysis, standard general scientific methods are applied in order to obtain a qualitative assessment of the advantages and disadvantages, prospects and limitations of the available empirical data, as well as methods of their collection and processing, including for making forecasts.

The results of the study. The article reveals the features of climate migration and its statistical accounting, which make it difficult to obtain an objective picture of the scales and directions of such migration flows based on empirical data. The authors outline the strengths and weaknesses of different methodological approaches to the indirect quantitative estimates of climate migration and its forecasts.

The prospects for further research. The analysis showed that in order to improve the assessments of climate migration, it is necessary, on the one hand, to further develop the systems and methods for collecting primary statistical data and, on the other hand, to apply complex methods of its study, since none of the currently existing approaches is free from their shortcomings. The most promising areas for work in this direction are identified.

Keywords: climate change, migration, climate migration, statistical accounting, quantitative estimates, methodology

For citation: Moiseeva E. M. Methodological problems of quantitative estimates and forecasts of climate migration // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 128–141. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-128-141>.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project №20-310-90021.

Введение. В последние годы тема массовых миграций населения, вызванных глобальным изменением климата, привлекает всё больше внимания не только со стороны ученых и международных организаций, но также и широкой общественности. Свидетельством тому можно назвать всё возраста-

ющее количество публикаций по данной проблеме в средствах массовой информации, где зачастую рисуются пугающие апокалиптические картины бегства сотен миллионов человек от «гнева природы», особенно из таких климатически неблагоприятных регионов, как Африка южнее Сахары, Латинская Аме-

рика, Южная, Юго-Восточная и Центральная Азия¹. Предсказывается также, что эта угроза не минует и Россию². Причиной такой общественной обеспокоенности во многом стали количественные оценки и прогнозы численности климатических мигрантов, выдвигаемые учеными и общественными организациями. Максимальная называемая в различных источниках цифра — 1,5 миллиарда вынужденных переселенцев к 2050 г.³. При этом пресса порой распространяет информацию без ссылок на какой-либо конкретный источник, а ученые в своих работах не приводят подробного изложения методологии, на которой были основаны их выводы. К сожалению, эти методологические пробелы зачастую не вызывают вопросов, которые они должны вызывать. Причиной тому, вероятно, является благое намерение привлечь внимание общества к проблемам глобального потепления и заставить правящие круги принять надлежащие меры. Мигранты при этом представляются как «человеческое лицо изменения климата», что является в большей мере политизированным подходом, который уже подвергался критике со стороны академических исследователей [1].

Однако более или менее точные оценки настоящей и будущей численности мигрантов, чье переселение спровоцировано негативными последствиями изменения климата, необходимы для принятия эффективных управленческих решений в области миграционной, экологической и социально-экономической политики стран. Меры, основанные на неверных данных, могут привести к нежелательным результатам. В то же время немалая часть распространяемой сегодня по разным каналам информации происходит

из «серой литературы», которая выпускается всевозможными общественными организациями и не проходила стандартных научных процедур [напр., 2; 3]. Целью нашего исследования является обзор и критический анализ имеющихся на сегодняшний день оценок и прогнозов численности климатических мигрантов, а также методологических подходов, на которых они основаны.

Материалы и методы исследования.

В данной работе рассматриваются базы первичных и вторичных статистических данных по климатической миграции, обзор которых приводится ниже, а также библиографические базы, научные статьи, монографии и доклады по этой теме. Для их анализа применяются стандартные общенаучные методы с целью получения качественной оценки достоинств и недостатков, перспектив и ограничений имеющихся эмпирических данных, методов их сбора и обработки, в том числе при построении прогнозов.

Под климатической миграцией понимается, согласно определению Международной организации по миграции (МОМ), «перемещение лиц или групп лиц, которые главным образом по причинам внезапного или прогрессирующего изменения окружающей среды, вызванного изменением климата, вынуждены покинуть свое постоянное место жительства или решили сделать это временно или безвозвратно в пределах государства или за пределами его границ» [4, с. 31]. Такое определение используется нами как рабочее, поскольку на настоящий момент не существует широкого научного консенсуса относительно данного термина. Также он не имеет юридической силы в международ-

1 Дуэль А. Как избежать катастрофического для людей изменения климата на планете [Электронный ресурс] // Российская газета. 18.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/18/kak-izbezhat-katastroficheskogo-dlia-liudej-izmeneniia-klimata-na-planete.html> (дата обращения: 20.08.2021); Миру предрекли беспрецедентный наплыв мигрантов из Африки и Южной Америки [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Лента.ру». 19.08.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/19/global_migration/ (дата обращения: 20.08.2021); Миллиард человек в ближайшие 50 лет могут стать «климатическими мигрантами» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Медуза». 13.05.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/05/13/milliard-chelovek-v-blizhayshie-50-let-mogut-stat-klimaticheskimi-migrantami> (дата обращения: 20.08.2021).

2 России предрекли наплыв мигрантов из-за изменения климата [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Лента.ру». 04.06.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/06/04/budet_zharko/ (дата обращения: 20.08.2021); Потепление климата: в Россию хлынут мигранты с засыхающего юга [Электронный ресурс] // Сайт телеканала «Вести». 13.04.2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2549949> (дата обращения: 20.08.2021).

3 Climate Change Will Create 1.5 Billion Migrants by 2050 and We Have No Idea Where They'll Go [Электронный ресурс] // Сайт журнала «VICE». 12.09.2019. URL: <https://www.vice.com/en/article/59n9qa/climate-change-will-create-15-billion-migrants-by-2050-and-we-have-no-idea-where-theyll-go> (дата обращения: 12.07.2021).

ном или национальных законодательствах. Данная трактовка понятия климатической миграции является максимально расширенной и охватывает любые перемещения населения, прямо или косвенно вызванные природно-климатическими и экологическими факторами.

Результаты. Первое, что обращает на себя внимание, — как в ранних работах, посвященных климатической миграции, так и в более поздних исследованиях количественные оценки и прогнозы значительно разнятся (см. таблицу 1). Это еще раз свидетельствует о том, что единый методологический подход к таким оценкам не был выработан и по сей день.

До конца 2000-х годов какой-либо агрегированной базы данных по климатической миграции не существовало, поэтому все глобальные оценки, публикуемые исследователями, были косвенными и так или иначе опирались на эмпирические исследования по отдельным регионам (case studies), а также данные о численности и размещении населения и климатические данные (о температурах, влажности, уровне моря и т.д.). Затем появились базы данных о вынужденной миграции из-за природных катастроф, о которых будет подробнее сказано ниже, однако целостные системы статистического учета климатической миграции не созданы и по сей день. Тому можно выделить несколько причин.

1. Прежде всего, отсутствует общепринятое определение климатической миграции, и, следовательно, не может быть однозначно определена сама единица статистического учета, наблюдения и регистрации. Поскольку объект исследования не имеет универсальных четко установленных границ, то невозможно создание единого понятийного аппарата и разработка единой методологии в статистической практике. Немногие страны, в той или иной форме осуществляющие учет климатических и экологических мигрантов (в их числе и Россия⁴), пользуются разными методологиями, поэтому национальные данные не сопоставимы.

2. В случае внезапных природных катастроф не вызывает сомнения, что именно послужило причиной перемещения населения, однако в случае медленно прогрессирующих изменений окружающей среды зачастую сложно установить, являлись ли они основной причиной миграции [13], сложно отделить климатическую миграцию от экономической.

3. Статистический учет легко осуществим в случае организованной миграции: экстренной эвакуации из-за стихийных бедствий или плановых переселений в случае, например, повышения уровня моря или при реализации экологических проектов. Однако в случае неорганизованных переселений получить данные о численности климатических мигрантов возможно только при условии их самостоятельного сообщения по каналам регистрации о причинах перемещения.

4. Статистический учет охватывает только новые перемещения (migrant flow). Не выработаны методы продолжительного наблюдения, которое позволяло бы получить данные о дальнейшей судьбе климатических мигрантов: их возвращении к прежнему месту жительства или последующем переезде на другую территорию. Таким образом, недоступны точные данные о контингенте климатических мигрантов (migrant stock) в том или ином регионе. Работу в этом направлении с 2019 г. начал проводить Internal Displacement Monitoring Center (IDMC)⁵. Даже в случае организованных миграций не ведется учет демографических и социально-экономических характеристик климатических мигрантов: не доступна информация об их поле, возрасте, образовании, уровне дохода и т.д. Это не позволяет на основе статистических данных получить полную картину механизмов и последствий климатической миграции или портрет типичного климатического мигранта.

5. Первичным источником статистических данных о климатической миграции служат, главным образом, отчеты местных властей или неправительственных организа-

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации. Статистические сборники [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.08.2021).

⁵ Global Report on Internal Displacement 2021 [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/global-report/grid2021/> (date accessed: 15.07.2021).

Таблица 1
 Table 1

**Некоторые оценки и прогнозы численности климатических мигрантов в мире (составлено авторами)
 Some estimates and forecasts of the number of climate migrants in the world (compiled by the authors)**

Исследование	Оценка на момент публикации	Прогнозные оценки	Особенности оценки
EI-Hinnawi E. Environmental Refugees (1985) [5]	30 млн. вынужденных переселенцев	–	Изменения окружающей среды рассматриваются как единственная причина роста численности вынужденных мигрантов
Jacobson J. Environmental Refugees: A Yardstick of Habitability (1988) [6]	10 млн. вынужденных переселенцев	–	
Westing A.H. Environmental refugees: a growing category of displaced persons (1992) [7]	15,1 млн. за период 1986–1992 гг.	–	
Myers N. Environmental refugees in a globally warmed world (1993) [8] и др. работы	25 млн. вынужденных переселенцев	50 млн. к 2010 г.; 150–200 млн. к 2050 г.	Исходит из гипотезы, что все население территорий, подверженных негативным последствиям изменения климата, будет мигрировать
Christian Aid. Human Tide: The Real Migration Crisis (2007) [2]	25 млн. вынужденных переселенцев	300 млн. к 2050 г.	
Stern N. The Economics of Climate Change. The Stern Review (2007) [9]	–	150–200 млн. к 2050 г.	Основаны на методологии Н. Майерза
Global Humanitarian Forum. Human Impact Report: Climate Change (2009) [10]	–	78 млн. к 2030 г.	
Rigaud K. et al. Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration (2018) [11]	–	143 млн. мигрантов из-за медленно прогрессирующих изменений окружающей среды в Африке южнее Сахары, Южной Азии и Латинской Америке к 2050 г.	Получена с помощью математического моделирования (гравитационной модели миграции)
Institute for Economics & Peace. Ecological Threat Register 2020: Understanding Ecological Threats, Resilience and Peace (2020) [12]	–	до 1,2 млрд. к 2050 г.	Является оценкой численности населения угрожаемых территорий, а не мигрантов, но неверно трактуется

ций. Из-за их территориально ограниченной юрисдикции затруднен сбор данных о международных миграциях, в том числе не достаточно данных, чтобы подтвердить или опровергнуть теории о связи климатической миграции и конфликтов. Кроме того, сбор статистических данных крайне затруднен в регионах, где уже происходит вооруженный конфликт, который мог быть усугублен климатической миграцией (например, Сирия [14]). С другой стороны, получить полные данные о внутренних миграциях проблематично, поскольку такие перемещения обычно не требуют оформления специальных документов.

6. Поскольку данные о мелких опасных природных явлениях зачастую не собираются на местном уровне и не попадают в отчетность, численность климатических мигрантов может быть недоучтена (даже если учет охватывает только вынужденные перемещения)⁶. Например, согласно методологии IDMC, события, приведшие к перемещению менее 100 тыс. человек, являются мелкими и средними⁷.

7. На методологическом уровне в статистике отсутствует какой-либо подход к определению и учету населения, «попавшего в ловушку» климатических изменений (trapped populations) [15]. Эти люди не являются мигрантами, поскольку не могут покинуть неблагоприятную среду, но они могут быть более уязвимы перед лицом деградации окружающей среды, поскольку вынуждены оставаться на угрожаемой территории часто по причине бедности, которая только усугубляется по мере изменения климата.

Таким образом, первичные данные о численности климатических мигрантов являются неполными и фрагментарными. В качестве источников первичных данных можно назвать следующие (см. табл. 2).

Также в последние 10–15 лет было создано несколько баз вторичных данных о климатической миграции. Наиболее крупными являются следующие проекты (см. табл. 3).

Оценки численности климатических мигрантов, в том числе прогнозные оценки, предлагаемые разными исследователями (см. табл. 1), в значительной мере зависят от используемых ими методов. Э. Пиге выделил шесть типов методологических подходов к изучению миграций, связанных с изменением климата и окружающей среды [18] (табл. 4).

Согласно подсчетам МОМ, распределение методов, использованных в практических исследованиях (case studies) по миграции, вызванной изменениями окружающей среды (environmental migration), за 2017 г. отражено на рис. 1.

Выводы и обсуждение. Представляется, что в целях совершенствования количественных оценок климатической миграции необходимо, с одной стороны, совершенствование систем и методов сбора первичных статистических данных и, с другой стороны, комплексное применение различных методов ее изучения, поскольку ни один из имеющихся на сегодняшний день подходов не свободен от своих недостатков, как показал проведенный анализ. Работа может вестись по следующим направлениям.

1. Разработка и утверждение единого методологического подхода к определению и классификации климатических миграций. Таким образом, станет возможным обеспечение сопоставимости статистических данных, поступающих из разных стран и от различных международных организаций. При этом необходим отдельный учет вынужденных миграций (из-за внезапных стихийных бедствий) и добровольных миграций (из-за медленно прогрессирующего ухудшения условий окружающей среды).

2. Совершенствование систем статистического учета в развивающихся странах при содействии международных организаций (агентств ООН). На сегодняшний день 95% всех вынужденных переселений по причине природных катастроф приходится на страны с низким и средним уровнем дохода (по клас-

6 Global Report on Internal Displacement 2018 [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/global-report/grid2018/> (date accessed: 15.07.2021).

7 Methodological annex [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/global-report/grid2018/downloads/report/2018-GRID-methodological-annex.pdf> (date accessed: 15.07.2021).

Таблица 2
 Table 2

Источники первичных данных о климатической миграции (составлено авторами)
Sources of primary data on climate migration (compiled by the authors)

Источник	Данные
Статистика, собираемая национальными органами власти	Данные о численности лиц, эвакуированных из-за стихийных бедствий
Данные неправительственных организаций	Информация от гуманитарных организаций, оказывающих помощь населению в случае стихийных бедствий
Данные визовых служб	Информация о количестве гуманитарных виз, выданных в связи со стихийными бедствиями (напр., в США, Бразилии, Аргентине, Мексике). Позволяет получить некоторые данные о международной климатической миграции
Специальный проект MOM (Displacement Tracking Matrix) ⁸	Данные, собираемые MOM, о численности внутренне перемещенных лиц ⁹ , в том числе из-за стихийных бедствий
Большие данные (big data)	Данные мобильных телефонов, социальных сетей, на основе которых можно определить, куда перемещались пользователи после стихийных бедствий [16; 17], а также спутниковые изображения ¹⁰ .
Некоторые региональные проекты агентств ООН	Информация о численности климатических мигрантах в странах, охваченных проектами:
	1. Migration, Environment and Climate Change: Evidence for Policy (MECLEP) ¹¹ : Вьетнам, Гаити, Доминиканская Республика, Кения, Маврикий, Папуа-Новая Гвинея;
	2. Pacific Climate Change and Migration (PCCM) ¹² : Тувалу, Науру и Кирибати

⁸ Displacement Tracking Matrix [Electronic resource] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/> (date accessed: 01.02.2021).

⁹ Внутренне перемещенные лица (Internally displaced persons) — лица или группы лиц, которые были вынуждены или обязаны внезапно покинуть свои дома или обычное место жительства в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, внутренней розни, нарушений прав человека или стихийных бедствий или антропогенных катастроф и которые не пересекли международно признанную государственную границу (Guiding Principles on Internal Displacement, annexed to United Nations Commission on Human Rights, Report of the Representative of the Secretary-General, Mr Francis M. Deng, Submitted Pursuant to Commission Resolution 1997/39, Addendum (11 February 1998) UN Doc E/CN.4/1998/53/Add.2, 6).

¹⁰ Migration, Environment and Climate Change: Evidence for Policy (MECLEP) [Electronic resource] // International Organization for Migration. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/projects/migration-environment-and-climate-change-evidence-policy-meclep> (date accessed: 06.07.2021).

¹¹ Pacific Islanders Faced with Migration Can Benefit from Paris Agreement [Electronic resource] // United Nations Climate Change. URL: <https://unfccc.int/news/pacific-islanders-faced-with-migration-can-benefit-from-paris-agreement> (date accessed: 06.07.2021).

¹² Global Internal Displacement Database [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/database> (date accessed: 15.07.2021).

Таблица 3

Table 3

Некоторые базы вторичных данных о климатической миграции (составлено авторами)
Some databases of secondary data on climate migration (compiled by the authors)

База	Данные
Центр мониторинга внутренних перемещений (Internal Displacement Monitoring Centre)	1. Глобальная база данных о численности внутренне перемещенных лиц (Global Internal Displacement Database) ¹³ , в том числе из-за природных катастроф. Агрегирует данные, полученные от МОМ, Международного красного креста, Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, национальных органов власти, неправительственных организаций и средств массовой информации
	2. Модель, позволяющая оценивать риск перемещения из-за природных катастроф в будущем (Global Displacement Risk Model) ¹⁴ . Основана на прогнозах будущих опасных природных явлений, численности населения угрожаемых территорий, вероятности разрушения жилых домов и др. элементов инфраструктуры
	3. Ежегодные оценочные доклады (Global Report on Displacement) ¹⁵
Математические модели	Позволяют прогнозировать численность мигрантов и другие последствия изменения климата в зависимости от сценариев потепления RCP:
	1. Проект HELIX (High-End Climate Impacts and Extremes) ¹⁶ . Позволяет оценить последствия изменения климата в различных регионах мира при различных сценариях потепления
Библиографические базы данных	2. Доклад Всемирного банка Groundswell: Preparing for internal climate migration [11]. Три варианта прогноза численности внутренней миграции из-за медленно прогрессирующих изменений окружающей среды в трех регионах мира (Африке южнее Сахары, Южной Азии и Латинской Америке) до 2050 г. на основе гравитационной модели миграции в зависимости от сценариев изменения климата и социально-экономического развития
	1. Environmental Migration Portal Международной организации по миграции ¹⁷
	2. База данных CLIMIG при Университете Невшателя (Швейцария) ¹⁸
	3. Обсерватория Уго при Льежском университете (Бельгия) ¹⁹
	4. Рабочая группа по изменению климата и миграции при Глобальном информационном партнерстве по миграции и развитию (Global Knowledge Partnership on Migration and Development, KNOMAD) ²⁰ и др.

¹³ Global Internal Displacement Database [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/database> (date accessed: 15.07.2021).

¹⁴ Global Displacement Risk Model [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/database/global-displacement-risk-model> (date accessed: 15.07.2021).

¹⁵ Global Report on Internal Displacement 2021 [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/global-report/grid2021/> (date accessed: 15.07.2021).

¹⁶ HELIX Project (High-End Climate Impacts and Extremes) [Electronic resource]. URL: <https://helixclimate.eu/> (date accessed: 15.07.2021).

¹⁷ IOM's Environmental Migration Portal [Electronic resource] // International Organization for Migration. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/research-database> (date accessed: 15.07.2021).

¹⁸ CLIMIG database [Electronic resource]. URL: <https://climig.com/climig-database/> (date accessed: 15.07.2021).

¹⁹ The Hugo Observatory [Electronic resource] // Université de Liège. URL: https://www.hugo.uliege.be/cms/c_4655083/en/hugo (date accessed: 15.07.2021).

²⁰ Environmental change and migration [Electronic resource] // Global Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD). URL: <https://www.knomad.org/thematic-working-group-single/9#publications> (date accessed: 15.07.2021).

Таблица 4
 Table 4

Классификация методологических подходов к оценкам климатической миграции
 (составлено авторами на основе работы Э. Пиге [18])

Classification of methodological approaches to climate migration estimates (compiled by the authors based on the work of E. Piguet [18])

Подход	Сущность	Достоинства	Недостатки
Экологический ²¹ подход на основе характеристик местности	Установление корреляции между интенсивностью миграции и экологическими характеристиками на той или иной местности	Простота сбора данных и их сопоставимость	Используемые экологические показатели являются слишком общими (напр., количество стихийных бедствий), что не позволяет охватить все механизмы воздействия изменения климата. Также подход не позволяет провести анализ на уровне отдельных лиц, домохозяйств или подгрупп
Выборочные обследования	Проведение социологических опросов и анализ их результатов	Устраняет нехватку данных на уровне отдельных лиц, домохозяйств или групп населения	Дает информацию о миграции после одного конкретного события (напр., урагана) и не позволяет проанализировать все механизмы воздействия изменений климата и окружающей среды на миграцию, а также не охватывает других факторов миграции
Временные ряды	Установление корреляции между изменением интенсивности миграции и экологических характеристик со временем на одной и той же территории	Позволяет установить, в какой степени изменение интенсивности миграции объясняется изменением параметров окружающей среды	Ограниченное число переменных и анализированных временных интервалов затрудняет получение значимых результатов

21 «Экологический» означает, что единицей анализа является не отдельный человек, а группа людей, обычно соответствующая географическому району [18].

Окончание таблицы 4
 End of table 4

Многоуровневый анализ	Объединяет данные о состоянии окружающей среды, данные выборочных обследований и в некоторых случаях временные ряды	Позволяет провести анализ объясняющих факторов на различных уровнях агрегирования для выявления специфики различных пространственных масштабов, а также расширять диапазон анализируемых переменных, повышая точность оценки	Используемые пространственные единицы (как правило, административные) могут не соответствовать масштабу воздействия анализируемого природного явления. Также затруднен анализ климатических данных, помимо простейших (напр., количество осадков)
Агентное моделирование	Компьютерное моделирование поведения агентов, которое приводит к решению о миграции в условиях воздействия множества стимулов	Учитывает неоднородность поведения агентов (напр., в зависимости от пола) и его ограниченную рациональность (в зависимости от владения информацией и т.д.), взаимную обусловленность поведения агентов	Модели поведения агентов неточны из-за ограниченности знаний о воздействии природно-климатических факторов на миграцию. Кроме того, обычные модели поведения не будут работать в случае чрезвычайных ситуаций
Качественные (этнографические) методы	Интервью с жителями угрозных районов, экспертами, использование источников литературы и исторических аналогий	Не вызывают методологических трудностей, в отличие от количественных подходов	Не могут дать никакой количественной оценки интенсивности климатической миграции или степени влияния природно-климатических факторов на миграцию населения

сификации Всемирного банка)²², в то же время подавляющее большинство исследований и инициатив в области климатической миграции осуществляется в странах «глобального севера» [19]. Статистические службы многих развивающихся стран не имеют ресурсов для точного отслеживания всех внутренних перемещений, а климатическая миграция чаще всего является внутренней.

3. Проведение лонгитюдных наблюдений в «горячих точках», где численность климатических мигрантов и населения, проживающего на угрожаемых территориях, особенно велика. Это позволит получить более полную и более достоверную картинку климатической миграции: определить, какие группы населения более подвержены ее риску (каковы их демографические и социально-экономические характеристики), и что происходит с мигрантами после переселения (куда они перемеща-

ются, как долго остаются вне своего постоянного места жительства, какая доля мигрантов возвращается домой, совершают ли они новые миграции в дальнейшем и куда направляются и т.д.). Эта информация крайне важна для разработки мер миграционной и экологической политики в таких регионах и принятия местными органами власти соответствующих управленческих решений. Кроме того, без нее невозможно применение новых методов исследования климатической миграции, таких как агентное моделирование.

4. Применение и совершенствование инновационных методов сбора данных и количественной оценки, в том числе основанных на «больших данных» от операторов сетей мобильной связи, социальных сетей, данных спутникового наблюдения и т.д. Это позволит получить более детальную информацию, когда ресурсы национальных служб статис-

522 исследования за 2017 г.

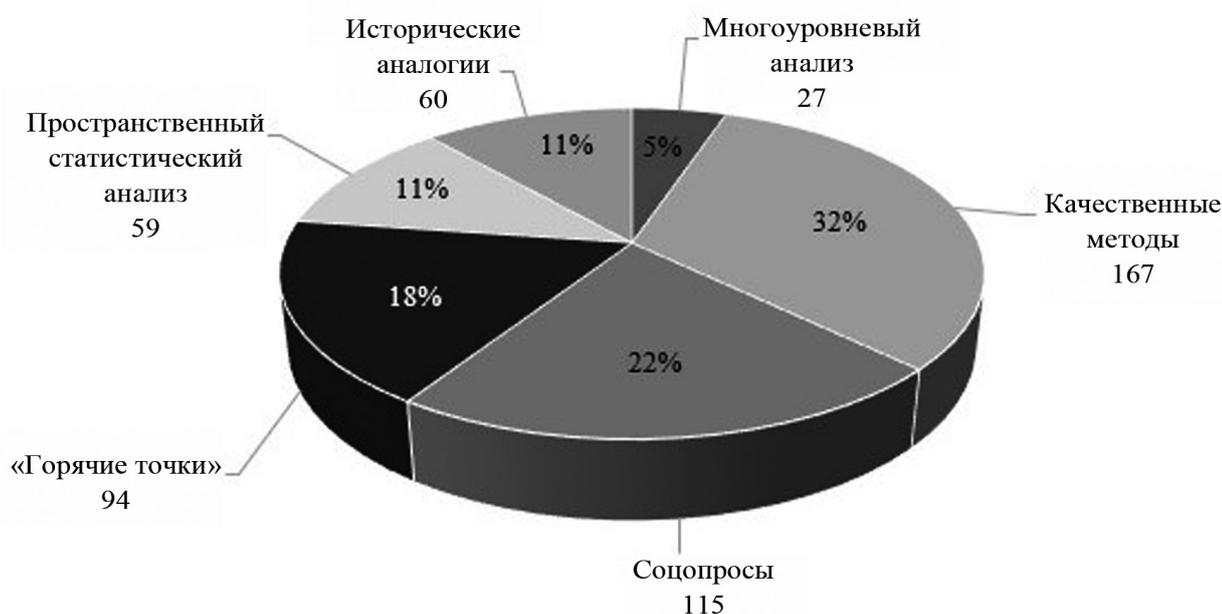

Рис. 1. Распределение исследований миграции, вызванной изменениями окружающей среды, по использованным методам²³
Fig. 1. Distribution of studies of migration caused by environmental changes according to the methods used

²² Global Internal Displacement Database [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/database> (date accessed: 15.07.2021).

²³ Case Studies, Methods and Environmental Migration [Electronic resource] // Migration Data Portal. International Organization for Migration. URL: <https://migrationdataportal.org/infographic/case-studies-methods-and-environmental-migration> (date accessed: 01.02.2021).

тического наблюдения не позволяют отследить все перемещения, особенно перемещения на небольшие расстояния внутри страны или в приграничных районах.

5. Проведение исследований с применением комплексных методов количественной оценки климатической миграции. Проведенный нами анализ показал, что ни один из выработанных на сегодняшний день подходов не свободен от своих недостатков, поэтому применение нескольких методов позволит сократить количество «слепых пятен» в исследованиях и избежать неверной трактовки полученных результатов. Ярким примером тому может служить распространенное и по сей день невольное заблуждение детерминистского подхода, в рамках которого климатические изменения рассматривались как единственный фактор миграции и к числу мигрантов относилось все население угрожаемых территорий.

Список источников

1. Gemenne F. How they became the human face of climate change. Research and policy interactions in the birth of the 'environmental migration' concept. Piguet E. et al. (eds). Migration and climate change. Cambridge University Press, 2011. 354 p.
2. Christian Aid. Human tide: The real migration crisis. London: Christian Aid, 2007. 50 p.
3. Friends of the Earth. A Citizens Guide to Climate Refugees. Melbourne, Australia: Friends of the Earth, 2005. 13 p.
4. International Organization for Migration. Glossary on Migration. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2019. 233 p.
5. El-Hinnawi E. Environmental Refugees. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p.
6. Jacobson J. Environmental Refugees: A Yardstick of Habitability. Bulletin of Science, Technology and Society. 1988. Vol. 8, Issue 3. Pp. 257–258.
7. Westing A.H. Environmental refugees: a growing category of displaced persons. Environmental Conservation. 1992. Vol. 19. №3. Pp. 201–207.
8. Myers N. Environmental refugees in a globally warmed world. BioScience. 1993. Vol. 43. №11. Pp. 752–761.
9. Stern N., Stern N.H. The economics of climate change: the Stern review. London: Cambridge University Press, 2007. 662 p.
10. Annan K. et al. Human Impact Report: Climate Change — The Anatomy of a Silent Crisis. Geneva: Global Humanitarian Forum, 2009. 124 p.
11. Rigaud K., de Sherbinin A., Jones B., Bergmann J., Clement V., Ober K., Schewe J., Adamo S., McCusker B., Heuser S., Midgley A. Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration. Washington, DC: The World Bank, 2018. 222 p.
12. Institute for Economics & Peace. Ecological Threat Register 2020: Understanding Ecological Threats, Resilience and Peace. Sydney, 2020. 91 p.
13. Lukyanets A.S., Ryazantsev S.V., Maksimova A.S., Moiseeva E.M., Manshin R.V. Theoretical, methodological and statistical problems of studying environmental migration. Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. №19. Pp. 227–236.
14. Kelley C. et al. Climate change in the Fertile Crescent and implications of the recent Syrian drought. Proceedings of the National Academy of Science. 2015. Vol. 112. №11. Pp. 3241–3246.
15. Foresight. Migration and global environmental change, final project report. London: The Government Office for Science, 2011. 237 p.
16. Bengtsson L., Lu X., Thorson A., Garfield R., von Schreeb J. Improved Response to Disasters and Outbreaks by Tracking Population Movements with Mobile Phone Network Data: A Post-Earthquake Geospatial Study in Haiti. PLoS Medicine. 2011. Vol. 8. Issue 8.
17. Xin Lu, Wrathall D.J., Sundsoy P.R., Nadiruzzaman E.W., Asif Iqbal T.Q., Tatem A., Canright G., Engø-Monsen K., Bengtsson L. Unveiling hidden migration and mobility patterns in climate stressed regions: A longitudinal study of six million anonymous mobile phone users in Bangladesh. Global Environmental Change. 2016. Vol. 38. Pp. 1–7.
18. Piguet E. Linking climate change, environmental degradation, and migration: a methodological overview. Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. 2010. Vol. 1. Issue 4. Pp. 517–524.
19. Ionesco D., Mokhnacheva D., Gemenne F. The Atlas of Environmental Migration. New York: Routledge, 2017. 368 p.

References

1. Gemenne F. How they became the human face of climate change. Research and policy interactions in the birth of the 'environmental migration' concept. Piguet E. et al. (eds). Migration and climate change. Cambridge University Press, 2011. 354 p.
2. Christian Aid. Human tide: The real migration crisis. London: Christian Aid, 2007. 50 p.
3. Friends of the Earth. A Citizens Guide to Climate Refugees. Melbourne, Australia: Friends of the Earth, 2005. 13 p.
4. International Organization for Migration. Glossary on Migration. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2019. 233 p.
5. El-Hinnawi E. Environmental Refugees. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p.
6. Jacobson J. Environmental Refugees: A Yardstick of Habitability. Bulletin of Science, Technology and Society. 1988. Vol. 8, Issue 3. Pp. 257–258.
7. Westing A.H. Environmental refugees: a growing category of displaced persons. Environmental Conservation. 1992. Vol. 19. №3. Pp. 201–207.
8. Myers N. Environmental refugees in a globally warmed world. BioScience. 1993. Vol. 43. №11. Pp. 752–761.
9. Stern N., Stern N.H. The economics of climate change: the Stern review. London: Cambridge University Press, 2007. 662 p.
10. Annan K. et al. Human Impact Report: Climate Change — The Anatomy of a Silent Crisis. Geneva: Global Humanitarian Forum, 2009. 124 p.
11. Rigaud K., de Sherbinin A., Jones B., Bergmann J., Clement V., Ober K., Schewe J., Adamo S., McCusker B., Heuser S., Midgley A. Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration. Washington, DC: The World Bank, 2018. 222 p.
12. Institute for Economics & Peace. Ecological Threat Register 2020: Understanding Ecological Threats, Resilience and Peace. Sydney, 2020. 91 p.
13. Lukyanets A. S., Ryazantsev S. V., Maksimova A. S., Moiseeva E. M., Manshin R. V. Theoretical, methodological and statistical problems of studying environmental migration. Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. №19. Pp. 227–236.
14. Kelley C. et al. Climate change in the Fertile Crescent and implications of the recent Syrian drought. Proceedings of the National Academy of Science. 2015. Vol. 112. №11. Pp. 3241–3246.
15. Foresight. Migration and global environmental change, final project report. London: The Government Office for Science, 2011. 237 p.
16. Bengtsson L., Lu X., Thorson A., Garfield R., von Schreeb J. Improved Response to Disasters and Outbreaks by Tracking Population Movements with Mobile Phone Network Data: A Post-Earthquake Geospatial Study in Haiti. PLoS Medicine. 2011. Vol. 8. Issue 8.
17. Xin Lu, Wrathall D.J., Sundsoy P.R., Nadiruzzaman E. W., Asif Iqbal T. Q., Tatem A., Canright G., Engø-Monsen K., Bengtsson L. Unveiling hidden migration and mobility patterns in climate stressed regions: A longitudinal study of six million anonymous mobile phone users in Bangladesh. Global Environmental Change. 2016. Vol. 38. Pp. 1–7.
18. Piguet E. Linking climate change, environmental degradation, and migration: a methodological overview. Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. 2010. Vol. 1. Issue 4. Pp. 517–524.
19. Ionesco D., Mokhnacheva D., Gemenne F. The Atlas of Environmental Migration. New York: Routledge, 2017. 368 p.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.
The article was submitted on 01.09.2021; approved after reviewing on 15.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеева Евгения Михайловна — аспирант, младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6

Evgeniya M. Moiseeva — Graduate Student, Junior Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья
УДК 338.025
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-142-147

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ И НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ ПО СОЗДАНИЮ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Евгений Викторович Рожков

*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
erozhkov00@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0886-5928*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ основных нормативных документов по внедрению цифровизации и цифровых платформ, а также изучение механизмов внедрения цифровых платформ по управлению муниципальным имуществом.

Методологическая база исследования представляет анализ материалов, характеризующих экспертные оценки прогнозов положительных последствий по совершенствованию механизмов внедрения цифровых платформ управления собственностью на уровне муниципального образования.

Результаты исследования определили необходимость разработки на основании федеральной нормативно-правовой базы документов на региональном уровнях. Должны быть разработаны такие документы, как Концепции развития цифровой экономики регионов и, соответственно, нормативные документы муниципального образования в сфере «Цифра».

Перспективы исследования. Вклад проведённого исследования в развитие процессов цифровизации муниципальной собственности и внедрения цифровых платформ состоит в уточнении имеющейся нормативно-правовой базы. Развитие нормативной базы по цифровизации — это сегодняшняя необходимость развития экономики нашей страны.

Ключевые слова: цифровизация, цифра, цифровые технологии, документы, нормативно-правовая база, собственность

Для цитирования: Рожков Е. В. Совершенствование механизмов и нормативной базы по созданию цифровой платформы управления муниципальным имуществом // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 142–147. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-142-147>.

Original article

IMPROVEMENT OF MECHANISMS AND REGULATORY FRAMEWORK FOR THE CREATION OF A DIGITAL PLATFORM FOR MUNICIPAL PROPERTY MANAGEMENT

Evgeny V. Rozhkov

*Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
erozhkov00@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0886-5928*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the main regulatory documents for the introduction of digitalization and digital platforms, as well as to study the mechanisms for the introduction of digital platforms for municipal property management.*

The methodological basis of the study is an analysis of materials characterizing expert estimates of forecasts of positive consequences for improving the mechanisms for the introduction of digital property management platforms at the level of the municipality

The results of the study determined the need to develop documents on the basis of the federal regulatory framework at the regional level. Documents such as Concepts for the development of the digital economy of the regions and, accordingly, regulatory documents of the municipality in the sphere of "Figure" should be developed.

Research perspectives. *The contribution of the study to the development of the processes of digitalization of municipal property and the introduction of digital platforms is to clarify the existing regulatory framework. The development of the regulatory framework for digitalization is the current need for the development of our country's economy.*

Keywords: *digitalization, figure, digital technologies, documents, regulatory framework, property*

For citation: *Rozhkov E. V. Improvement of mechanisms and regulatory framework for the creation of a digital platform for municipal property management // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 142–147. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-142-147>.*

Введение. Цифровизация регионов подразумевает оцифровку государственных сервисов, органов власти, общественных пространств, крупного, малого и среднего бизнеса [8].

Сегодня уже необходимо говорить о том, что наше общество постоянно характеризуется увеличением непрерывного потока информации. Современные технологии используются уже не с точки зрения собственного развития, а возможности их использования и формирования решения проблем экономического и социального развития [5]. Наблюдаемые тенденции позволяют охарактеризовать процесс цифровизации как устойчивый и долгосрочный [9].

Цифровая платформа является новой бизнес-моделью в сфере цифровой экономики, которая обеспечивает население и бизнес соответствующими услугами в качестве посредника, удовлетворяющего и представляющего их интересы. Большое влияние на бизнес оказывает уменьшение транзакционных издержек, приводящее к повышению эффективности предпринимательской деятельности.

Обзор научно-исследовательской литературы. Изучением процессов, связанных с цифровыми платформами, занимались как

зарубежные авторы, такие как Н. Амар [10], Р. Бадентер [11], М. Клемент-Фонтейн [12], О. Лобел [13], так и российские: В. Ж. Дубровский [4], А. Н. Пыткин [7], А. М. Болотов [1] и другие.

Методология исследования. В рамках проведённого исследования автором статьи были рассмотрены вопросы, связанные с изучением имеющихся нормативных документов по созданию и усовершенствованию цифровых платформ по управлению муниципальным имуществом. Проанализированы материалы, характеризующие экспертные оценки прогнозов положительных последствий по усовершенствованию механизмов внедрения цифровых платформ управления собственностью. Изучены существующие компетентные мнения и результаты качественных исследований по основным проблемам и вызовам внедрения цифровых технологий, материалы по текущей ситуации и перспективным направлениям в этой сфере, в том числе с опорой на существующий зарубежный опыт. Использовались общенаучные методы исследования: описательный, содержательного анализа, сравнительного анализа и синтеза полученной информации [2].

Результаты исследования. В настоящее время в нашей стране имеется достаточное количество нормативно-правовых актов, положения которых применяются к цифровой экономике. Также имеются отдельные нормативные документы, которые были разработаны специально для регламентирования «цифры» и соответственно отражают её специфику и динамику развития, в основном касающиеся электронного документооборота между ведомствами [6].

Кроме того, необходимо отметить, что на основании федеральной существующей нормативно-правовой базы должны разрабатываться региональные нормативные документы (например, Концепции развития цифровой экономики) и, соответственно, нормативные документы муниципального образования в сфере «Цифра».

Для обеспечения правового режима в области цифровизации и связанной с использованием IT-технологий необходимо усовершенствование нормативной базы (табл. 1) [6].

Также в рамках нормативного регулирования необходимо в полной мере учитывать предложения по нормативно-правовому регулированию других базовых и прикладных направлений цифровизации [6].

Обсуждение результатов исследования. Цифровая платформа как бизнес-модель представляет собой модель обеспечения посредством технологической площадки прямого взаимодействия [3].

Для проведения цифровизации городов в отдельно взятом регионе на уровне субъекта должны быть разработаны программы, приоритетные для своей территории (сквоз-

ных цифровых технологий), как в сфере цифровой экономики, так и по развитию информационной инфраструктуры, внедрения автоматизированных информационных систем.

Заключение. В нацпроекте «Цифровая экономика» до 2024 года предусмотрено создание универсальной цифровой платформы инвентаризации. Также задачей до 2024 года является формирование информационной инфраструктуры, увеличение рабочих мощностей серверного оборудования и объёмов систем хранения данных, обеспечение прозрачности процессов учёта и распоряжения имуществом (на муниципальном и региональном уровнях). В итоге цифровизация собственности приведёт к увеличению её стоимости и улучшению использования с экономической точки зрения.

Условия меняющейся экономики, конкуренция, необходимость оперативной обработки информации, баз данных способствуют росту стоимости имущества, в т.ч. при условии внедрения процессов, по его «оцифровке».

Принято считать, что цифровизация собственности позволит преобразовать потоки аналоговых данных в цифру и перевести имеющиеся коммуникации в компьютерные технологии — это будет первым шагом к достижению цели. Далее необходимо будет завершить автоматизацию всех процессов (в инфраструктуре) и обеспечить современным оборудованием с поддержкой цифровых технологий.

Таблица 1
Table 1

**Направление правовой среды
The direction of the legal environment**

№	Направление	Задачи
1	Цифровое государственное управление	Внедрение цифровых платформ и платформенных решений в области государственного управления и оказания государственных услуг
2	Нормативное регулирование	Создание системы поддержки правового регулирования. Внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий

Список источников

1. Болотов А. М. Анализ концепции развития цифровой экономики Пермского края в 2018–2024 годах // Современная торговля: теория, практика, инновации. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 15-летию Пермского торгово-экономического образовательного комплекса (ассоциации) «Торговое образование» (Пермь, 15 ноября — 11 декабря). 2018. С. 67–72.

2. Бондаренко В. А., Гузенко Н. В. Цифровая сфера здравоохранения России: «умные технологии» в обеспечении качества жизни // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). 2021. №1. С. 103–113.

3. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. №6. С. 22–36.

4. Дубровский В. Ж., Бурак А. А. Опыт и перспективы программно-целевого управления сложноорганизованными экономическими системами // Современные управленческие технологии: от теории и методологии к практическим решениям. Монография. Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2016. С. 60–78.

5. Киселёв М. Н., Немцев В. Н. Умные технологии в экономике и управлении // Умные технологии в современном мире: материалы юбилейной всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, 20–23 ноября). 2018. Т. 1. С. 145–150.

6. Миронова О. В., Гладких С. Д., Канавнин Е. А. Проблемы нормативного регулирования цифровой экономики и перспективы его развития в России // Проблемы российской экономики на современном этапе. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 12 апреля). 2019. С. 150–156.

7. Пыткин А. Н., Урасова А. А. Пермский край как пространство для развития цифровой промышленности: экспертный анализ // Пермский край: цифровое будущее здесь

и сейчас: материалы V Пермского экономического конгресса (Пермь, 28 марта). Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 311–318.

8. Свиридова В. В. Мониторинг внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную сферы регионов // Modern Science. 2020. №8–2. С. 316–320.

9. Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 244–255.

10. Amar N., Lonis-Charles Viossat. Les plateformes collaboratives, l'emploi et la protection sociale // Inspection Generale des Affaires Sociales. 2015. P. 1.

11. Badinter R., Antoine Lyon-Caen. Le Travail et la loi // Paris: Fayard, 2015. P. 1.

12. Clement-Fontaine M. La genese de l'Economie Collaborative: le Concept de Communautaire // Dalloz IP/IT, 2017. №3. P. 1.

13. Lobel O. The Gig Economy and Labor Law. USF L Rev 51 // People First: The Primacy of People in a Digital Age. 2017. 51 p.

References

1. Bolotov A. M. Analiz koncepcii razvitiya cifrovoj jekonomiki Permskogo kraja v 2018–2024 godah [Analysis of the concept of the development of the digital economy of the Perm Territory in 2018–2024]. *Sovremennaja trgovlja: teorija, praktika, innovacii. Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhjonnoj 15-letiju Permskogo trgovovo-jekonomicheskogo obrazovatel'nogo kompleksa (associacii) «Torgovoe obrazovanie» (Perm', 15 nojabrja — 11 dekabrja)* [Modern trade: theory, practice, innovation. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 15th anniversary of the Perm Trade and Economic Educational Complex (Association) «Trade Education» (Perm, November 15 — December 11)]. 2018; 67–72. (In Russ.).

2. Bondarenko V. A., Guzenko N. V. Cifrovaja sfera zdravoochranenija Rossii: «umnye tehnologii» v obespechenii kachestva zhizni [Digital sphere of health care of Russia: «smart technologies» in ensuring the quality of life]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo*

tehničeskogo universiteta (NPI) [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI)]. 2021; 1: 103–113. (In Russ.).

3. Gelishanov I.Z., Judina T.N., Babkin A.V. Cifrovye platformy v jekonomike: sushhnost', modeli, tendencii razvitija [Digital platforms in economics: essence, models, development trends]. *Nauchno-tehničeskie vedomosti SPbG-PU. Jekonomičeskie nauki [Scientific and technical statements of St. Petersburg State Pedagogical University. Economic sciences]. 2018; 11, 6: 22–36. (In Russ.).*

4. Dubrovskij V. Zh., Burak A.A. Opyt i perspektivy programmno-celevogo upravlenija slozhnoorganizovannymi jekonomičeskimi sistemami [Experience and prospects of software-targeted management of complex economic systems]. *Sovremennye upravlencheskie tehnologii: ot teorii i metodologii k praktičeskim rešenijam. Monografija. Ural'skij gosudarstvennyj jekonomičeskij universitet [Modern management technologies: from theory and methodology to practical solutions. Monograph. Ural State University of Economics]. Ekaterinburg, 2016; 60–78. (In Russ.).*

5. Kisel'jov M.N., Nemcev V.N. Umnye tehnologii v jekonomike i upravlenii [Smart technologies in economics and management]. *Umnye tehnologii v sovremennom mire: materialy jubilejnoj vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, posvjashhjonnoj 75-letiju Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (Cheljabinsk, 20–23 nojabrja) [Smart technologies in the modern world: materials of the anniversary all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of South Ural State University (Chelyabinsk, November 20–23)]. 2018; 1: 145–150. (In Russ.).*

6. Mironova O.V., Gladkih S.D., Kanavnin E.A. Problemy normativnogo regulirovanija cifrovoj jekonomiki i perspektivy ego razvitija v Rossii [Problems of regulatory regulation of the digital economy and prospects for its development in Russia]. *Problemy rossijskoj jekonomiki na*

sovremennom jetape. Materialy vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Moskva, 12 aprelja) [Problems of the Russian economy at the present stage. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, April 12)]. 2019; 150–156. (In Russ.).

7. Pytkin A.N., Urasova A.A. Permskij kraj kak prostranstvo dlja razvitija cifrovoj promyshlennosti: jekspertnyj analiz [Perm Territory as a space for the development of the digital industry: expert analysis]. *Permskij kraj: cifrovoe budushhee zdes' i sejchas: materialy V Permskogo jekonomičeskogo kongressa (Perm', 28 marta) [Perm Territory: the digital future here and now: materials from the V Perm Economic Congress (Perm, March 28)]. Permskij gos. nac. issled. unt, 2019; 311–318. (In Russ.).*

8. Sviridova V.V. Monitoring vnedrenija cifrovyh tehnologij v jekonomičeskiju i social'nuju sfery regionov [Monitoring the introduction of digital technologies in the economic and social spheres of the regions]. *Modern Science. 2020; 8–2: 316–320. (In Russ.).*

9. Tkachenko I.N., Starikov E.N. Cifrovaja jekonomika: osnovnye trendy i zadachi razvitija [Digital economy: the main trends and development tasks]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Jekonomika. Upravlenie. Pravo [News of Saratov university. New. ser. Economics. Management. Law]. 2020; 20 (3): 244–255. (In Russ.).*

10. Amar N., Lonis-Charles Viostat. Les plateformes collaboratives, l'emploi et la protection sociale // Inspection Generale des Affaires Sociales. 2015. P. 1.

11. Badinter R., Antoine Lyon-Caen. Le Travail et la loi // Paris: Fayard, 2015. P. 1.

12. Clement-Fontaine M. La genese de l'Economie Collaborative: le Concept de Communauté // Dalloz IP/IT, 2017. №3. P. 1.

13. Lobel O. The Gig Economy and Labor Law. *USF L Rev* 51 // *People First: The Primacy of People in a Digital Age*. 2017. 51 p.

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 08.09.2021; approved after reviewing on 14.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рожков Евгений Викторович — аспирант кафедры «Экономика предприятий», Уральский государственный экономический университет.

Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

Evgeny V. Rozhkov — Postgraduate Student of the Department of Enterprise Economics, Ural State University of Economics.

62/45 8 Marta / Narodnoy Voli st., Ekaterinburg, Russia

Научная статья
УДК 336.64
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-148-155

ОПТИМИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ирина Борисовна Рудская^{1✉},
*Наталья Николаевна Шукшина*², *Анастасия Геннадьевна Миргород*³

^{1, 2, 3}*Азово-Черноморский инженерный институт,
Донской государственный аграрный университет, Зерноград, Россия*
¹*i.rudskaya@mail.ru*[✉], *AuthorID РИНЦ: 526214*, ²*shukshina.92@mail.ru*, ³*zwx.1@mail.ru*

Аннотация. *Целью исследования* является оптимизация финансовой политики организации для сокращения ее финансовых рисков и обеспечения устойчивости функционирования.

Методологическую базу исследования представляют классические методы научных исследований: аналитический, абстрактно-логический, интерпретации, статистико-экономический, графический.

Результаты исследования. В ходе проведения финансового анализа результатов деятельности сельскохозяйственной организации ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» были выявлены финансовые риски, угрожающие ее финансовой безопасности. Минимизация выявленных рисков основана на использовании ОАО «Конный завод имени Первой Конной армии» умеренной финансовой политики вместо агрессивной.

Перспективу исследования составляет практическая реализация предложенных направлений и фиксация последующей динамики показателей финансовой устойчивости и платёжеспособности рассматриваемой организации, а также проведение диагностики типа финансовой политики других сельскохозяйственных организаций с целью разработки мероприятий по ее оптимизации.

Ключевые слова: финансовая политика, финансовые риски, сельское хозяйство, собственный капитал, заемный капитал

Для цитирования: Рудская И. Б., Шукшина Н. Н., Миргород А. Г. Оптимизация финансовой политики сельскохозяйственной организации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 148–155. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-148-155>.

Original article

OPTIMIZING THE FINANCIAL POLICY OF AGRICULTURAL ORGANIZATION

Irina B. Rudskaya^{1✉}, *Natalia N. Shukshina*², *Anastasia G. Mirgorod*³

^{1, 2, 3}*Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University, Zernograd, Russia*
¹*i.rudskaya@mail.ru*[✉], *AuthorID RSCI: 526214*, ²*shukshina.92@mail.ru*, ³*zwx.1@mail.ru*

Abstract. *The purpose of the study is to optimize the financial policy of the organization to reduce its financial risks and ensure the sustainability of its functioning.*

The methodological basis of the research is represented by the classical methods of scientific research: analytical, abstract-logical, interpretation, statistical and economic, graphic.

Research results. *In the course of the financial analysis of the results of the activities of the agricultural organization OJSC «Horse Factory named after the First Horse Army», financial risks were identified that threaten its financial security. The minimization of the identified risks is based on the use of a moderate financial policy instead of an aggressive one by OJSC «Horse Factory named after the First Cavalry Army».*

The prospect of the study *is the practical implementation of the proposed directions and the fixation of the subsequent dynamics of indicators of financial stability and solvency of the organization in question, as well as diagnostics of the type of financial policy of other agricultural organizations in order to develop measures to optimize it.*

Keywords: *financial policy, financial risks, agriculture, equity capital, debt capital*

For citation: *Rudskaya I. B., Shukshina N. N., Mirgorod A. G. Optimizing the financial policy of agricultural organization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 148–155. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-148-155>.*

Введение. Целью разработки финансовой политики организации является построение эффективной системы управления финансами, направленной на достижение ее стратегических и тактических задач. Выбор нерациональной, неэффективной финансовой политики может привести к потере организацией своей финансовой независимости, ухудшению финансовых результатов деятельности, показателей финансовой устойчивости, платежеспособности и ликвидности организации [1; 6].

Методика. Информационной, методической и теоретической основой настоящего исследования послужили труды специалистов в области финансового анализа деятельности сельскохозяйственных предприятий [4–10]. В ходе исследования применялись классические методы научных исследований: аналитический, абстрактно-логический, интерпретации, статистико-экономический, графический.

Результаты исследования. В ходе проведения анализа финансового состояния ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» зерноградского района Ростовской области были установлены финансовые риски, систематизированные в виде рис. 1, под-

тверждающие неэффективность действующей в организации финансовой политики.

Из рисунка 1 видно, что рассматриваемой сельскохозяйственной организации угрожает потеря финансовой автономии вследствие превалирования доли заемного капитала в общей совокупности источников финансирования организации. В среднем за исследуемый трехлетний период ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» на 64,0% финансировало свою деятельность за счет заемного капитала. Расширение финансирования благодаря использованию заемных средств может привести к увеличению коэффициента финансового левериджа, отражающего уровень финансового риска [3].

От оптимальности соотношения собственного капитала и заемного зависит финансовое состояние предприятия, а разработка правильной финансовой стратегии помогает увеличить эффективность производственно-финансовой деятельности [2; 6].

Важным направлением улучшения финансовой устойчивости и платежеспособности ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» является оптимизация соотношения собственного и заемного капитала. Оценка различных вариантов структуры капитала анализируемой организации приведена в таблице 1. Из таблицы 1 видно, что

Рис. 1. Выявленные в ходе анализа финансовой устойчивости и платёжеспособности финансовые риски исследуемой организации

Fig. 1. The financial risks of the studied organization identified during the analysis of financial stability and solvency

в качестве критерия оптимизации соотношения собственного и заемного капитала нами был использован обобщающий показатель, который, с одной стороны, учитывает интересы собственников предприятия, с другой — соединяет в себе частные показатели рентабельности и финансового риска, т.е. оценивали соотношение «рентабельность — финансовый риск» (РР). Оптимальным считается тот вариант структуры источников капитала, в котором показатель РР будет иметь наибольшее значение (РР→max). Срок окупаемости характеризует скорость возврата вложенного капитала и является еще одним критерием оценки, который также может быть использован для оптимизации структуры источников капитала.

В результате проведенных расчетов приходим к выводу, что при повышении доли заемного капитала растет и рентабельность использования собственных средств, но одновременно возрастает и уровень финансового риска. Рассматривая обобщающий показатель «рентабельность — риск», видно, что его максимального значения (36) ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» может добиться при удельном весе заемного капитала 20%, но, на наш взгляд, этой суммы заемных средств будет недостаточно для приобретения внеоборотных активов, запасов и для расширенного воспроизводства.

При удельном весе заемного капитала 80% показатель «рентабельность — риск» составит 30,882, но такая доля заемного капитала влечет потерю финансовой независимости рассматриваемого предприятия, а также имеет следующие негативные моменты [4; 8]:

— привлечение заемных средств в больших объемах (в форме кредитов и займов) порождает наиболее опасные для организации финансовые риски: кредитный, процентный, риск потери ликвидности и др.;

— возникают дополнительные расходы по обслуживанию долга перед кредиторами;

— высокая зависимость стоимости заемного капитала от колебаний на кредитном рынке (особенно при долгосрочном заимствовании средств);

— сложность процедуры привлечения заемных средств (особенно в крупных размерах и на срок более одного года), так как

предоставление кредитных ресурсов зависит от возможностей банков, требующих залога имущества, или солидарных гарантий других хозяйствующих субъектов.

Поэтому, с нашей точки зрения, наиболее оптимальное соотношение заемного и собственного капиталов находится в пропорции 40/60, при котором показатель «рентабельность — риск» составит 21,882.

Обсуждение. Полученные в ходе исследования результаты позволяют нам высказать свое мнение.

Вследствие присущей сельскохозяйственной деятельности сезонности производства у аграрных товаропроизводителей постоянно возникает потребность в заемном капитале. Однако, превалирование доли заемных средств в общем объеме финансирования может привести к увеличению зависимости от кредиторов и потере предприятием финансовой автономии. Доля заемных средств, на наш взгляд, не должна превышать 50% в структуре капитала сельскохозяйственной организации. При выборе оптимального соотношения собственного и заемного капитала необходимо учитывать соотношение «рентабельность — риск».

Заключение. В ходе проведенного финансового анализа было установлено, что деятельности ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» присущи весьма существенные финансовые риски, угрожающие его финансовой автономии, из этого авторы пришли к выводу о нерациональности проводимой агрессивной финансовой политики. Проведя расчеты различных вариантов финансирования деятельности анализируемой организации, выяснили, что наиболее оптимальное соотношение заемного и собственного капиталов находится в пропорции 40/60, при котором показатель «рентабельность — риск» составит 21,882. По нашему мнению, ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии» целесообразно применять умеренную финансовую политику, оптимизировать объем заемного капитала и дебиторской задолженности. Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать повышению финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности анализируемого пред-

Таблица 1
 Table 1

Оценка оптимальной структуры капитала ОАО «Конный завод имени Первой Конной Армии»
 Assessment of the optimal capital structure of JSC «Horse Factory named after the First Horse Army»

Показатели	Структура капитала, % (ЗК/СК)							
	0/100	20/80	40/60	50/50	60/40	80/20	100/0	
Потребность в капитале из всех источников финансовых ресурсов, тыс. руб.	1604835	1604835	1604835	1604835	1604835	1604835	1604835	1604835
Величина собственного капитала, направленного на финансирование (СК), тыс. руб.	1604835	1283868	962901	802418	641934	320967	0	0
Величина заемного капитала, направленного на финансирование (ЗК), тыс. руб.	0	320967	641934	802418	962901	1283868	1604835	1604835
Безрисковая ставка рентабельности, доли единицы	–	–	–	–	–	–	–	–
Средняя расчетная ставка ссудного процента, доли единицы	0,042	0,042	0,042	0,042	0,042	0,042	0,042	0,042
Годовая величина прибыли до налогообложения и выплаты процентов, тыс. руб.	475111	475111	475111	475111	475111	475111	475111	475111
Ставка налога на прибыль, доли единицы	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Рентабельность собственного капитала, доли единицы	0,237	0,288	0,372	0,44	0,542	1,05	–	–
Уровень финансового риска, доли единицы	–	0,008	0,017	0,021	0,025	0,034	0,042	0,042
Показатель «рентабельность — риск» (РР), доли единицы	–	36	21,882	20,952	21,68	30,882	–	–
Скорость возврата вложенного капитала, лет	4,2	4,3	4,5	4,5	4,6	4,8	–	–

приятия, минимизации финансовых рисков и достижению оптимального уровня его финансовой безопасности.

Список источников

1. Коновалова У.Е. Улучшение финансовой устойчивости и платежеспособности предприятия // Современная экономика: проблемы, пути решения, перспективы. Самарский государственный аграрный университет. Самара: Кинель, 2020. С. 189–192.

2. Рудская И.Б., Головина Д.В. Анализ финансовых результатов деятельности агропредприятий // Учет, анализ и аудит: новые задачи в обеспечении безопасности и ответственность перед бизнесом. М.: РУСАЙНС, 2020. С. 145–154.

3. Рудская И.Б., Шукшина Н.Н. Диагностика уровня финансовой устойчивости организации АПК // Роль налогового планирования и учетно-аналитического обеспечения в безопасности функционирования хозяйствующих субъектов. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 581–589.

4. Савицкая Г.В. Проблемные аспекты определения эффекта финансового рычага // Экономический анализ: теория и практика. М., 2016. №5. С. 99–111.

5. Соколова В.П. Экономико-математические методы для анализа финансового состояния предприятия // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Человек, общество и государство в современном мире». Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2016. С. 194–198.

6. Тагирова О.А., Пестова О.Н. Анализ реализации финансовой политики сельскохозяйственной организации // Сурский вестник. Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2020. №3 (11). С. 92–99.

7. Хамбулатова З.Р. Теоретические основы анализа финансовой устойчивости и платежеспособности предприятия // Актуальные вопросы современной экономики. Махачкала: Институт развития образования и консалтинга, 2020. №4. С. 76–81.

8. Хаупшева Д.М. Финансовый анализ как методика управления платежеспособностью и финансовой устойчивостью // На-

учные записки молодых исследователей. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2017. №4. С. 11–15.

9. Kirpikov A. N., Nugaev F. S. Relevant approaches to performing analysis of financial results of organization's activity with application of factor models // International Business Management. Emerald Group Publishing Ltd., 2016. P. 98–101.

10. Zimakova L.A., Kovalevskaja A.V. Phases of Evaluation of Projected Financial Results from Ordinary Activities of a Manufacturing Company // International Business. Medwell Journals, 2016. P. 137–142.

References

1. Konovalova U. E. Uluchshenie finansovoj ustojchivosti i platezhesposobnosti predpriyatija [Improving the financial stability and solvency of the enterprise]. *Sovremennaja jekonomika: problemy, puti reshenija, perspektivy*. Camarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet [Modern economy: problems, solutions, prospects. Samara State Agrarian University]. Samara: Kinel', 2020; 189–192. (In Russ.).

2. Rudskaja I. B., Golovina D. V. Analiz finansovyh rezul'tatov dejatel'nosti agropredpriyatij [Analysis of financial results of agricultural enterprises' activities]. *Uchet, analiz i audit: novye zadachi v obespechenii bezopasnosti i otvetstvennost' pered biznesom* [Accounting, analysis and audit: new tasks in ensuring security and responsibility to business]. Moscow: RUSAJNS, 2020; 145–154. (In Russ.).

3. Rudskaja I. B., Shukshina N. N. Diagnostika urovnja finansovoj ustojchivosti organizacii APK [Diagnostics of the level of financial stability of the agro-industrial complex organization]. *Rol' nalogovogo planirovanija i uchetno-analiticheskogo obespechenija v bezopasnosti funkcionirovanija hozjajstvujushhh sub'ektov* [The role of tax planning and accounting and analytical support in the safety of the functioning of economic entities]. Moscow: RUSAJNS, 2021; 581–589. (In Russ.).

4. Savickaja G. V. Problemnye aspekty opredelenija jeffekta finansovogo rychaga [Problematic aspects of determining the effect of financial leverage]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. Moscow, 2016; 5: 99–111. (In Russ.).

5. Sokolova V.P. Jekonomiko-matematicheskie metody dlja analiza finansovogo sostojanija predprijatija [Economic and mathematical methods for analyzing the financial condition of an enterprise]. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Chelovek, obshhestvo i gosudarstvo v sovremennom mire» [Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference «Man, society and the state in the modern world»]. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet, 2016; 194–198. (In Russ.).

6. Tagirova O.A., Pestova O.N. Analiz realizacii finansovoj politiki sel'skohozjajstvennoj organizacii [Analysis of the implementation of the financial policy of an agricultural organization]. *Surskij vestnik* [*Sursky Vestnik*]. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet, 2020; 3 (11): 92–99. (In Russ.).

7. Hambulatova Z.R. Teoreticheskie osnovy analiza finansovoj ustojchivosti i platezhesposobnosti predprijatija [Theoretical foundations of the analysis of financial stability and solvency of

the enterprise]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj jekonomiki* [*Current issues of the modern economy*]. Mahachkala: Institut razvitija obrazovanija i konsaltinga, 2020; 4: 76–81. (In Russ.).

8. Haupsheva D.M. Finansovyj analiz kak metodika upravlenija platezhesposobnost'ju i finansovoj ustojchivost'ju [Financial analysis as a method of managing solvency and financial stability]. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej* [*Scientific notes of young researchers*]. Moscow: Finansovyj universitet pri Pravitel'stve RF, 2017; 4: 11–15. (In Russ.).

9. Kirpikov A.N., Nugaev F.S. Relevant approaches to performing analysis of financial results of organization's activity with application of factor models // *International Business Management*. Emerald Group Publishing Ltd., 2016. P. 98–101.

10. Zimakova L.A., Kovalevskaja A.V. Phases of Evaluation of Projected Financial Results from Ordinary Activities of a Manufacturing Company // *International Business*. Medwell Journals, 2016. P. 137–142.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 02.09.2021; approved after reviewing on 12.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудская Ирина Борисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», Азово-Черноморский инженерный институт, Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Зерноград, ул. Ленина, 21

Irina B. Rudskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University.

21 Lenin st., Russia, Zernograd

Шукшина Наталья Николаевна — магистрант, направление подготовки «Экономика», Азово-Черноморский инженерный институт, Донской государственной аграрный университет. Россия, г. Зерноград, ул. Ленина, 21

Natalya N. Shukshina — Master's Student, direction of training «Economics», Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University.
21 Lenin st., Russia, Zernograd

Миргород Анастасия Геннадьевна — магистрант, направление подготовки «Экономика», Азово-Черноморский инженерный институт, Донской государственной аграрный университет. Россия, г. Зерноград, ул. Ленина, 21

Anastasia G. Mirgorod — Master's Student, direction of training «Economics», Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University.
21 Lenin st., Russia, Zernograd

Вклад авторов:

Рудская И. Б. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Шукшина Н. Н. — исследование финансовых рисков анализируемой организации, итоговые выводы.

Миргород А. Г. — определение оптимальной структуры капитала исследуемой организации, итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Rudskaya I. B. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Shukshina N. N. — research of financial risks of the analyzed organization, final conclusions.

Mirgorod A. G. — determination of the optimal capital structure of the studied organization, final conclusions.

Научная статья
УДК 004+658
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-156-170

КАК ОЦЕНИТЬ И МИНИМИЗИРОВАТЬ ЗАТРАТЫ ВРЕМЕНИ И ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ НА ПРОЦЕССЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАЖДАН: МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Георгий Николаевич Хубаев

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия
gkhubaev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1986-926X, AuthorID РИНЦ: 154667*

Аннотация. *Целью исследования* является разработка методики, основанной на использовании совокупности апробированных методов и инструментальных средств, для оценки и минимизации затрат времени и финансовых ресурсов на обучение граждан.

Методологическую базу исследования представляют экономическая теория, статистические методы, экономико-математические методы и модели.

Результаты исследования. Выявлены и систематизированы существующие проблемы и трудности, содержательно обоснованы исходные условия и критерии оценки качества обучения, предложены апробированные методы и инструментальные средства для сравнительной оценки характеристик потребительского качества различных видов и средств методического, кадрового и инструментального обеспечения учебных процессов, для оценки и минимизации затрат времени и финансовых ресурсов государства и юридических лиц — субъектов рынка на обучение граждан.

Перспектива исследования состоит в том, что предложенная совокупность методов и инструментальных средств, подтвердивших в процессе исследований прикладную полезность, применима *для оценки и минимизации затрат финансовых ресурсов государства и юридических лиц — субъектов рынка на обучение граждан и *для сравнительной оценки характеристик потребительского качества методического, кадрового и инструментального обеспечения учебных процессов в различных образовательных учреждениях и предметных областях.

Ключевые слова: учебный процесс, методическое обеспечение, инструментальные средства, потребительское качество, критерии оценки, образовательный стандарт, интердецильный размах, статистические методы

Для цитирования: Хубаев Г.Н. Как оценить и минимизировать затраты времени и финансовых ресурсов на процессы обучения граждан: методы и инструменты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 156–170. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-156-170>.

Original article

HOW TO EVALUATE AND MINIMIZE THE TIME AND FINANCIAL RESOURCES SPENT ON CITIZEN EDUCATION PROCESSES: METHODS AND TOOLS

Georgy N. Khubaev

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia
gkhubaev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1986-926X, AuthorID RSCI: 154667

Abstract. *The purpose of the study is to develop a methodology based on the use of a set of proven methods and tools to assess and minimize the time and financial resources spent on training citizens.*

The methodological basis of the research is economic theory, statistical methods, economic and mathematical methods and models.

The results of the study: the existing problems and difficulties are identified and systematized, the initial conditions and criteria for assessing the quality of training are substantiated in a meaningful way, proven methods and tools are proposed for a comparative assessment of the characteristics of consumer quality of methods and means of methodological, personnel and instrumental support of educational processes, for assessing and minimizing the time and financial resources of the state and legal entities — subjects of the market for training citizens.

*The perspective of the study is that the proposed set of methods and tools, which have confirmed their applied usefulness in the course of research, is applicable *to assess and minimize the costs of financial resources of the state and legal entities — market entities for training citizens and *for a comparative assessment of the characteristics of the consumer quality of methodological, personnel and instrumental support of educational processes in various educational institutions and subject areas.*

Keywords: *educational process, methodological support, tools, consumer quality, evaluation criteria, educational standard, interdecile scope, statistical methods*

For citation: *Khubaev G. N. How to evaluate and minimize the time and financial resources spent on citizen education processes: methods and tools // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 156–170. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-156-170>.*

Введение. С развитием научно-технического прогресса (НТП) все меньшую часть актуальной информации может освоить даже очень ответственный и способный человек. Так, в современных условиях из-за непрерывного ускорения НТП, уменьшения периода усвоения знаний, лавинообразного роста числа публикаций по большинству направлений науки и техники полученные ранее знания быстро теряют актуальность, устаревают. Причем в последние годы ускорение НТП неизбежно *приводит правительство и население страны к осознанию необходимос-

ти ускорять, интенсифицировать процессы обучения и одновременно *заставляет задуматься о причинах роста затрат на получение нужного уровня (объема) знаний, умений, навыков, компетенций, *побуждает и зачастую вынуждает граждан учиться всю сознательную жизнь. При этом оказалось, что чем больше в генеральной совокупности, именуемой населением страны, доля талантливых и компетентных профессионалов, делающих новые и полезные для граждан разработки и открытия, тем быстрее растет экономика страны и, как следствие, уровень жизни насе-

ления. И поэтому становится очевидной необходимость добиваться того, чтобы процесс выявления, обучения и поддержки новых Ломоносовых, Ньютонов, Канторовичей, Колмогоровых и множества других гигантов науки не был случайным, а стал бы целенаправленным, непрерывным, квази-детерминированным, с минимальным количеством ошибок.

В такой ситуации задача поиска методов и инструментов, позволяющих оценивать и минимизировать затраты времени и финансовых ресурсов на обучение индивида в любой сфере его жизнедеятельности, представляется исключительно актуальной. Одновременно внимание общества к процессам обучения граждан вынуждает и организации, специализирующиеся на предоставлении образовательных услуг, также заниматься поиском возможностей снизить затраты времени и финансовых ресурсов обучаемых на получение знаний.

В статье на примере обучения студентов в вузе выявлены и систематизированы существующие проблемы и трудности, содержательно обоснованы исходные условия и критерии оценки качества процессов обучения, предложены апробированные методы и инструментальные средства для сравнительной оценки характеристик потребительского качества видов и средств методического и инструментального обеспечения учебных процессов, для оценки и минимизации затрат времени и финансовых ресурсов на обучение граждан.

При этом описанные методы и инструментальные средства применимы для сравнительной оценки потребительского качества методического, кадрового и инструментального обеспечения учебных процессов в различных предметных областях, для оценки и минимизации затрат финансовых ресурсов государства и юридических лиц-субъектов рынка на обучение граждан.

1. Существующие проблемы и трудности

1) В связи с тем, что многие граждане вынуждены учиться всю жизнь, обучаемые могут быть разного возраста, с разным уровнем и разной профессиональной направленностью образования (техники и гуманитарии, «физики и лирики»), с разными психофизиологическими и физическими особенностями.

Однако неизвестно, какие факторы влияют *на скорость получения знаний в целом, независимо от внешних и внутренних условий протекания учебного процесса, *на продолжительность освоения установленного объема знаний в случае неоднородной совокупности обучаемых, и *какова степень этого влияния.

Как, какими методами, корректно или не очень, с определенной, заранее известной степенью достоверности все это оценить и использовать для оптимальной организации учебных процессов, для минимизации затрат времени и финансовых ресурсов на обучение граждан?

2) В настоящее время отсутствуют обязательные в масштабах всей страны, единые для всех (обучаемых и преподавателей) варианты контрольных испытаний — экзаменационных задач, перечни проблемных ситуаций.

Но как в таких условиях можно быть уверенным в том, что в разных городах и в разных административно-территориальных образованиях (АТО) все студенты, получившие на экзамене, например, отличные оценки, достигли одинакового, установленного образовательным стандартом уровня знаний, обладают установленными стандартом компетенциями?

3) В образовательных стандартах и учебных планах специальностей перечислены учебные дисциплины, указано время, в течение которого должна изучаться каждая дисциплина, представлены компетенции, которыми должен обладать обучаемый.

Однако не указано, *как осуществлялось формирование образовательного стандарта, *как выполнялось ранжирование компетенций при формировании специальностей и выделении компетенций для каждой специальности, *насколько обоснованы отведенные на изучение дисциплин отрезки времени, *какова допустимая величина взаимосвязи по компетенциям и между дисциплинами, и между специальностями, и *как, каким методом это все оценивалось. Но ведь в таком случае невозможно определить, каков информационный вес той или иной компетенции или дисциплины, какова степень взаимосвязи по компетенциям между дисциплинами и модулями одной специальности и т. д.

Но определить, рассчитать все это совсем не просто. Действительно, ведь только базовая (обязательная) часть образовательного стандарта содержит десятки дисциплин, в результате изучения которых студент должен получить знания, умения, навыки и сформировать 30–50 компетенций. Но и вариативная часть также содержит десятки дисциплин и множество модулей, обеспечивающих получение студентом необходимых компетенций, предусмотренных государственным образовательным стандартом.

Так, анализ содержания государственных образовательных стандартов по ряду специальностей высшего профессионального образования (квалификация «бакалавр», специальности: 080500 — Бизнес-информатика, 230700 — Прикладная информатика, 90900 — Информационная безопасность и др.) показал, что если каждая дисциплина содержит 3–4 модуля, а дисциплин в среднем 40–50, то в учебном плане будет 100–200 модулей. В свою очередь, каждая из 30–50 компетенций включает 3–5 компонентов (составляющих). Тогда общее количество компонентов, формирующих компетенции, будет находиться в пределах 100–250.

Спрашивается, как определить, полноту охвата содержанием дисциплин всей совокупности компетенций?

Как количественно определить, насколько удачно сформирована вариативная часть учебного плана?

В какой степени десятки включенных в учебный план дисциплин (и множество модулей) обеспечивают возможность получения студентом множества необходимых компетенций? И какими дисциплинами или модулями такие возможности лучше обеспечиваются, а какими — хуже и насколько?

Вряд ли можно надеяться на то, что кто-нибудь из обычных людей сможет ответить на эти вопросы.

4) По аналогии с технологическими и управленческими процессами для улучшения характеристик качества учебного процесса формируется его методическое, кадровое и инструментальное обеспечение, включающее учебники, кадровый состав, компьютерные обучающие системы, образовательные стандарты и учебные планы, инструкции для покупателей многофункциональных то-

варов и товаров со сложной структурой или многокомпонентным составом, программы повышения квалификации работающих и множество других помощников обучаемых и работников учреждений, предоставляющих образовательные услуги. И именно степень влияния этих помощников на оперативность и ресурсоемкость процессов обучения граждан характеризует потребительское качество методического, кадрового и инструментального обеспечения учебного процесса.

Причем оказалось, что уже сформировано множество одинаковых по назначению, но разных по содержанию и цене методических и инструментальных средств: разных по структуре и содержанию учебников для освоения одной и той же дисциплины учебного плана, множество компьютерных систем для обучения, тестирования и систем обеспечения информационной безопасности, методов, ориентированных на помощь в понимании и запоминании новой информации, и множество других видов обеспечения учебного процесса.

Как будто все это хорошо в условиях рыночной экономики — конкуренция.

Но, спрашивается, как при такой ситуации потенциальному ученику — субъекту рыночных отношений или даже руководителю образовательного учреждения — разбраться с таким множеством помощников? Ведь неизвестно, как эти разные помощники одного назначения влияют на характеристики потребительского качества данного вида обеспечения учебного процесса, для эффективной реализации которого они и созданы.

Как определить, с использованием каких методов и инструментов следует оценивать и количественно сравнивать потребительское качество инструментария, обеспечивающего и формирующего учебный процесс?

И самое главное — как определять, какой из такого множества помощников обеспечивает более высокое по сравнению с конкурентами качество выполнения учебного процесса, получение обучаемыми хороших знаний, умений, навыков и компетенций с минимальными затратами времени и других ресурсов?

Сегодня нет ответа на эти вопросы.

Очевидно, что разное потребительское качество отдельных видов и средств мето-

дического, кадрового и инструментального обеспечения учебного процесса, разная их цена и степень влияния на величину затрат времени и финансовых ресурсов на обучение граждан одновременно приводит к разной результативности учебного процесса, к разным затратам времени индивида на получение одинакового объема знаний, умений, навыков, компетенций.

И то, что в реальности НИКТО не знает, как влияет на величину затрат времени и финансовых ресурсов и государства, и вузов, и обучаемых использование в процессе обучения разных учебников, разных компьютерных обучающих систем, разных учебных планов, разных оценочных материалов и систем, разных методов обучения, приводит к тому, что и выпускники одинаковых специальностей, но разных вузов, в разных городах одной страны, в разных административно-территориальных образованиях имеют разный уровень (объем) знаний, умений, навыков, компетенций.

2. Исходные условия и критерии оценки качества обучения

1) Методическое, кадровое и инструментальное обеспечение учебного процесса — это учебники, преподаватели, компьютерные обучающие, тестирующие и обеспечивающие информационную безопасность системы, используемые в учебном процессе лицензионные программные продукты и информационные системы, системы, выполняющие сложные вспомогательные расчеты, методы, ориентированные на помощь в понимании и запоминании новой информации, и множество других видов и средств, обеспечивающих процессы обучения граждан.

Основной характеристикой потребительского качества каждого вида методического, кадрового и инструментального обеспечения учебного процесса служит то, насколько этот конкретный обеспечивающий объект (вид, средство) снижает затраты времени обучаемых на овладение требуемым составом компетенций и какова его цена при прочих равных условиях (затратах времени на освоение, стоимость доставки и др.).

2) Условимся, что обучаемых можно разделить на две группы: *лица примерно одного возраста, уровня исходного, базового

образования, одинаковой заинтересованности в освоении новой учебной дисциплины и т.д., т.е. совокупность достаточно однородных объектов, и *лица разного возраста, разного уровня образования, разной степени заинтересованности в результатах обучения и с разными психофизиологическими и физическими особенностями.

3) Сравнительная количественная оценка потребительского качества методического, кадрового и инструментального обеспечения учебного процесса (УП) и оценка затрат времени обучаемых на овладение знаниями базируются на использовании статистических методов.

Так, при сравнении потребительского качества разных видов и средств обеспечения учебного процесса используется интердещильный размах, практически не зависящий от экстремальных значений в выборке (появляется возможность исключить или уменьшить влияние неоднородности в составе обучаемых) и одновременно включающий основную часть выборки и, как недавно подтверждено также и нашими исследованиями, позволяющий иметь очень малые колебания стандартного отклонения в выборках из одной и той же генеральной совокупности. В такой ситуации появляется возможность с большей уверенностью использовать треугольное распределение при имитационном моделировании процессов. А если, например, при экспериментальных исследованиях или при обработке результатов опроса студентов разных учебных групп о затратах времени на подготовку к экзаменам при использовании учебников У1 и У2 (разных авторов) получено две независимых выборки: одна с ответами студентов, которые готовились к экзамену, используя учебник У1, а вторая — с использованием учебника У2? В таком случае необходимо ответить на вопрос: относятся ли эти выборки к одной генеральной совокупности? Или иначе: можно ли считать, что подготовка к экзамену с использованием одного из конкурирующих учебников более предпочтительна, дает лучшие результаты? Выборки относятся к разным генеральным совокупностям. Для реализации такой проверки статистически значимых различий потребительского качества учебников У1 и У2 используется наиболее строгий кри-

терий однородности: критерий Колмогорова и Смирнова — нуль гипотеза (генеральные совокупности одинаковы) против альтернативной гипотезы (генеральные совокупности имеют различные распределения).

4) Доля специалистов, обладающих высоким уровнем знаний и умений в любой стране и в любой сфере профессиональной деятельности, невелика (лишь 10–20%). И даже незначительное увеличение этой доли исключительно актуально. Для оценки объема и уровня полученных в процессе обучения знаний в статье используются статистические характеристики распределения показателя «Затраты времени на решение задач», разработанных подмножеством компетентных специалистов (математическое ожидание, коэффициент вариации, асимметрия, эксцесс, интердецильный размах), или показателя «Количество решенных за определенное, заданное время задач».

Содержание таких задач связано с изученным учебным предметом, а решение направлено на улучшение (реальных или придуманных разработчиками) проблемных ситуаций в анализируемой конкретной предметной области или в сфере конкретной профессиональной деятельности.

5) Люди очень разные *по способностям, которыми их наделила природа, и по *психологическим и физическим особенностям, обусловленным жизненным опытом. Естественно, что все эти особенности в той или иной степени влияют на затраты времени обучаемого при овладении им компетенциями, которые заданы образовательным стандартом, т.е. эти отличия влияют на скорость, оперативность восприятия новой информации, на величину необходимого обучаемому промежутка времени для ее усвоения, на осознание прикладной полезности новых сведений. И чем сложнее новая информация, тем эта разница будет заметнее: величина правосторонней асимметрии у группы обучаемых растет очень быстро. Поэтому при оценке затрат времени на изучение новой информации, новых учебных дисциплин, при сравнительной оценке потребительского качества отдельных видов методического и инструментального обеспечения учебного процесса мы ориентируемся именно на интердецильный размах, поскольку наш опыт свидетельствует о том,

что в первый дециль попадают люди, обладающие способностями, и целеустремленностью, старательностью, в последний — те, кому перестала нравиться учебная дисциплина или возникли трудности, обусловленные множеством других причин.

3. Используемые методы и инструментальные средства. Для элиминирования перечисленных ранее проблем и трудностей, с которыми сталкиваются в вузах и других образовательных учреждениях, выполнен анализ возможности и обоснованности использования различных методов и инструментальных средств: *для формирования состава разработчиков оценочных материалов, позволяющих определять степень наличия у обучаемого определенного (заданного) уровня знаний, *для ранжирования и обоснованного выбора состава компетенций при формировании специальностей и учебных планов, *для экспериментальной сравнительной оценки затрат времени обучаемых на изучение новых материалов и оценки потребительского качества разных видов и средств обеспечения учебного процесса, *для экспертной оценки необходимого и достаточного времени на изучение дисциплин, представленных в учебных планах специальностей.

3.1. Формирование состава разработчиков оценочных материалов — экзаменационных задач и перечня проблемных ситуаций. Формирование состава компетентных разработчиков оценочных материалов, предназначенных для определения степени владения обучаемым содержанием изученной учебной дисциплины, — это главное условие для получения обоснованной оценки потребительского качества методического, кадрового и инструментального обеспечения учебного процесса, для оценки степени влияния его отдельных видов на эффективность учебного процесса, на степень овладения обучаемым заданным составом компетенций. В качестве претендентов на разработку экзаменационных задач и проблемных ситуаций, помимо преподавателей вузов, которые ведут занятия по рассматриваемой учебной дисциплине, могут быть авторы различных видов методического и инструментального обеспечения учебного процесса.

Но реализация процесса формирования и выбора состава разработчиков оценочных материалов представляет собой достаточно сложную проблему.

Какие же трудности возникают при реализации процедуры выбора? Во-первых, очевидно, что разработку и экспертизу составленных задач и проблемных ситуаций должны выполнять компетентные, талантливые, ответственные, заинтересованные в оптимальном решении поставленной задачи люди. Но таких людей необходимо еще найти! Во-вторых, сегодня нет однозначного понимания того, какой должна быть сама процедура оценки правильности, объективности, эффективности того или иного способа решения этой задачи. Так возникает вторая трудность — это поиск процедуры формирования коллективного выбора в процессе подготовки оценочных материалов.

Кроме того, трудно надеяться на то, что потенциальные разработчики, не будучи студентами, согласятся решать составленные для них задачи. В такой ситуации единственно возможным способом сформировать подмножество разработчиков оценочных материалов для проведения контрольных испытаний лиц, завершивших обучение по конкретному предмету или по теме повышения квалификации, является ориентация на методы ранжирования объектов по количественным показателям, например, по таким широко используемым, как «Количество опубликованных работ по определенному направлению», «Количество цитирований», наличие патентов, разработанных обучающих систем, изданных учебников, наличие у потенциальных разработчиков других методических и инструментальных средств обеспечения учебного процесса. В таких условиях можно использовать универсальный метод ранжирования объектов по множеству количественных показателей [1]. Метод обладает рядом преимуществ. Так, при использовании метода появляется возможность *оперативно выполнять ранжирование (упорядочение) разработчиков по любому подмножеству показателей, одновременно обеспечивая повышение достоверности расчетов; *формировать подгруппы с примерно одинаковыми величинами оценочных показателей, анализировать причины образова-

ния таких подгрупп и выявлять взаимосвязи по показателям между претендентами на участие в разработке оценочных материалов; *исключать из дальнейшего рассмотрения тех специалистов, у которых значения конкретных показателей ниже определенного уровня; *осуществлять оптимальный выбор определенной группы разработчиков, располагая сведениями о том, по каким показателям эта группа занимает лидирующее положение; *рассчитывать статистические характеристики (математическое ожидание, дисперсию, коэффициент вариации, медиану, асимметрию, эксцесс), таблицы и гистограммы распределения потенциальных разработчиков в зависимости от численных значений используемых показателей. Кроме того, все расчеты, связанные с обработкой первичной информации и получением результатов, могут выполняться автоматизированно, централизованно.

Предположим, что состав разработчиков определен, множество экзаменационных задач и проблемных ситуаций по специальностям и учебным дисциплинам разработано, сформированы поддерживаемые в актуальном состоянии базы данных, содержащие постоянно пополняемые *множество и специалистов, и *исходное множество разработанных ими задач и проблемных ситуаций.

Теперь из исходного множества задач необходимо выделить искомое подмножество таких задач, которые позволят любой контролирующей системе (преподавателю, экзаменующей комиссии) оценивать степень владения обучаемыми набором заданных образовательным стандартом компетенций. При этом желательно исключить негативное влияние различных внешних и внутренних факторов на результат оценки качества процесса обучения.

Предлагаемый подход к такой оценке базируется на использовании метода пошагового уточнения ранжирования объектов (ПУРО). Метод основан на интеграции дельфийской процедуры прогнозирования будущего (разработан О. Хелмером, Н. Долки, Т. Дж. Гордоном [2; 3]) с предложенной Дж. Кемени (J. G. Kemeny) оценкой медианы и расстояния между упорядочениями объектов [4]. Отличие метода заключается в том, что *дельфийская процедура используется

при ранжировании экспертами характеристик-функций объектов (а не для прогнозирования будущего); *для количественного анализа степени сходимости мнений экспертов после каждого тура опросов, выявления согласованных групп экспертов и оценки целесообразности завершения экспертизы используется расстояние Кемени (мера близости на отношениях линейного порядка), а в качестве результирующего ранжирования — медиана Кемени; *для группировки участников экспертного опроса, у которых могут оказаться схожими взгляды относительно вариантов ранжирования рассматриваемых характеристик или объектов, устанавливаются пороговые значения расстояния Кемени между ответами экспертов, исходя из вероятности совпадения их мнений, например, близкой к 0.8, 0.9, 0.95, 0.99; *для поиска в каждой из образовавшихся групп экспертов согласованного с членами группы ранжирования (упорядочения) характеристик рассчитывается медиана Кемени.

Среди основных преимуществ метода выделим: *повышение точности результатов экспертизы за счет наличия обратной связи при реализации каждого последующего тура; *отсутствие ограничений на количество участников экспертного опроса; *сохранение известных преимуществ и дельфийской процедуры (анонимность и возможность ознакомления с объяснениями, представленными в защиту сильно отличающихся ответов), и алгоритма поиска согласованного упорядочения объектов — корректный расчет медианы и расстояния Кемени; *совместное использование и дельфийской процедуры, и предложенного Кемени корректного подхода к упорядочению функций позволяет получить содержательно приемлемый количественный критерий для обоснованного завершения экспертизы — устанавливается определенная величина относительного (например, 5%) изменения суммарного расстояния Кемени, а также формировать группы экспертов, ориентируясь на выбранные (в зависимости от степени согласованности мнений) пороговые значения расстояния Кемени и исследовать причины взаимосвязи оценок экспертов, находить согласованное с членами каждой группы экспертов упорядочение характеристик, рассчитав точно или приближенно медиану Кемени. Метод доста-

точно широко используется (см., например, [5]) и программно реализован на алгоритмическом языке Python.

Процедура выделения искомого подмножества экзаменационных задач включает следующие шаги.

Шаг 1. Из состава разработчиков оценочных материалов с использованием датчика случайных чисел (ДСЧ) выделяется группа (>10) экспертов.

Шаг 2. Для каждой специальности из множества экзаменационных задач также с использованием ДСЧ выбирают 15 задач для упорядочения по степени (полноте) отражения необходимых компетенций.

Шаг 3. Выполняется ранжирование выделенных задач с использованием метода ПУРО.

Шаг 4. После завершения процесса упорядочения, например, первые 10 задач включают в искомое подмножество.

Процесс пополнения исходного множества экзаменационных задач и реализация процедуры формирования искомого подмножества — базы данных (БД), используемой для *оценки и последующей минимизации затрат времени и финансовых ресурсов на процессы обучения граждан и для *сравнительной оценки потребительского качества методического и инструментального обеспечения учебных процессов, выполняются на регулярной основе.

Наличие БД, созданной с использованием метода ПУРО и содержащей для каждой специальности подмножества экзаменационных задач и проблемных ситуаций, если возникнет необходимость, позволяет выдать требуемое количество задач (используется датчик случайных чисел) по запросу не только представителей вузов, но и обычных граждан.

Но почему оценочные материалы должны быть доступны для любого гражданина? Причина проста и легко объяснима: ведь, во-первых, вероятность ошибки в результатах экзамена обученных граждан (студентов, курсантов, работников, повысивших свою квалификацию и т.д.) обратно пропорциональна мощности множества с задачами и проблемными ситуациями. А во-вторых, постепенно, незаметно, без принуждений будет возрастать количество граждан, умеющих решать собранные в БД сложные (и не очень)

задачи. Но ведь общество, государство, население страны заинтересованы в том, чтобы росла доля тех, кто может и, возможно, будет пытаться способствовать «улучшающему вмешательству в проблемные ситуации», возникающие в стране.

3.2. Ранжирование компетенций и оценка взаимосвязи между дисциплинами при формировании специальностей и учебных планов

1) Метод и инструментарий упорядочения компетенций

При формировании специальностей и состава дисциплин и компетенций возникает необходимость выделения основных компетенций для конкретной специальности, т.е. необходимость упорядочения (ранжирования) выбранных компетенций. Однако, как правило, в реальной ситуации количество возможных компетенций достаточно велико. В таких условиях представляется единственно возможным решением ориентация на метод пошагового уточнения ранжирования объектов (ПУРО). Метод подробно рассмотрен в 3.1.

2) Метод и инструментарий сравнительной количественной оценки полноты состава и взаимосвязи по компетенциям между учебными дисциплинами одной специальности и между специальностями

После того как сформированы специальности и определен состав дисциплин по каждой специальности, необходимо убедиться, насколько взаимосвязаны по компетенциям дисциплины и специальности, ведь должны же они хоть как-то отличаться. Да и важно узнать, насколько уникальны специальности, каков информационный вес и компетенции, и специальности и многое другое (см. «Существующие проблемы и трудности», п. 3).

В работе [6] для ответа на перечисленные вопросы использован метод оценки функциональной полноты программных продуктов и других объектов [7; 8] и приведен пример применения метода для оценки и улучшения потребительского качества учебного плана путем дополнения его дисциплинами, обеспечивающими формирование у студентов нужных компетенций, заданных образовательным стандартом. Кроме того, показано, что метод позволяет *оценивать вклад, информационный вес каждой темы, модуля,

дисциплины, включенной в учебный план, в формирование компетенций, установленных образовательным стандартом по направлениям подготовки специалистов, *выявлять темы, модули, дисциплины, не обеспечивающие получение студентом необходимых знаний, умений и навыков, *обоснованно оценивать качество тестов, формировать или корректировать вариативную часть учебного плана, *проводить сравнительный количественный анализ потребительского качества разработанных в разных вузах учебных планов по конкретным направлениям подготовки специалистов.

Метод программно реализован.

3.3. Экспериментальная оценка времени освоения нового учебного материала

(например, разных модулей одной учебной дисциплины и/или сравнительная оценка потребительского качества разных видов и средств обеспечения учебного процесса, например, учебников по одной дисциплине разных авторов и т.д.).

1) Обучаемые — лица примерно одного возраста, одного уровня исходного, базового образования, одинаковой заинтересованности в освоении новой учебной дисциплины, т.е. совокупность достаточно однородных объектов.

Использованный метод рассмотрим на конкретном примере. Эксперимент проводился нами в течение нескольких лет и состоял в оперативном выполнении студентами трех групп одной специальности (60–70 человек) учебного задания — в решении конкретной задачи. Задание выполнялось после прослушивания нового теоретического материала, т.е. сначала излагался теоретический материал, а затем студенты получали задание, выполнить которое могли только те, кто хорошо освоил теоретический материал, прослушанный вначале, на первом часе лекции (напомним, что «Знание — проверенный практикой результат познания действительности, верное отражение ее в сознании человека» (БСЭ)). Содержательная формулировка задачи была одинаковой у всех студентов, разными были только численные значения исходных данных. Время, отводимое на выполнение задания, — один академический час (45 мин.). Стимул для быстрого решения задачи — решивший сдает листки с решени-

ем и может покинуть аудиторию. Оказалось, что отдельные студенты решали задачи менее чем за двадцать минут, другие не справлялись с заданием даже в течение двух академических часов, т.е. при одинаковых внешних условиях и одинаковом исходном уровне знаний теоретических положений в очередной раз подтверждено очень существенное влияние индивидуальных способностей на скорость осознания возможностей практического применения полученных знаний и реальной реализации этих возможностей. В результате эксперимента установлено, что время, достаточное для практического освоения нового учебного материала, имеет существенный разброс, значительную величину правосторонней асимметрии и зачастую может быть аппроксимировано альфа-распределением. Позднее экспериментально подтверждена гипотеза о том, что при одинаковом уровне начальной подготовки и условиях эксперимента с увеличением сложности работы должна возрастать и величина правосторонней асимметрии распределения затрат времени на выполнение работы.

Предположим, что необходимо сравнить характеристики потребительского качества двух учебников У1 и У2 (разных авторов). Требуется оценить разницу в затратах времени обучаемых на подготовку к экзамену (разницу в затратах времени на владение заданными образовательным стандартом компетенциями) по специальной учебной дисциплине при использовании У1 и У2. В случае отсутствия такой разницы сравнить цены учебников, стоимость доставки и другие характеристики потребительского качества.

При использовании натурального эксперимента рассматриваемая методика предполагает (применительно к сравнительной оценке характеристик потребительского качества различных видов и средств методического и инструментального обеспечения процессов обучения студентов) реализацию следующих шагов.

Шаг 1. Студентам групп Г1 и Г2 предлагают при подготовке к экзамену использовать учебник У1, а студентам групп Г3 и Г4 — учебник У2.

Шаг 2. Во время экзамена преподаватель фиксирует затраты времени каждого ученика на решение установленного набора задач

и проблемных ситуаций (или количество решенных задач за установленное время).

Шаг 3. Выполняется обработка результатов экзамена в четырех группах: разделение на децили, выделение интердецильного размаха, оценка статистических характеристик распределения интердецильного размаха.

Шаг 4. Выполняется проверка на однородность выборок (интердецильных размахов в каждой из групп Г1, Г2 и Г3, Г4) с использованием критерия Колмогорова и Смирнова [9; 10]. Если нулевая гипотеза не отвергнута в каждом из двух случаев, то эти группы объединяют, т.е. Г1 с Г2, а Г3 с Г4 (объединяют выборки — интердецильные размахи).

Шаг 5. Выполняется сравнение на однородность по критерию Колмогорова и Смирнова объединенных выборок — Г1 + Г2 (использован при подготовке к экзамену учебник У1) и Г3 + Г4 (использован учебник У2).

Допустим, что нулевая гипотеза отвергнута при выбранной доверительной вероятности — выборки из разных генеральных совокупностей (т.е. оказалось, что подготовка к экзамену с использованием одного из учебников более предпочтительна).

Шаг 6. Выполняется оценка статистических характеристик распределения выборок Г1 + Г2 и Г3 + Г4, расчет доверительных границ для средних значений затрат времени в каждой выборке, анализ причин попадания студентов в первый и девятый децили, с использованием инструментальных средств имитационного моделирования определяют общее для всех m групп распределение затрат времени на освоение нужных компетенций (как среднее m случайных величин с известным, полученным в результате имитационного моделирования распределением в каждой из m групп), выполняют сравнение цен на У1 и У2 и т.д.

[Обратим внимание на то, что при проведении описанного ранее в качестве примера эксперимента у всех студентов были одинаковыми внешние мотивационные стимулы, условия проведения эксперимента и сложность очередного осваиваемого материала (в процессе изучения разных тем учебной дисциплины сложность осваиваемого материала постоянно изменялась — участникам предлагались разные по сложности темы учебного курса и задачи). Соответственно,

влияние на дисперсию и другие статистические характеристики времени освоения всех тем учебной дисциплины оказывали индивидуальные способности обучаемого, сложность теоретического материала и личная мотивация (личные приоритеты мотивационных стимулов). Поэтому по результатам имитационного моделирования нельзя оценить, какая часть дисперсии или коэффициента вариации времени освоения учебной дисциплины связана с индивидуальными способностями, а какая — со сложностью изученного материала.]

2) *Обучаемые — лица разного возраста, разного уровня образования, разной степени заинтересованности в результатах обучения и с разными психофизиологическими и физическими особенностями.*

Поведение любого индивида носит вероятностный характер. Это относится и к любой деятельностью индивида, включая затраты времени на освоение любого нового учебного материала. Так, затраты времени на выполнение одинаковых операций делового процесса существенно отличаются не только у разных исполнителей, но даже у одного исполнителя, выполняющего одну операцию, затраты времени на ее выполнение имеют значительный разброс, и значения коэффициента вариации и правосторонней асимметрии распределения могут быть весьма заметными. Экспериментальную оценку статистических характеристик распределения затрат времени на изучение методических рекомендаций, учебных материалов, связанных с темой повышения квалификации, руководства пользователя и т.д., необходимо *проводить, группируя обучаемых (пользователей, потенциальных клиентов-покупателей, слушателей курсов повышения квалификации) в зависимости от значений классификационных признаков (пол, возраст, образование и др.), и *выполнять имитационное моделирование с учетом характеристик распределения затрат времени в каждой из групп и доли конкретной группы в составе обучаемых.

Выводы. Предложенные методы обработки результатов экспериментальной оценки характеристик потребительского качества видов и средств методического и инструментального обеспечения учебных процессов, оценки распределения времени освоения мо-

дулей учебной дисциплины (т.е. оценки результатов практического использования полученных знаний) позволяют:

1) количественно оценивать вероятность того, что времени, отведенного учебным планом на изучение конкретной дисциплины, будет достаточно для обеспечения требуемого качества образовательных услуг, т.е. количественно оценивать долю учащихся, обладающих необходимыми знаниями, умениями, навыками, компетенциями;

2) проводить сравнительный анализ (с использованием методов непараметрической статистики): а) скорости освоения потенциальными потребителями содержания *вариантов руководства пользователя и методических рекомендаций по решению задач, *проектов законов и поправок к ним, *вариантов различных нормативных материалов, инструкций и учебных пособий; б) качества обучения разными преподавателями, в разных учебных группах;

3) с большей достоверностью оценивать влияние различных учебно-методических инструментов на качество обучения.

3.4. Формирование учебного плана: экспертная оценка времени, необходимого для изучения учебной дисциплины. Обеспечить достоверность оценки характеристик распределения затрат времени обучаемых на изучение нового материала путем экспериментальных исследований не всегда удается. Часто в этих целях используются экспертные методы. При этом в процессе экспертизы желательно максимально стимулировать активную интеллектуальную деятельность участников экспертной группы, исключить влияние личных качеств участников на результаты экспертизы, корректно обобщить суждения всех членов экспертной группы. Особенность предлагаемого подхода состоит, во-первых, в использовании многошаговой процедуры, на каждом шаге которой осуществляется имитационное моделирование, и, во-вторых, в интеграции метода Дельфи с экспертизой, направленной на получение обобщенного мнения группы экспертов о возможном диапазоне значений искомого показателя. Такое объединение дает ряд преимуществ, в частности, предоставляет специалистам, участвующим в экспертизе, возможность рассматривать возражения и пред-

ложения других членов экспертной группы в атмосфере, свободной от влияния личных качеств участников. Одновременно появляется возможность использовать так называемое «информированное интуитивное суждение» специалиста-эксперта путем создания таких условий, когда эксперт может активно взаимодействовать с другими специалистами в этой области или в областях, касающихся прочих аспектов изучаемой проблемы. При этом непосредственное общение специалистов друг с другом заменяется последовательностью шагов, на каждом из которых реализуется полный цикл экспертизы, включая информирование специалистов-экспертов о результатах предыдущего шага.

Предположим теперь, что описанная интеграция с методом Дельфи реализована. Но, спрашивается, как определить, что коллективное мнение стабилизировалось и пора прекращать дальнейшие опросы? С какой вероятностью, например, не будет превышено определенное значение искомого показателя? Какова вероятность того, что значение показателя будет находиться в заданных доверительных границах? Перечень подобных вопросов может быть продолжен.

Алгоритм оценки. Для ответа на поставленные вопросы, по-видимому, единственно обоснованной процедурой является предлагаемая ниже последовательность шагов (см. также [5; 11; 12]).

Шаг 1. Оценки каждого i -го эксперта на j -м шаге $T_{i}^{(j)}$ (минимальное, максимальное и наиболее вероятное значения показателя) представляются в виде треугольного или равномерного (если указаны только два значения затрат времени на освоение учебной дисциплины) распределений.

Шаг 2. Обобщенное коллективное мнение n экспертов об искомом значении анализируемого показателя определяется как среднее n случайных величин, имеющих треугольное или равномерное распределения (мнений n участников экспертной группы) путем реализации на каждом k -м шаге имитационного моделирования.

Шаг 3. В результате имитационного моделирования на каждом k -м шаге получают статистические характеристики (математическое ожидание, дисперсию, коэффициент вариации, эксцесс, асимметрию) и распределение (в фор-

ме гистограммы и таблицы) значений искомого показателя — функции $T_{об}^{(k)} = f(T_{i}^{(k)})$.

Шаг 4. После каждого шага (цикла экспертизы) участников экспертной группы знакомят с объяснениями, представленными в защиту сильно отличающихся оценок анализируемого показателя, и предлагают при желании изменить свои предыдущие ответы.

Шаг 5. На каждом очередном j -м шаге оценивают изменение значений коэффициента вариации $K_{var}^{(j)}$ функции $T_{об}^{(j)}$. При отклонении коэффициента вариации от предыдущего значения, например, на 5% и менее можно считать, что оценки экспертов стабилизировались и целесообразно завершать экспертизу, т.е. если $|K_{var}^{(j)} - K_{var}^{(j-1)}| * 100 / K_{var}^{(j)} < 5\%$, то можно завершать экспертизу.

Шаг 6. На основании результатов имитационного моделирования на последнем шаге оценивают доверительные границы значений искомого показателя и вероятность того, что его значения окажутся больше или меньше определенного числа.

Заключение. В результате проведенных исследований впервые:

1. Создана универсальная методика оценки затрат времени и финансовых ресурсов на обучение граждан; выявлены и систематизированы проблемы и трудности, препятствующие оптимальной организации учебных процессов, отмечено, что в настоящее время отсутствуют обязательные в масштабах всей страны, единые для всех (обучаемых и преподавателей) варианты контрольных испытаний — экзаменационных задач, перечни проблемных ситуаций, невозможно определить полноту охвата содержанием дисциплин всей совокупности компетенций, оценить, в какой степени десятки включенных в учебный план дисциплин обеспечивают возможность получения обучаемым множества необходимых компетенций, и какими дисциплинами такие возможности лучше обеспечиваются, а какими — хуже, и насколько.

2. Показано, что разное потребительское качество отдельных видов и средств методического, кадрового и инструментального обеспечения учебного процесса, разная их цена и степень влияния на величину затрат времени и финансовых ресурсов на обучение граждан одновременно приводит

и к разной результативности учебного процесса, к тому, что выпускники одинаковых специальностей, но разных вузов, в разных городах одной страны, в разных административно-территориальных образованиях имеют разный уровень (объем) знаний, умений, навыков, компетенций.

3. Обоснованы исходные условия и критерии оценки качества обучения граждан, отмечено, что использование интердецильного размаха, практически не зависящего от экстремальных значений в выборке (появляется возможность исключить или уменьшить влияние неоднородности в составе обучаемых) и позволяющего иметь очень малые колебания стандартного отклонения в выборках из одной и той же генеральной совокупности, дает возможность, выполняя оценку потребительского качества методического и инструментального обеспечения учебных процессов, допускать применение треугольного распределения при имитационном моделировании, а в качестве критерия оценки однородности ориентироваться на применение наиболее строгого критерия однородности: критерия Колмогорова и Смирнова.

4. Предложена совокупность методов и инструментальных средств *для формирования состава разработчиков оценочных материалов, используемых *для оценки наличия у обучаемого определенного (заданного) уровня знаний, *для ранжирования и обоснованного выбора состава компетенций при формировании специальностей и учебных планов, *для экспериментальной сравнительной оценки затрат времени обучаемых на изучение новых материалов и для оценки потребительского качества разных видов и средств обеспечения учебного процесса, *для экспертной оценки необходимого и достаточного времени на изучение дисциплин, представленных в учебных планах специальностей.

Список источников

1. Хубаев Г.Н. Ранжирование объектов по множеству количественных показателей: универсальный алгоритм // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2018. №1. С. 213–217.

2. Хелмер О. Анализ будущего: метод Дельфи // Научно-техническое прогнозирование для промышленности и правительственных учреждений / Пер. с англ. Под ред. Г.М. Доброва. М.: «Прогресс», 1972. С. 77–83.

3. Helmer O. Social Technology. New York, Basic Books, Inc., Publishers, 1966.

4. Kemeny J.G. Generalized random variables. Pacific Journal of Mathematics. 1959. Vol. 9. Pp. 1179–1189.

5. Родина О.В. Налоговый учет: экономико-математические модели, методы и программные средства для оценки и минимизации затрат ресурсов на ведение и мониторинг: монография. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2011. 144 с.

6. Хубаев Г.Н. Количественная оценка потребительского качества учебных планов по направлениям подготовки специалистов // Проблемы экономики. 2012. №3. С. 36–41.

7. Курбесов А.В. Математические и имитационные модели для оценки качества и оптимизации информационного обеспечения системы управления обязательным медицинским страхованием: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 26 с.

8. Щербаков С.М. Экономико-математическое моделирование интернет-приложений: монография. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2010. 165 с.

9. Колмогоров А.Н. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: Наука, 1986. С. 134–141.

10. Kolmogoroff A. N. Sulla determinazione empirica di una legge di distribuzione. Giornale Istituto Italiano. Attuare 4 (1933). P. 83–91.

11. Широбокова С.Н., Щербаков С.М. Метод и программная система имитационного моделирования на основе языка UML как инструмент анализа и моделирования деловых процессов // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2008. Т. 2. №4. С. 154–161.

12. Родина О.В., Калугян К.Х. Экспресс-оценка и оптимизация затрат ресурсов на освоение учебных дисциплин // Сетевое партнерство в науке, промышленности и образовании (NCSIE): Труды Международной мультikonференции (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого, 4–6 июля 2016 г.). Санкт-Петербург: СПбПУ, 2016. С. 75–84.

References

1. Hubaev G.N. Ranzhирование ob'ektov po mnozhestvu kolichestvennyh pokazatelej: universal'nyj algoritm [Ranking of objects by a set of quantitative indicators: a universal algorithm]. *RISK: Resursy, Informacija, Snabzhenie, Konkurencija* [*RISC: Resources, Information, Supply, Competition*]. 2018; 1: 213–217. (In Russ.).
2. Helmer O. Analiz budushhego: metod Del'fi [Analysis of the future: the Delphi method]. Nauchno-tehnicheskoe prognozirovanie dlja promyshlennosti i pravitel'stvennyh uchrezhdenij [Scientific and technical forecasting for industry and government agencies]. Per. s angl. Pod red. G.M. Dobrova [Trans. from English. In G.M. Dobrov (eds.)]. Moscow: «Progress», 1972. Pp. 77–83. (In Russ.).
3. Helmer O. Social Technology. New York, Basic Books, Inc., Publishers, 1966.
4. Kemeny J.G. Generalized random variables. *Pacific Journal of Mathematics*. 1959. Vol. 9. Pp. 1179–1189.
5. Rodina O.V. Nalogovyj uchet: jekonomiko-matematicheskie modeli, metody i programmnye sredstva dlja ocenki i minimizacii zatrat resursov na vedenie i monitoring: monografija [Tax accounting: economic and mathematical models, methods and software tools for assessing and minimizing resource costs for management and monitoring: monograph]. Moscow: FGBOU VPO «RJeU im. G.V. Plehanova», 2011. 144 p. (In Russ.).
6. Hubaev G.N. Kolichestvennaja ocenka potrebitel'skogo kachestva uchebnyh planov po napravlenijam podgotovki specialistov [Quantitative assessment of the consumer quality of curricula in the areas of training specialists]. *Problemy jekonomiki* [*Problems of Economics*]. 2012; 3: 36–41. (In Russ.).
7. Kurbesov A.V. Matematicheskie i imitacionnye modeli dlja ocenki kachestva i optimizacii informacionnogo obespechenija sistemy upravlenija objazatel'nym medicinskim strahovanijem: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk [Mathematical and simulation models for assessing the quality and optimization of information support for the mandatory health insurance management system: Ph. D. (Economic) Thesis]. Rostov-on-Don, 2000. 26 p. (In Russ.).
8. Shherbakov S.M. Jekonomiko-matematicheskoe modelirovanie internet-prilozhenij: monografija [Economic and mathematical modeling of Internet applications: monograph]. Rostov-on-Don: RGJeU (RINH), 2010. 165 p. (In Russ.).
9. Kolmogorov A.N. Teorija verojatnostej i matematicheskaja statistika [Probability theory and mathematical statistics]. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 134–141. (In Russ.).
10. Kolmogoroff A.N. Sulla determinazione empirica di una legge di distribuzione. *Giornale Istituto Italiano. Attuare* 4 (1933). P. 83–91.
11. Shirobokova S.N., Shherbakov S.M. Metod i programmaja sistema imitacionnogo modelirovanija na osnove jazyka UML kak instrument analiza i modelirovanija delovyh processov [Method and software system of simulation modeling based on the UML language as a tool for analysis and modeling of business processes] // *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Issues of modern science and practice. V.I. Vernadsky University]. 2008; 2 (4): 154–161. (In Russ.).
12. Rodina O.V., Kalugjan K.H. Jekspress-ocenka i optimizacija zatrat resursov na osvoenie uchebnyh disciplin [Express assessment and optimization of resource costs for the development of academic disciplines]. *Setevoe partnerstvo v nauke, promyshlennosti i obrazovanii (NCSIE): Trudy Mezhdunarodnoj mul'tikonferencii (Sankt-Peterburg, SPbPU Petra Velikogo, 4–6 ijulja 2016 g.)* [Network Partnership in Science, Industry and Education (NCSIE): Proceedings of the International Multi-Conference (St. Petersburg, Peter the Great SPbPU, July 4–6, 2016)]. Saint Petersburg: SPbPU, 2016. Pp. 75–84. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The article was submitted on 02.09.2021; approved after reviewing on 10.09.2021; accepted for publication on 22.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хубаев Георгий Николаевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры «Информационные системы и прикладная информатика», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Georgy N. Khubaev — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Engineering Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Systems and Applied Informatics, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Информационно-методическое сообщение
УДК 316.344.34:377
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-171-179

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Александр Викторович Дятлов^{1✉}, Виталий Владимирович Ковалев²,
Константин Викторович Воденко³*

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹avdyatlov@yandex.ru[✉], ORCID: 000-0001-5914-4744, AuthorID РИНЦ: 316700

²vitkovalev71@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8439-3117, AuthorID РИНЦ: 345032

*³Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

Аннотация. Наиболее значимые нововведения по сравнению с «ваковской» моделью работы выделены и актуализированы для соискателей ученых степеней и их научных руководителей (научных консультантов), а также членов вновь создаваемых диссертационных советов. В результате анализа нормативных документов Южного федерального университета сделан вывод, что применение изученных норм и использование сложившейся организационной структуры содержит необходимый потенциал для того, чтобы действующие на их основе диссертационные советы осуществляли отбор и проводили защиту диссертаций, способных обеспечить прирост нового знания, интеграцию теории и практики, расширение внутрirosсийского и международного сотрудничества научных сообществ, подготовку кадрового резерва. В то же время авторы предлагают некоторые рекомендации, применение которых позволит усовершенствовать нормативный механизм присуждения ученых степеней, действующий в Южном федеральном университете.

Ключевые слова: Южный федеральный университет, диссертационный совет, соискатель ученой степени, защита диссертации, присуждение ученой степени

Для цитирования: Дятлов А. В., Ковалев В. В., Воденко К. В. Самостоятельное присуждение ученых степеней: проблемы и перспективы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 171–179. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-171-179>.

Informational and methodological message

INDEPENDENT AWARDING OF ACADEMIC DEGREES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Alexander V. Dyatlov¹, Vitaliy V. Kovalev², Konstantin V. Vodenko³

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹avdyatlov@yandex.ru, ORCID: 000-0001-5914-4744, AuthorID RSCI: 316700

²vitkovalev71@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8439-3117, AuthorID RSCI: 345032

³Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

Annotation. *The most significant innovations in comparison with the «Higher Attestation Commission» model of work are highlighted and updated for applicants of academic degrees and their scientific supervisors (scientific consultants), as well as members of newly created dissertation councils. As a result of the analysis of the Southern Federal University normative documents, it is concluded that the application of the studied norms and the use of the existing organizational structure contains the necessary potential for the dissertation councils operating on their basis to select and defend dissertations that can ensure the growth of new knowledge, the integration of theory and practice, the expansion of domestic and international cooperation of scientific communities, and the training of a personnel reserve. At the same time, the authors offer some recommendations, the application of which will improve the regulatory mechanism for awarding academic degrees operating in the Southern Federal University.*

Keywords: *Southern Federal University, dissertation Council, candidate for an academic degree, dissertation defense, award of an academic degree*

For citation: *Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Vodenko K. V. Independent awarding of academic degrees: problems and prospects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14 (5): 171–179. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-171-179>.*

Введение. 23 августа 2017 года было принято Распоряжение Правительства РФ от №792-р¹, в соответствии с которым четыре научные организации и девятнадцать вузов получили с 1 сентября 2017 года право самостоятельно присуждать ученые степени кандидатов и докторов наук. В их числе значился и Южный федеральный университет (ЮФУ).

В течение 2018–2019 гг. в ЮФУ активно шёл процесс по разработке необходимых нормоопределяющих документов, создавались соответствующие новым возмож-

ностям институциональное пространство и организационная структура, а с 1 февраля 2019 года был подписан и первый Приказ об открытии диссертационного совета. Им стал совет по физико-математическим наукам — первый среди диссертационных советов нашего университета, работающих вне юрисдикции ВАК РФ. На момент написания данной статьи (март 2021 года) в университете в статусе постоянно действующих находится двадцать один автономный диссертационный совет.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2017 г. №792-р «Об утверждении Перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым-четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”».

Работа в новых условиях предполагает необходимость тщательного изучения сложившейся в университете нормативно-правовой базы. Авторы статьи ставят цель выделить наиболее значимые нововведения по сравнению с «ваковской» моделью работы и актуализировать их для соискателей ученых степеней и их научных руководителей (научных консультантов), членов вновь создаваемых диссертационных советов.

Присуждение или отказ присудить ученую степень диссертационным советом.

В автономной модели присуждения ученых степеней требования к кандидатам не претерпели изменений. Действуют прежние критерии отбора, которые сложились ещё на основе нормативных предписаний ВАК РФ. Так, согласно п. 1.4 Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет»² соискатель ученой степени должен получить высшее образование (магистратуру или специалитет), закончить аспирантуру (для тех, кто в ней учится), сдать экзамен по специальности, подготовить диссертацию и получить положительное заключение от кафедры (организации), где осуществлялась её подготовка.

Научные требования к диссертации сохранились без изменений и полностью соответствуют стандартам, прописанным в Постановлении Правительства от 24 сентября 2013 г. №842³. Докторская диссертация должна быть нацелена на разработку концепции, квалифицируемой как научное достижение, а кандидатская — на решение задач, имеющих значение для соответствующих отраслей знания (п. 2.1 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ).

В п. 2.2 указанного Положения этот общий посыл конкретизируется в трёх тезисах:

- 1) диссертация должна быть написана самостоятельно;
- 2) диссертация должна обладать внутренним единством;

3) диссертация должна содержать прирост нового знания.

С первым тезисом всё ясно, и он не нуждается в дополнительных толкованиях. Последующие два по сложившейся традиции интерпретируются согласно неписаным правилам, которые утвердились в конкретной отрасли наук. Дополнительно к этому свои традиции закладываются в каждом научном сообществе. Детализация формальных правил здесь излишня, да и невозможна. Данный вопрос является в строгом смысле слова доверительным. Если администрация ЮФУ принимает решение об открытии диссертационного совета по конкретной научной отрасли, следовательно, она убеждена в его способности обеспечить качественный отбор диссертаций и беспристрастную их оценку на предмет научной состоятельности по принятым формальным и сложившимся неформальным требованиям. Поскольку диссертация является не только научной, но и квалификационной работой, то сохраняется общая установка на обязательное наличие неких рамок, в число которых в обязательном порядке входят требования о базовых компонентах структуры («Введение», «Основная часть», «Заключение», «Список литературы») и их внешнем выражении. В качестве обязательных частей «Введения» заявляется актуальность, степень разработанности, объект, предмет, цель, задачи, методология и методы, положения и тезисы новизны, теоретическая и практическая значимость, степень достоверности и апробация результатов исследования. Также специально указывается, что «Основная часть» диссертации должна быть разбита на главы и параграфы, а в «Заключении» следует отразить итоги, рекомендации и перспективы последующего исследования проблемы (п. 3.2 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ).

Давая характеристику этим правилам, нельзя не заметить, что по сравнению с «ваковской» моделью повышается степень регламентации правил для написания текста диссертационной работы. Впрочем, мы не связываем

² Положение от 4 марта 2021 г. №40-ОД «Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет»».

³ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842 «О порядке присуждения ученых степеней».

с этим возникновение новых трудностей или непреодолимых барьеров, поскольку всё, что перечислено в анализируемом документе, уже было выработано и действовало прежде в виде негласных правил. Единственное из того, что не нашло отражения из обязательного набора, входящего в структуру введения диссертаций по социологии, это гипотеза и эмпирическая база исследования. Понятно, что перечисление источников эмпирической информации не обязательно в некоторых отраслях научного знания. Вполне возможно, что в каком-то научном сообществе гипотеза не рассматривается в форме обязательного атрибута. Но, мы убеждены, диссертационная работа по социологии не может считаться успешной, если в процессе её написания не уделять пристального внимания эмпирической базе или отказываться от гипотезы как значимого аспекта в концептуализации проблемы и организации эмпирического исследования.

2 октября 2020 года состоялся Пленум ВАК, на котором был принят проект, предусматривающий возможность защиты диссертации без оформленного по установленным формальным требованиям текста. Это нововведение ещё не приняло статус нормативного и касается только возможностей защит по присуждению докторских степеней.

Дополнительно к диссертации и на её основе соискатель подготавливает автореферат (п. 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ).

Важнейшим условием постановки работы на защиту является наличие у соискателя статей по проблеме диссертации, опубликованных автором в научных изданиях (п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ). Стандарты ЮФУ по требованиям к количеству и качеству публикаций превышают нормативы, которые существуют на данный момент в «ваковской» модели. Так, согласно пп. 2.3.1–2.3.6 Положения о при-

суждении ученых степеней в ЮФУ результаты деятельности соискателя научной степени по гуманитарным наукам должны отразиться в трех (или более) публикациях, одна из которых — в журналах из базы Scopus и/или Web of Science, а две другие — в журналах, включенных в Перечень научных изданий. Указанный Перечень формируется по инициативе диссертационного совета или структурного подразделения, в котором он создан⁴. Допускается замена публикаций из Перечня в пользу базы данных Scopus и/или Web of Science. Обратная замена не предусмотрена.

Набор документов для постановки работы на защиту не претерпел по сравнению с ваковской моделью каких-либо изменений: заявление соискателя, копии об окончании высшего учебного заведения (магистратуры, специалитета, аспирантуры), заверенная копия о сдаче кандидатского минимума по специальности (для соискателей), рукописи диссертации и рукописи автореферата в электронном и машинописном виде с подписью на титульном листе соискателя, копия приказа об утверждении темы диссертации, положительное заключение кафедры, отзыв научного руководителя (консультанта), две маркированные карточки с обратным адресом соискателя (п. 4.2 Положения⁵ о совете по защите диссертаций).

Изменилось место их принятия. Ранее это был диссертационный совет, по новой модели — это департамент аттестации научных кадров ЮФУ (ДАНК ЮФУ). Соискатель обращается с заявлением в ДАНК ЮФУ, куда направляется весь перечисленный выше пакет документов и текст диссертации (п. 5.1 Положения о департаменте научных кадров⁶). ДАНК ЮФУ самостоятельно проводит экспертизу в течение 10 рабочих дней (п. 5.2 Положения о департаменте аттестации научных кадров). При установлении соответствия документов предъявляемым требованиям ДАНК ЮФУ в течение 5 дней передает весь пакет

4 Приказ от 4 марта 2021 г. №41-ОД «Об утверждении правил формирования перечня научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, представленных для защиты в диссертационные советы ЮФУ».

5 Положение от 4 марта 2021 г. №42-ОД «О совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет»».

6 Приказ от 18 декабря 2018 г. №136-ОД «Об утверждении Положения о департаменте аттестации научных кадров ЮФУ».

в диссертационный совет для предварительного рассмотрения диссертации. Для этого диссертационный совет создает экспертную комиссию, куда входит не менее трех членов.

П. 4.3 Положения о совете по защите диссертаций четко определяет круг вопросов, входящих в юрисдикцию экспертной комиссии:

- 1) соответствие темы и содержания паспорта научной специальности;
- 2) полнота изложения идей диссертации в опубликованных работах;
- 3) оценка качества и количества публикаций соискателя;
- 4) наличие в диссертации некорректных заимствований;
- 5) выявление работ в соавторстве, когда соавторы не указываются.

Представленная юрисдикция вызывает, по меньшей мере, два вопроса. Один из них чисто технический: нет четкой легализации в нормативных документах допустимого процента заимствований, в «ваковской» модели он равнялся 10%. Также остается без внимания проблема автоплагиата, которая по-разному интерпретировалась ВАК РФ и Диссернетом, претендующим сейчас на статус и палача, и, одновременно, творца этических норм для научного сообщества.

Второй вопрос более сложный. Оценка пяти пунктов показывает, что экспертная комиссия не имеет полномочий давать характеристику уровню научности полученного текста диссертации, а это предполагает, что содержательные аспекты работы будут рассматриваться только в ходе предварительного обсуждения на кафедре того вуза, где было подготовлено диссертационное исследование и принято соответствующее заключение. Если работа подготовлена в ЮФУ, мы не видим в этом проблемы. Но, когда документы в ДАНК ЮФУ поступают из другого вуза, на данную норму следует посмотреть иначе. Высока вероятность, что подготовка такой диссертации осуществлялась в рамках иных стандартов научного качества. Следовательно, они могут не соответствовать тем, которые сформировались в Южном федеральном университете. Это неизбежно перенесет споры о достоверности полученных выводов, внутреннем единстве текста, корректности избранных методов и методологии на площадку заседания диссертационного совета.

Мы понимаем, что не каждая защита в обязательном порядке должна заканчиваться присуждением ученой степени, но хотелось бы, руководствуясь принципом гуманизма, не превращать процедуру защиты в декларацию недостатков и авторских провалов. Поэтому, чтобы не переводить решение этого вопроса в теневые практики, мы считаем необходимым расширить полномочия экспертной комиссии до наделения её правом давать квалификацию научной состоятельности диссертационного текста.

Согласно п. 4.3 Положения о совете по защите диссертаций «экспертная комиссия представляет диссертационному совету заключение» по поводу пяти обозначенных выше тезисов. Из указанной нормы, однако, не ясно, имеет ли право экспертная комиссия рекомендовать диссертацию к защите или высказывает свое мнение по пяти пунктам отдельно на предмет их соответствия установленным нормативам. Также не вполне понятно, что делать, если у членов комиссии имеются разногласия: их мнение должно быть консолидированным на основе позиции большинства или несогласованные позиции формулируются отдельно? Выходом из положения могла бы стать разработка типового заключения экспертной комиссии.

Получив заключение экспертной комиссии, диссертационный совет простым большинством и открытым голосованием принимает на своем заседании решение об отказе в приеме диссертации или постановки её на защиту. Время работы экспертной комиссии и сроки двух заседаний диссертационного совета (о назначении экспертной комиссии и оценки её заключения на текст диссертации) не определены, но все решения должны быть приняты в течение двух месяцев со дня поступления документов для кандидатской, и четырех месяцев — для докторской диссертаций (п. 4.4 Положения о совете по защите диссертаций).

Если принято решение не принимать диссертацию к защите, то оно оформляется протоколом, выписка из которого в десятидневный срок вручается соискателю с обоснованием причин отказа (п. 4.5 Положения о совете по защите диссертаций). Документы в течение 5 рабочих дней передаются в ДАНК ЮФУ (п. 5.4 Положения о департа-

менте аттестации научных кадров). В случае принятия диссертации назначаются официальные оппоненты и дата защиты, дается разрешение напечатать автореферат и разместить на официальных сайтах ЮФУ и ВАК РФ объявление о защите (п. 4.6 Положения о совете по защите диссертаций).

Нормативный порядок по самостоятельному присуждению ученых степеней в ЮФУ не предусматривает наличие института ведущей организации. Мы полагаем, что его исключение следует принять как должное, поскольку практика последних лет работы диссертационных советов показала имитационный характер участия ведущей организации в процедуре защиты диссертаций.

Отличия также касаются квалификационных требований к оппонентам: они по-прежнему должны иметь публикации по проблематике, представленной диссертации, но не обязательно в журналах из списка ВАК. При этом четко фиксируется обязательность наличия докторской степени хотя бы у одного из двух для кандидатских диссертаций и у всех трех оппонентов — для докторских. Новацией выступает допустимость назначения одного оппонента из числа членов диссертационного совета (п. 4.7 Положения о совете по защите диссертаций).

Несколько слов необходимо сказать о сроках движения документов. Кандидатскую диссертацию следует разместить на сайте ЮФУ не позднее двух месяцев до защиты, а докторскую — не позднее трёх (п. 4.6 Положения о совете по защите диссертаций). Оригиналы отзывов официальных оппонентов передаются в диссертационный совет не позднее 15 дней, а копии соискателю — 10 дней до дня защиты. Не позднее 10 дней до дня защиты необходимо разместить отзывы официальных оппонентов на официальном сайте ЮФУ (п. 4.8 Положения о совете по защите диссертаций).

Как и прежде, кворум на заседании диссертационного совета устанавливается количеством от двух третей присутствующих его

членов. При определенных обстоятельствах решение этой задачи может иметь проблемный характер. Так, п. 2.1.7 Положения о совете по защите диссертаций устанавливает, что «количество членов диссертационного совета не из числа работников ЮФУ должно составлять не менее 25 % общего состава диссертационного совета». Допускается паритетное соотношение — 50/50. Если количество иногородних участников приблизится к половине, то препятствием для обеспечения кворума способна стать норма п. 5.1 Положения о совете по защите диссертаций, согласно которой в интерактивном режиме может участвовать только один член диссертационного совета. В некотором смысле это правило противоречит п. «а» п. 1 Постановления Правительства РФ от 26 мая 2020 г. №751⁷, которым допускается интерактивное участие в заседании диссертационного совета для двух третей его членов. Впрочем, мы понимаем, что сравнение двух нормативно-правовых актов не вполне корректно, т.к. первый принимался для постоянной работы, а второй — только на режим противодействия угрозе коронавирусной инфекции. Но если интерактивное участие технически возможно и оно покажет свою эффективность, то увеличение квоты на такой формат работы будет содействовать расширению научного сотрудничества, укреплению связей в научном мире, преодолению коррупционных практик и повышению качества диссертационных работ.

Ещё одной примечательной новацией выступает возможность защиты диссертации на иностранном языке (п. 5.1 Положения о совете по защите диссертаций). Это, безусловно, важная норма, значительно расширяющая ресурсы диссертационного совета по обеспечению высокого качества проведения защиты диссертации с участием иностранных граждан.

Процедура проведения защиты в Южном федеральном университете не претерпела изменений, повторяя правила, сложившиеся в прежнем, «ваковском» формате.

⁷ Постановление Правительства РФ от 26 мая 2020 г. №751 «Об особенностях проведения заседаний советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации».

Подтверждение решения диссертационного совета или отказ присудить ученую степень надзорными органами ЮФУ. Если решение диссертационного совета было положительным, то в течение 30 дней со дня защиты аттестационное дело соискателя отправляется в Аттестационную комиссию (п. 5.7 Положения о совете по защите диссертаций). Экспертиза диссертации и аттестационного дела соискателя проводится Аттестационной комиссией по присуждению ученых степеней в ЮФУ⁸.

Аттестационная комиссия дает заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о совете по защите диссертаций в ЮФУ и Положением о присуждении ученых степеней в ЮФУ (п. 5.1 Положения об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней). Очевидно, оно будет основываться на авторитетном мнении члена Аттестационной комиссии, включенного туда по соответствующей отрасли наук, так как в ординарном порядке экспертиза проводится одним из членов данной комиссии. Однако в случае, если оппонент предоставил отрицательный отзыв, имеется отрицательный отзыв на автореферат, за положительное решение о присуждении ученой степени проголосовало менее 75% присутствующих на заседании членов диссертационного совета, есть сомнения в степени новизны и практической значимости полученных результатов, то создается комиссия численностью не менее трёх человек (п. 5.2 Положения об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней).

Заключение о соответствии принимается на заседании Аттестационной комиссии. Если возникает необходимость в уточнении личного вклада соискателя ученой степени, научной новизны и самостоятельности написания текста, то аттестационная комиссия на основе мотивированного заключения комиссии приглашает на свое заседание соискателя ученой степени. Кроме него, могут быть приглашены председатель или заместитель председателя диссертационного совета, оппоненты, научный руководитель, а также

ведущие специалисты по проблеме с правом совещательного голоса. Неявка соискателя обязывает Аттестационную комиссию перенести заседание. При повторной неявке соискателя заседание проводится в его отсутствие (п. 5.5 Положения об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней).

Заключение о соответствии принимается открытым голосованием простым большинством голосов (п. 5.6 Положения об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней). Если у соискателя ученой степени есть сомнения в положительном итоге голосования или какие-то иные мотивы, то он имеет право сделать письменное заявление об отзыве диссертации, после чего она снимается с рассмотрения (п. 5.7 Положения об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней).

Аттестационной комиссии отводится не более двух месяцев для принятия решения со дня поступления документов из диссертационного совета (п. 5.10 Положения об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней).

Заключение Аттестационной комиссии, независимо от положительного или отрицательного характера, не является окончательным вердиктом. Далее оно поступает в Ученый совет ЮФУ, который рассматривает его на своем очередном заседании. Положительное решение Ученого совета ЮФУ оформляется приказом ректора. Только после этого соискатель может получить долгожданный диплом кандидата или доктора наук. В случае отрицательного решения ученой степени не присуждается.

Иной порядок предусмотрен, если диссертационный совет вынес отрицательное решение по результатам защиты диссертации. В этом случае в тридцатидневный срок со дня защиты в ДАНК ЮФУ направляется уведомительное письмо об отказе в присуждении ученой степени, стенограмма и материалы аттестационного дела (п. 5.10 Положения о совете по защите диссертаций). Текст может быть повторно представлен к защите через 1 год в переработанном виде.

⁸ Положение от 4 марта 2021 г. №39-ОД «Об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет»».

На решение диссертационного совета по отказу о присуждении ученой степени допускается подача апелляции. Однако фиксация нормативного порядка данного института нам представляется не очень удачной, т.к. из него не вполне понятны последовательность действий соискателя ученой степени при подаче апелляционной жалобы, разграничение полномочий между диссертационным советом и аттестационной комиссией, целесообразность подачи апелляционной жалобы в диссертационный совет, который только что принял отрицательное решение, основания удовлетворения апелляционной жалобы, а также допустимость присуждения ученой степени без нового заседания диссертационного совета. Полагаем, что все эти вопросы должны быть более четко детализированы.

Заключение. Подводя итог рассмотренным вопросам, можно отметить, что в Южном федеральном университете сформировался нормативный и организационный механизм, направленный на реализацию права по самостоятельному присуждению ученых степеней. Он характеризуется последовательностью, системностью, логичной структурой, обоснованностью и достаточностью. Применение проанализированных норм и использование сложившейся организационной структуры содержит необходимый потенциал для того, чтобы действующие на их основе диссертационные советы осуществляли

отбор и проводили защиту диссертаций, способных обеспечить прирост нового знания, интеграцию теории и практики, расширение внутрироссийского и международного сотрудничества научных сообществ, подготовку кадрового резерва.

В то же время некоторые из действующих норм нуждаются в дальнейшем совершенствовании. По нашему мнению, следует официально легализовать автоплагиат в диссертациях и не считать его некорректным заимствованием. Считаем разумным расширить полномочия экспертной комиссии на этапе предварительного обсуждения текста диссертации до наделения её правом оценивать научную состоятельность представленной работы. Это будет содействовать повышению качества экспертизы диссертации на тех кафедрах, где проводилась их подготовка. Было бы также целесообразно разработать типовое заключение экспертной комиссии для диссертационных советов ЮФУ. Помимо сказанного, считаем полезным увеличение квоты для членов диссертационного совета, имеющих право на интерактивное участие. Наличие только одной опции не соответствует современным цифровым возможностям ЮФУ. Данное изменение будет способствовать обеспечению кворума для проведения заседания диссертационного совета. И, наконец, более четко и детально прописать механизм процедуры апелляционного обжалования решения диссертационного совета по отказу в присуждении ученой степени.

Статья поступила в редакцию 24.07.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The article was submitted on 24.07.2021; approved after reviewing on 25.08.2021; accepted for publication on 22.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дятлов Александр Викторович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Alexander V. Dyatlov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia.

Ковалев Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Vitaliy V. Kovalev — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia.

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе».

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region».

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Уважаемые авторы!

Правильное оформление статьи значительно ускоряет процесс ее обработки и передачи в работу для подготовки в печать

Все статьи проверяются системой «Антиплагиат» (оригинальность текста не менее 85 %).

При оценке заимствований учитываются два параметра (если по одному из них выявляется превышение нормы, статья не принимается к публикации). Норма:

1-й параметр — отдельные фрагменты заимствований (в статье ни один фрагмент заимствований не должен быть выше 10 %);

2-й параметр — общая сумма заимствований (сумма всех фрагментов заимствований не должна превышать 20 %).

Статья представляется в текстовом формате, включает в себя сведения об авторе, аннотацию, текст статьи, список литературы. Все эти разделы подаются одним файлом.

Сведения об авторе

Необходимо в обязательном порядке представить:

1. ФИО автора (авторов) (на русском и англ. языках).
2. Название организации (на русском и англ. языках).
3. ORCID, Author ID РИНЦ авторов. При наличии могут быть представлены и дополнительные идентификаторы (Scopus ID и др.).
4. Указать автора, ответственного за переписку.
5. Информация об авторе: полная расшифровка имени и отчества, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес, e-mail. Необходимо также указать адрес вуза (на русском и англ. языках).
6. Сведения о вкладе в работу над статьей каждого автора (на русском и англ. языках).
7. Фотография автора хорошего качества, на которой видно лицо. Фотографию можно присылать отдельным файлом.

Название и аннотация

1. Обязательно указывается тип статьи:

научная статья,

обзорная статья,

дискуссионная статья,

персоналии,

редакторская заметка,

рецензия на книгу,

рецензия на статью,

информационно-методическое сообщение,

краткое сообщение.

2. Перед названием необходимо указать УДК.

3. Название статьи (на русском и англ. языках). В названии не должно быть аббревиатур.

4. Аннотация (от 150 и не больше 250 слов) должна быть разделена на разделы:

Цель

Методология

Результаты

Перспективы исследования

Ключевые слова: 3–10 ключевых слов или словосочетаний

Благодарности

Финансирование

В аннотации не должно быть фамилий, ссылок и сокращений.

Текст

Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практически-ми заданиями;
 - анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
 - выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
 - формулировка целей статьи (постановка задания);
 - изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
 - выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.
- в статье должна быть выделена структура. Для этого текст нужно разбить на части (Введение, Методика, Результаты, Обсуждение, Заключение). В качестве частей могут быть выделены смысловые блоки, но обязательными являются рубрики «Введение» и «Заключение».
- текст должен содержать 21–35 000 знаков (с пробелами). Сведения об авторе, аннотация и список литературы не учитываются. Минимально — 21 0000 знаков с пробелами.

Оформление текста:

1. Основной текст располагается в 1 колонку.
2. Шрифт текста — Times New Roman, остальные параметры текста не имеют значения.
3. В тексте не должно быть расставленных вручную переносов.
4. В тексте не должно быть автоматических нумерованных и маркированных списков.
5. В тексте не должно быть ссылок и гиперссылок.
6. Буквы, обозначающие переменные в формулах и размещенные в тексте статьи, не должны быть вставлены в текст в виде формул или картинок, только в виде латинских или греческих символов (пункт меню «Вставка → Символ...»).
7. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation 3,0 или Math Type 5,0–6,0 Equation, располагаются в тексте в одну колонку.
8. Таблицы в текст должны быть вставлены в виде таблиц, а не картинок.
9. Иллюстрации только черно-белые (чтобы можно было оценить читаемость при ч/б печати), использование цвета и фона не допускается. Вместо выделения цветом на диаграммах (в Excel) делаются различные штриховки или используются оттенки черного цвета, графики выполняются пунктирными, штрихпунктирными и т. п. линиями.
10. Иллюстрации должны быть хорошего качества и размера: не стоит пытаться поставить несколько очень маленьких рисунков в ряд — они не будут читаться.
11. Все рисунки и таблицы должны иметь название.
12. Все иллюстрации, собранные из надписей в Word, необходимо сохранять и вставлять в текст в виде рисунков (.jpg, .tif, .png).
13. Рисунки могут пересылаться отдельными файлами, но в тексте нужно указать их место.
14. Абзац («красная строка») выставляется только автоматически, а не с помощью клавиш «пробел» или «табуляция».
15. Сокращения использовать не надо. Но если они и используются, то все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы.
16. Абзац не должен начинаться с фамилии автора.

Список источников

В тексте обязательны ссылки на источники:

- обычная ссылка — номер источника из списка литературы в квадратных скобках;

— ссылка при цитате — номер источника из списка литературы + номер страницы в квадратных скобках. В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Оформление списка источников:

- выполняется на русском языке
- строго в алфавитном порядке;
- английские источники в Списке пишутся по-английски и идут после русских (так же в алфавитном порядке); в текстовых ссылках номера страниц английских источников указываются как pages ([12, p. 5]);
- должно быть минимум 10 источников цитирования, обязательно 20% на английском языке;
- в списке литературы под одним номером — один источник, а не список;
- самоцитирование не более 1–2 источников;
- обязательно указывать город и название издательства источника: М.: Наука, 2000;
- обязательно указывать общее количество страниц в источнике или номера страниц, которые занимает источник, если он является частью сборника, журнала и т. д.;
- транслитерация списка литературы и перевод на английский язык не нужна;
- электронные источники оформляются по ГОСТ Р 7.05-2008. Для электронных источников нужно указать те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В списке литературы в качестве электронных источников могут использоваться только электронные журналы.

В список литературы не включаются:

- нормативные и архивные документы;
- статистические сборники;
- справочные издания;
- газетные заметки без указания автора;
- ссылки на главные страницы сайтов.

Данные материалы оформляются в подстрочных библиографических ссылках (сносках внизу страницы). Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

В принципе не допустимо использование в научных статьях:

- статей из внутривузовских сборников;
- авторефератов диссертаций и диссертаций;
- учебных пособий.

Для аспирантов очной формы обучения, статьи которых в порядке очереди публикуются бесплатно, необходимо представить справку с места учебы. Также для аспирантов необходима рекомендация от кафедры.

Только правильно оформленная статья с приложением всех необходимых сопроводительных документов будет рассматриваться редакцией.

При повторном обращении с неполным комплектом документов статья рассмотрена не будет.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2021